

Лага ЛУЗИНА

Киевские ведьмы
Выстрел в Днепре

Киевские ведьмы

Лада Лузина

Выстрел в Опере

«Фолио»

2007

Лузина Л.

Выстрел в Опере / Л. Лузина — «Фолио», 2007 — (Киевские ведьмы)

"Киевские ведьмы. Выстрел в Опере" – новый роман Лады Лузиной и продолжение волшебной истории, начатой ею в книге "Киевские ведьмы. Меч и Крест". Ровно 90 лет назад октябрьская революция пришла в мир из Киева – из Столицы Ведьм! И киевлянин Михаил Булгаков знал почему в тот год так ярко горели на небе Марс и Венера – боги-прародители амазонок. Ведь "красная" революция стала революцией женской. Большевики первыми в мире признали за женщинами равные права с мужчинами, сделав первый шаг к Новому Матриархату а этом захватывающем приключенческо-историческом романе вы встретитесь с киевской гимназисткой и будущей первой поэтессой России Анной Ахматовой и Михаилом Булгаковым. Узнаете, что украинки произошли от легендарных амазонок, что поэзия причудливо переплетена с магией...

© Лузина Л., 2007

© Фолио, 2007

Содержание

«Зазеркалье» Лады Лузиной	6
Начало волшебной истории!	8
13 лет назад	9
Глава первая,	10
Глава вторая,	22
Глава третья,	33
Глава четвертая,	46
Глава пятая,	59
Глава шестая,	74
Глава седьмая,	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Лада Лузина Выстрел в Опере Киевские ведьмы Шабаш второй

«Зазеркалье» Лады Лузиной

*Он тот, кто смешивает карты,
Обманывает вес и счет,
Он тот, кто спрашивает с парты,
Кто Канта наголову бьет,
Кто в каменном гробу Бастилий —
Как дерево в своей красе.
Тот, чьи следы – всегда простыли,
Тот поезд, на который все
Опаздывают...*

Борис Пастернак

Бывает же такое везение! Мне, рядовому обывателю современного Киева, попасть в Город ушедших эпох, увы, не удавалось ни разу. Я мог лишь представить себе мой бесконечно любимый Город, всматриваясь в пожелтевшие фотографии и тексты старинных фолиантов со всяческими ерами, ятями и ижицами, мог лишь со слов свидетелей «раньше времени» пережить опыт реконструкции, но чтобы вот так, вопреки неизбежному течению времени, где путь проложен только в будущее, прокатиться на старом «пульмане», пообедать в «Европейской» гостинице и побеседовать на равных с Анной Ахматовой, и даже запросто, панибратски (правда, на грани дозволенного) пообщаться с Александром Куприным! Такое могут позволить себе только гениальные поэты, юридивые и...

Ведьмы!!! Бессмертное гоголевское «В Киеве все бабы – ведьмы» подтверждают произведения талантливой киевлянки Владиславы Кучеровой (то есть Киевицы, то есть Лады Лузиной), в творчестве которой всюду прослеживаются «брокеновские штучки», правда, нашего, местного, но не менее масштабного и яркого пошива. В Киеве, разумеется, подобное место шабашей – Лысая гора, куда, смею думать, хотя бы раз в году, на Купалу прилетает посудачить с подружками и сама Лада. Уж не знаю, на «борове» ли каком (допускаю такую возможность, ибо знаю, что госпожа Лузина чтит своего не менее мистического земляка – Михаила Булгакова), либо на более традиционной метле (думаю, что и Николая Гоголя наша уважаемая писательница уважает), а только обязательно навевывается туда.

Произведения Лады пропитаны духом Киева, Города, где не только крестили Русь и сбрасывали в Днепр языческих истуканов, но где и до сих пор полно всяческой нечисти. Не случайно Николай Гумилев «Из города Киева, из логова Змиева» забрал «не жену, а колдунью»!

Оказавшись, благодаря Ладе, в Киеве вековой давности, пережив вместе с ней яркие события, в которых даже захотелось принять непосредственное участие, я, по понятным причинам, с большой неохотой «вернулся» в настоящее.

Авантюрные романы Лады Лузиной, проникнутые и отменным знанием исторического материала, и тонкой иронией, и искрометным юмором, читаются легко и непринужденно. Задумываться и анализировать нет времени. Хочется спешить и спешить, опасаясь, что не успеешь... И хочется продолжения, ибо для писательницы минута, прожитая «там», – будто бы по теории Эйнштейна – год, прожитый в нашем брэнном мире. А жизнь коротка. Вкусно подобранные слова складываются в предложения, оные – в абзацы и главы того романа, который вам, уважаемый читатель, на зависть мне, еще только предстоит прочесть.

*Александр Анисимов,
историк, журналист.*

Автор выражает глубокую признательность своим друзьям и помощникам – книгам:

«КИЕВ И КИЕВЛЯНЕ»

Александра Анисимова

«МАЛАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
КИЕВСКОЙ СТАРИНЫ»

Анатолия Макарова

«КИЕВ МИХАИЛА БУЛГАКОВА»

А. Кончаковского, Д. Малакова

«КРЕЩАТИК, ИЗВЕСТНЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ»

Михаила Рыбакова

А также – особую благодарность статье

«АННА АХМАТОВА В КИЕВЕ»

Евдокии Ольшанской

и книге

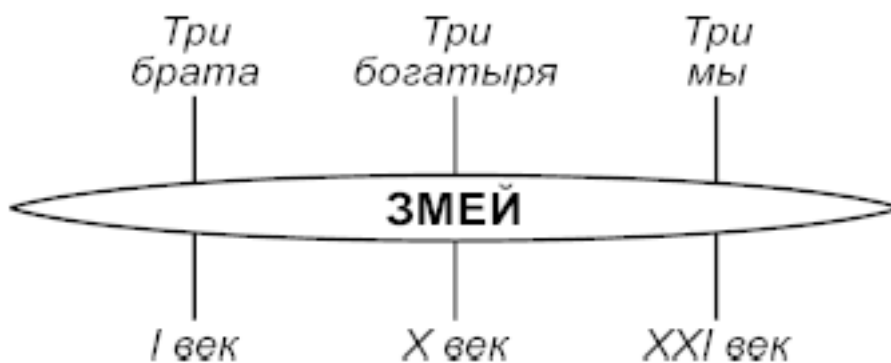
«МАСТЕР И ГОРОД»

Мирона Петровского

– без которых не было бы моей книги.

Начало волшебной истории! Шабаш первый

*Madame Лузина загремела чашками.
– Скорее, господа, не будем терять времени!..
Михаил Булгаков. «Спиритический сеанс»*

Моему Городу посвящается

13 лет назад

– Мама, а когда я вырасту, я смогу купить Мариинский дворец?

– Ты сможешь просто забрать его себе.

– А я смогу летать?

– Да, доченька, сколько угодно...

– А когда я стану такой, как ты?

У ее мамы были золотые волосы, а глаза голубые и ясные, как камешки на дне ручья. Ее мама могла совершенно все. Даже отвечать на вопросы дочери, одновременно чертя что-то важное и взрослое в большой бухгалтерской тетради.

Только теперь она не ответила.

Ровная строка под ее рукой оборвалась... Мама недоверчиво нахмурилась, закусилла нижнюю губу и медленно, отрицательно покачала головой. А секунду спустя вырвала из тетради последний лист и скомкала его в шар.

– Мама, что ты делаешь? – спросила дочь.

– Ничего. – Мама не глядела на нее. Она глядела на шар. – Что ты спрашивала, милая?

– А когда я стану такой, как ты?

– Скоро. – Мамин голос прозвучал странно. – Очень скоро. – Шар полетел в корзину для бумаг.

– Мама, – удивленно вскрикнула дочь, – у нас тетя!

Мать обернулась. В дверном проеме стояла незнакомая девушка.

– Мама... – плачуще произнесла гостья.

– Это моя мама! – рассердилась дочь. – У нее нет других девочек!

– Не бойся. Тетя шутит, – утешила ее золотоволосая мама. – Что-то произошло? – Она исподлобья смотрела на гостью.

– Я очень прошу тебя... Очень тебя прошу... – попросила та, запинаясь. – Сделай так, чтобы Трех не было.

– Ты пришла ко мне за этим?

– Да.

– Значит?

– Да. Ты умерла! Ты умерла, ма!

Женщина остановила ее поднятым пальцем. Помедлив, вытащила из корзины измятый листок. Аккуратно разгладила его. Перечитала.

И отрицательно покачала головой.

– Мне очень жаль, – сказала она, – очень жаль, дорогая.

Глава первая, в которой случается невозможное

*«То ль дело Киев! Что за край!
Валятся сами в рот галушки,
Вином – хоть пару поддавай,
А молодицы-молодушки!*

*Ей-ей, не жаль отдать души
За взгляд красоты чернобривой.
Одним, одним не хороши...»
– «А чем же? Расскажи, служивый».*

*...Разделась донага; потом
Из склянки три раза хлебнула
И вдруг на венчике верхом
Взвилась в трубу – и улизнула.
Александр Пушкин. «Гусар».*

В ясный июльский день по аллее Гимназистов, разрезающей пополам бывший Бибиковский бульвар, шла чудаковатая рыжая барышня.

Чудаковатым был ее взгляд – то затравленно прыгающий, трусливо исследуя идущих навстречу (причем вальяжно-летние мужчины отчего-то не интересовали барышню вовсе, а вот дамы, вне зависимости от возраста, подвергались немедленному облучению серо-зеленых глаз), то горделиво прорисовывающий фасады левосторонних зданий с любовью хозяйки, готовящей мир к капитальному ремонту.

Рыжая деловито прощупала взором изумрудный дом-«шкатулку» – единственный в Киеве, украшенный лепниной из фарфора.

Мысленно дорисовала недостающую башню к фасаду дома 18-ть – бывшей 2-й гимназии, где учился в подготовительном классе Миша Булгаков и служил в должности регента хора его родной дядя Булгаков СИ.

Положила руку на грудь, где, на шнурке, под рубашкой, висел не крест, а диковинный ключ от первого 13-го дома...

А шагов десять спустя повела себя и вовсе чудно.

Резко остановилась, и на ее круглом лице объявилось симптоматичное выражение, случающееся у особей женского пола, внезапно и не запланированно встретивших на пути главного мужчину своей жизни, который уже бросил их болезненно и навсегда.

Вот только никаких мужчин на пути рыжей не наблюдалось.

За низкой оградой аллеи, сияя семью золотыми и сине-звездчатыми куполами, стоял Самый прекрасный в мире Владимирский собор!

Рыжая впилась в него отчаянно-страдающим взглядом.

Но на том чудеса не закончились.

Аккурат в это самое время в начале аллеи появился еще один женский экземпляр – длинноногий, надменно-красивый и по-июльскому полуголый. Экземпляр сопровождал мужчину, глядевший на обнаженное, перечеркнутое узкой полоской бретельки плечо своей спутницы так, словно жаждал откусить от него хоть кусочек.

– Я тебе сто раз говорила, это был обычный девичник! И если ты будешь вести себя, как идиот... – раздраженно отчитывала сопровождаителя девушка, невзирая ни на его обожание, ни на него самого.

И поперхнулась, увидев рыжую.

– Аллочка, ну пойми... – заныл парень.

И замолчал.

Позабыв про воспитуемого мужчину, длинноногая направилась в сторону рыжеволосой. Подошла к ней мелкими, робкими шажками, посмотрела с ничем не объяснимым восторгом на ее двадцатилетней давности полосатую мужскую рубашу, израненные дырами дешевые джинсы и вдруг переломилась пред той пополам в непонятном и низком поклоне.

– Слава Вам, Ясная Киевица! – пролепетала она исполненным преклонения голосом.

Рыжая вздрогнула.

Оглянулась.

Глубоко и нервно засунула руки в карманы измученных джинсов и, буркнув невнятное «здрасьте», позорно помчалась прочь.

– Кто это такая? – Мужчина стоял за спиной своей девушки, потрясенно косясь в сторону убегающей замарашки. – Вид у нее бомжовый.

– Молчи! – зло шикнула девушка. И злость ее адресовалась вопрошающему, его реплике, увиденной им не лестной для нее мизансцены, – уважительно обмякая рыжеволосую. – Ты не знаешь, кто она. Ты живешь в ЕЕ Городе!

* * *

– Итак, на повестке дня у нас три вопроса. Первый: можем ли мы колдовать для собственной надобности.

Выговорившая эти казенные слова черноволосая дама застыла в раме балконных дверей, распахнутых в солнечный, шелестящий листвою Ярославов Вал.

Внизу, по улице, в русле которой пролегал в XI веке высокий вал, построенный Ярославом Мудрым, желавшим защищать свой стольный Град от врагов, шествовали неспешные киевляне, нимало не задумывающиеся ни о происхождении названия улицы, ни о том, кто живет в коралловой башне дома-замка на Яр Валу № 1.

В Башне же обитали шестеро.

Вылизанная (собственным языком) белоснежнейшая кошка Белладонна, сидевшая на полу в двух шагах от казенной дамы и вполне серьезно взиравшая на говорившую. Громадный и исхудавший черный кот Бегемот с разбойничьей мордой и надорванным ухом, уместившийся поодаль, презрительно повернувшись к честной компании задом. И круглая рыжая кошатина по имени Изида Пуфик, возлежавшая в виде раскормленной горжетки на шее улыбающейся, смешливой девицы.

Раскормленная горжетка чем-то неуловимо напоминала свою хозяйку – вопиющую блондинку – крутобюстную, круглоглазую и круглоносую. А вот сидящая рядом с блондинкой рыжая барышня в полосатой рубаше – казалась полной противоположностью соседки.

Да и вообще, все три женщины – брюнетка, блондинка и рыжая, собравшиеся в круглой комнате Башни, – были полной противоположностью друг друга, и стороннему наблюдателю трудно было бы измыслить причину, способную объединить воедино подобный триумвират.

– ...В частности, могу ли я с помощью магии увеличить доход моих супермаркетов? – Голос черноволосой Кати звучал властно, и ее голосу шла властность, а ей самой совершенно не шли золотые очки с узкими, «сощуренными» стеклами.

Впрочем, если не считать этой неважной детали, лицо Екатерины Дображанской было красивым настолько, что у увидевшего ее впервые пропадали желанья и мысли.

Разлет ее бровей, разрез глаз, прихотливый вырез губ – впечатывались в память, как клеймо в кожу раба.

Однако беловолосая Даша Чуб, по кличке Землепотрясная, исповедовала принцип:

«Мы – не рабы, рабы – не мы!»

– Не можешь! – безапелляционно заявила она. – Я уже поведьмовала для собственной надобности. Все помнят, чем мое ведьмовство окончилось. Три аварии и один труп!

Круглобокая, крепко сбитая и упругая, как мяч, Даша вызывала непреодолимое желание ущипнуть ее за вкусный бочок.

Ге улыбка заражала, манеры – пугали, а наряд приводил в недоумение. Помимо рыжей кошки, Землепотрясную украшало множество завлекалочек и минимум одежды. Точнее, из одежды на Даше была лишь старая простыня, повязанная на шее крест-накрест.

Зато на руках ее звенело не меньше двадцати золотых браслетов, на шее лежали четыре мониста из золотых дукатов, в ушах висели огромные серьги, рожденные в эпоху Киевской Руси. Белые волосы, заплетенные в сотню пухлых папуасских косичек, блестели золотыми заколками.

– Второй труп был бы твой, если бы Маша тебя не воскресила, – сморщилась Чуб в сторону красивой Кати и перевела взгляд на третью.

На фоне яркой блондинки и изумительно красивой брюнетки Маша Ковалева, рыжая и смурная, казалась совсем неприметной.

С высоким готическим лбом, с золотыми бровями, почти сливающимися по цвету с пергаментной кожей, с глазами, переполненными вопросами, на которые не стоит знать ответы, она вызывала чувство смущенного непонимания.

Рыжая сидела на краю дивана, сутулясь и опустив глаза, точно ее терзало изнутри неразрешимое и гнетущее нечто.

– Да, можем, – отрешенно сказала она. И коротко пояснила: – Я считаю, мы можем ведьмовать.

– Ты че?! – возмутилась Землепотрясная Даша. (Громко че-кать по любому поводу было одной из неискоренимых Дашиных привычек!) – Ты че, Маш, совсем вдруг того? Во всех фильмах ведьмам запрещено пользоваться колдовством для личной выгоды.

– Мы – не ведьмы. Мы – Киевщицы, – сказала Маша. Она смотрела на свои сцепленные в «замок» руки, стиснутые между коленями. – Наша власть – дар, такой же, как и любой другой. И запрещать нам пользоваться своим даром для личных нужд так же абсурдно, как запрещать писателю вести личный дневник, а балерине танцевать на дискотеке для собственного удовольствия. Мы можем делать все, что хотим. Просто мы не должны делать зло, как в магии, так и без нее, не должны отбирать у кого-то что-то, не должны ведьмовать втайне друг от друга. Но я не могу понять, почему, если я боюсь высоты, я не могу применить заклятие «Рать» против страха? Или облегчить с помощью заговора «Сет» роды... жене своего брата.

– А у твоего брата жена ребенка ждет? – заинтересовалась новой темой Землепотрясная.

– За-ме-чательно! – приняла прозвучавший тезис Катя, выказывая восхищение как Машиным выводом, так и тем, как он был сделан.

– Ну, если в таком плане, я тоже не против, – сказала Чуб.

Из чего мой читатель способен без труда сделать вывод: рыжая, грустная и невзрачная Маша и была тем единственным, что связывало между собой несовместимых Дашу и Катю.

Помимо...

– Теперь второй вопрос, – объявила Катерина Дображанская. – Как нам жить дальше? Как управлять Киевом?

– А ты у нас че, председатель? – немедленно взъелась Даша. – Опять решила командовать? И очки снова надела! В них же простые стекла, сама признавалась.

– Пусть она побудет председателем, тебе что, жалко? – вздохнула Маша, не отрывая глаз от своих мающихся рук. – Она ж пытается как-то наладить нашу жизнь, после того как ее нам разрушили.

– Хорошо. Пусть. Только недолго, – мгновенно согласилась Чуб и, откинувшись на спинку дивана, погладила рыжую «горжетку».

«Горжетка» вибрирующе замурчала и, для полноты счастья, потянулась ленивой лапой к Машиным кудряшкам.

Маша слепо мотнула головой.

Красивая Катя помолчала, давая понять, что перебили ее незаслуженно, и принялась излагать:

– Пять дней назад мы случайно стали ведьмами.

– Киевицами, – упрямо поправила Маша.

– Киевицами, – покорно приняла правку Катя.

– И спасли мир! – похвасталась Чуб.

– Только Киев, – поправила Маша.

– Ну и что? – отбилась от умаления их подвига Даша. – Можно подумать, спасти Киев – не землетрясно!

(Вставлять словечко «Землетрясно» к месту и не к месту было второй из Дашиных привычек.)

– Можно не перебивать?! – Дображанская оскалила зубы и, сложив руки на груди, прибила Землетрясную Дашу повелительным взглядом. – Мы – Киевицы. Мы властвуем над Киевом.

– Так же, как и он над нами. – Судя по всему, Маша не терпела нечеткости формулировок.

– Так же, как и он. – Судя по всему, в отличие от Дашиных реплик, Машины правки Катя воспринимала бесконечно толерантно. – У нас есть личный офис, – Дображанская окинула взором круглую комнату Башни, затянутую в дубовый корсет книжных шкафов, – куда не может попасть ни один человек.

– Если у него нет ключа и он не знает пароля, – сказала Маша.

– Есть три говорящие кошки.

– Только две, – весело хрюкнула Чуб. – Бегемот с нами не разговаривает!

Кончик хвоста черного кота недовольно задергался.

– Есть килограммов 100 – 150 раритетного золота, которое преподнесли нам на шабаше киевские ведьмы и которое надо еще как-то реализовывать, – проигнорировала Дашину реплику Катя.

– Зачем? – Чуб рефлексивно вцепилась в свою серьгу. – Я свое золото носить буду.

– ...И самое главное, – окончила Катя, – Книга Власти!

– Книга Киевиц, – сказала скрупулезная Маша.

В то время как Катя подошла к тонконогому дамскому бюро, на коем возлежала упомянутая вещь, и с вожделием прикоснулась пальцами к черному переплету.

– А еще мы должны каждую ночь дежурить на Старокиевской горе, – влезла Чуб.

– Даша! – разозлилась наконец Дображанская.

– Это важная поправка, – не поддалась та.

– Я к этому и веду! – осадил ее Катерина. Она по-прежнему не отрывала пальцев от Книги, словно прикосновение к ней доставляло ей непреодолимое удовольствие, которого она не в силах себя лишиться. – Я перечислила «плюсы»: власть, золото, квартира в центре... Но есть и «минусы». Как верно заметила Маша, мы – Киевицы. Мы владеем этим Городом и защищаем его. «Киев властвует над нами так же, как и мы над ним» – так написано в Книге. В частности это выражается в том, что мы обязаны каждую ночь дежурить на нашей горе, «чтобы, завидев на небе красный огонь, полететь туда». Туда, где нужна наша помощь.

– Ну а я что сказала? – обиженно буркнула Чуб.

– Тем не менее, – продолжила Катя, – прошлую ночь мы сидели там совершенно зря. На небе ничего не загорелось.

– И что ты теперь предлагаешь? – спросила Землетрясная Даша.

– Я не предлагаю, – с удовольствием выправила ее Катерина, – а выношу на обсуждение. Быть может, целесообразней дежурить по очереди? Еженочные дежурства – изматывающая вещь. А у меня бизнес. У Маши послезавтра экзамен. Только ты у нас можешь спать по полдня, потому что нигде не работаешь.

– А как мне работать? – закипела Землетрясная. – Я ж работала в ночном клубе! По ночам! А теперь все ночи заняты. И если завтра что-то где-то опять загорится, дни тоже пойдут побоку. Это ты у нас сама себе хозяйка. А Маша во-о-ще студентка. Экзамены сдаст – и каникулы. А кто будет держать на работе певицу, которая в любую минуту может скакнуть со сцены, всех кинуть и побежать спасать Город?

– Именно поэтому, – завершила Катерина, – я и предлагаю немного облегчить себе жизнь и дежурить парами. Сегодня ты и Маша. Завтра мы с тобой, чтобы Маша могла подготовиться к экзамену. Послезавтра я с Машей. И так далее.

– Ну-у-у, давайте попробуем. – Чуб отвернулась.

Будучи в недавнем прошлом профессиональной полуночницей – певицей и арт-директором ночного клуба «О-е-ей!», – Даша не видела особой проблемы в том, чтобы не спать каждую ночь.

Но сиднем сидеть ночь напролет, бесплодно вглядываясь в небо над Старокиевской горой, было для ее подвижной натуры занятием куда более тяжким, чем любая дикая пахота.

– Я согласна, – сказала Маша. Теперь она смотрела на свои ноги в старых растрескавшихся кроссовках. – Мне все равно.

– Прекрасно, – подбила итог Катерина, метнув на Машу озабоченный взгляд. – Теперь третий вопрос – самый важный. Что происходит с нашей Машей?

– Со мной? – Впервые за весь разговор рыжая подняла глаза и сконфуженно посмотрела в лицо «председательнице».

– Да! – Впервые за весь разговор Даша Чуб встала под Катины знамена. – Это точно! С ней точно что-то происходит!

– У тебя какие-то проблемы? – Катин голос стал сладко-ватным. – Ты как в воду опущенная.

– Хуже, – уже утопленная! – поддержала ее Даша и с энтузиазмом почесала нос.

(Чесать нос в припадке задумчивости было третьей из Дашиных привычек.)

Маша неуверенно посмотрела на Катю, решая, действительно ли та беспокоится за нее, и спрашивая себя, хватит ли у нее сил открыть свою Тайну.

– Дело в том... – проговорила она, – что я... Нет, сначала другое. Вы должны это знать. Я как раз собиралась сказать. Дело в том, что...

* * *

Дело в том, что всего пять дней назад Мария Владимировна Ковалева, студентка исторического факультета педагогического университета¹, двадцати двух лет от роду, была серым и мечтательным существом, проживающим по адресу улица Уманская, 41, с мамой и папой.

И была она им до тех пор, пока не получила в подарок Город.

Умирающая Киевица Кылына, властительница тысячелетнего Киева, передала свою власть им, троем и случайным, оставив в наследство круглую Башню на Яр Валу – с тремя говорящими кошками, с кладовыми, полными зелий и трав, со шкапами, полными обьежженных метел, – и книгу Киевиц, полную древних и страшных знаний...

¹ Поскольку свой педагогический университет сама Маша по-прежнему именовала – институтом, в дальнейшем мы последуем ее примеру, так как, по мнению Маши (и автор с ней совершенно согласен), – Университет в Киеве только один.

И оказалось, мир совсем не такой, каким казался им – затюканной студентке непрестижного вуза, горделивой владелице сети супермаркетов и арт-директору ночного клуба «О-е-ей!», бывшей по совместительству певицей-неудачницей.

В этом открывшемся им мире не было ни времени, ни смерти, ни тем паче случайностей. Здесь можно было ходить сквозь время и воскрешать мертвых, летать над землей и вселять любовь в своих врагов.

Но чтобы ты ни делал, твое добро всегда оборачивалось злом, а зло добром.

И тот, в кого наивная отличница Маша была безответно влюблена с первого курса, оказался убийцей.

И умер, спасая Машу от смерти, оттого что испил приворотного пойла.

И теперь Маша считала его убийцей себя.

А человек, которого полюбила новая Маша, умер сто лет назад, а за восемь лет до смерти похоронил единственного сына, умершего в Киеве в наказание за поступок отца.

Потому что Город был живым и мог любить и карать!

И звали этого человека Михаил. А фамилия его была Врубель². И Маша отказалась от него сама, в награду за то, что не могла считать наградой. И теперь эта награда мучила ее, став ее Страшную Тайной.

Как мучило ее и то, что, будучи не ведьмами, а Киевицами, они все же были ведьмами – минимум наполовину, поскольку ни одна из них больше не могла войти в церковь, и отныне Маше был заказан путь в ее самый любимый, расписанный Васнецовым и Врубелем, Самый красивый в мире Владимирский собор.

И теперь Маша считала себя нечистой.

Как мучило ее и то, что она, еще неделю назад послушная и тихая, насмерть поссорилась с матерью и ушла из дома.

Как мучило и то, что она уже три дня не видела папу.

И теперь Маша считала себя – плохой дочерью.

Как мучило ее и то, что произошло с ней сегодняшним утром, когда, кое-как собрав прошлое «я» в кулак, она отправилась в институт на консультацию перед экзаменом...

В первую минуту, перешагнув порог родной альма-матер, Маша поверила, что случившееся с ней – странный сон.

Здесь, в стенах привычного педагогического, все было так, как всегда. Студенты как всегда не обращали внимания на невзрачную заучку Ковалеву – в мешковатой одежде, с бледным лицом. И, поднявшись на второй этаж, дойдя до последней ступеньки, Маша как всегда посмотрела на часы, проверяя, по-прежнему ли исправно работает ее внутренний будильник?

Внешнего, то есть реального будильника у нее не было никогда. Раньше – в прошлой жизни – ей достаточно было сказать себе, ложась спать: «Я должна проснуться в 9.00» (или в 7.30, или в 8.15) – и она открывала глаза в назначенный час. А выходя из дома, точно рассчитывала время на путь, с учетом всех пробок и перебоев с транспортом.

Вот и сейчас старенькая преданная «Чайка» на ее руке показывала, что до консультации осталась ровно минута – как раз столько, чтобы пройти по коридору, свернуть направо и оказаться у назначенной аудитории.

Все было, как прежде, как обычно, как раньше. И на Машу накатила несказанный, иллюзорный покой. И она совсем было собралась наслаждаться своей иллюзией не меньше получаса, слушая потрескивающий голос Марковны, как всегда диктующей им подробные ответы на вопросы билетов...

² Врубель Михаил Александрович (1856 – 1910) – великий русский художник, герой предыдущего романа «Киевские ведьмы. Меч и Крест».

Как вдруг, вывернув из ближайшей двери, пред ней зарисовалась самая грозная преподавательница их института, историчка, прозванная Василисой Премудрой (в сокращении – Васей).

Василису сопровождали две ярко накрашенных студентки. По кислым, просящим лицам последних было ясно: девицы относились к числу многочисленных несчастных, не сумевших сдать Васе предыдущий экзамен и, поджав студенческие «хвосты», явившихся попробовать счастье вновь – вновь безрезультатно.

Маша привычно кивнула преподавательнице, успев порадоваться, что экзамен ей она сдала на «отлично», прежде чем высокомерные черты Василисы Андреевны расплылись в благочестивой покорности, прежде чем Премудрая сделала шаг к Ковалевой и, склонив большое, грудастое тело в глубоком поклоне, прошептала:

– Слава Вам, Ясная Киевица!

А Маша вспомнила: в ее новой пятидневной жизни страшный препод была ее подчиненной! Главой орды киевских ведьм, не далее чем позавчера кричавших им «Слава!» на шабаше по случаю Ивана Купалы.

Студентка вжалась в стену.

Хвостатые девицы вытаращились на невероятную сцену – обе они, явно и недвусмысленно, не верили глазам.

– Я имею для вас опасную весть, – продолжая шокировать зрителей, Вася склонилась еще ниже. – В Городе неспокойно. Не все ведьмы признают вашу власть. Вправе ли я просить Вас о встрече с Вами и Вашим Ясным...

– Да, да! – воскликнула Маша. – Приходите к нам на Яр Вал. Я встречу у входа. В пять. Иначе вам не войти. Василиса Андреевна, разогнитесь, пожалуйста.

– Это великая честь для меня. – Выпрямившись, Вася попятилась задом.

«Все, – осознала Маша Ковалева. – Мне придется уйти из института. Если так будет и дальше...»

Но дальше было намного хуже.

Миновав коридор, Киевица наткнулась на щебетливую компанию студентов старших курсов. И пошла себе мимо.

Не тут-то было!

Из сердцевины компании к Маше скакнули две красотики – высокие, яркие, из тех, кто всегда смотрел на нее сверху вниз.

– Слава Вам, Ясная Киевица!

В коридоре образовалась абсолютная тишина.

Маша почувствовала себя восковой. Фигурой из музея мадам Тюссо.

Десяток пар глаз вылупились на нее – ее испуганно подпрыгнувшие и застывшие плечи, дешевые джинсы, кучеряво-рыжие волосы. Девушки, скрючившись, стояли пред Ясною Пани, видимо ожидая от нее ответной репризы.

Но этой репризы Маша не знала!

Кто-то хихикнул. Прочие молчали, тщетно пытаясь разглядеть в происходящем намек на розыгрыш.

– Спасибо, – глупо пискнула Ковалева. – Пожалуйста.

* * *

– Но самое страшное было, когда я дошла до аудитории. И Марковна, преподавательница, к которой я шла на консультацию, бросилась ко мне... А ей шестьдесят лет! Как я к ней послезавтра на экзамен пойду? А если она и на экзамене мне поклонится? Что обо мне другие подумают?

– Подумают, – беззаботно засмеялась Землепотрясная Даша, – что ты ей жуткую взятку дала. Тысяч десять, не меньше. Вот бабка умом и двинулась.

– У нее будут проблемы на работе, – траурно сказала Маша. – А потом я вышла на улицу, а там... Каждая десятая подходила ко мне. Как теперь по улицам ходить?

– Вот так же, наверно, чувствует себя Алла Пугачева! – высказалась певица. – Че ж я, дура, дома сижу? Опять же пора одежду мою из клуба забрать...

– Хорошо еще, в институт меня Катя на машине подвезла, – сказала Маша. – А обратно... Я и не подозревала, что в Киеве так много ведьм!

– Ты видела, сколько их на Купальском шабаше было – тысячи тысяч, – ответила Катя. – Я тоже заметила, что мне пару раз поклонились. Но я редко из машины выхожу.

Даша вскочила с дивана.

Рыжая кошка мешком свалилась с ее загревка и, недовольно крякнув, покосилась на чересчур импульсивную хозяйку.

– Пойду прогуляюсь! Землепотрясно! Мы, выходит, натуральные звезды!

– Подожди ты! – одернула ее Катерина. – Ты говоришь, не все ведьмы признают нашу власть? – обратилась она к Маше.

– Так Вася сказала, – разъяснила та. – И попросила разрешения прийти к нам сегодня. И я ей его дала.

– Не все признают нашу власть. – Катерина Дображанская хмыкнула, и ее рука вновь оказалась на книге Киевиц – книге Власти! – Что ж, я хочу на них посмотреть...

– Ну так разуй глаза, стерва!

Катя непроизвольно вздрогнула.

Трое, словно по команде, обернулись к распахнутым балконным дверям.

На лишенном подходящих подобному сооружению перил бетонном четырехугольнике Башни стояло странное существо с черной метлой в руках.

Черный кот Бегемот утробно мяукнул и кинулся под ноги пришедшей. Даша открыла рот. Маша замерла, глядя на незваную гостью, которая не могла прийти сюда.

Войти в Башню Киевиц могла только Киевица!

Существо ненавидяще усмехнулось и шагнуло в комнату.

– Я не желаю вам здоровья! – произнесло оно, с наслаждением выговаривая каждую букву.

И Маша поняла: эта непривычная фраза – не что иное, как вывернутое наизнанку «Здравствуйте!».

* * *

– Кто ты такая? – сурово спросила Катя.

– Как ты сюда попала? – вырвалось из Чуб.

Пришелица поочередно обвела глазами их всех, примеряясь к каждой так, словно раздумывала, как бы поудобнее их ударить.

Она была страшно юной (если не сказать еще маленькой), настолько, что даже двадцатидвухлетняя Маша могла бы глядеть на нее с высоты прожитых лет.

Пятнадцать-шестнадцать.

Худая как щепка. Черноволосая. Остроглазая. Вострая. Казалось, она состоит из сплошных острых углов. Острые бедра, затянутые в черные брюки. Маленькая острая грудь, приплюснутая майкой с надписью «Very bad», и замерший на тонкой шее перевернутый сатанинский крест на цепочке...

Но Маша знала: перевернутый крест – символизирует вовсе не Сатану³.

– Я – Акнир. Дочь Кылыны. Ее Наследница! – Губы гости были прорисованы черной как смоль губной помадой. – А это – мой дом!

– Это дом Ясных Киевиц, – сказала белая кошка.

И она была первая и единственная, кто нашел, что возразить незваной.

– Наследница! Пришла Наследница! – заорал кот Бегемот, страстно отираясь всем телом о ноги Акнир.

– Я Наследница моей матери! – с пафосом прорычала девчонка. – А они – слепые! Со слепой кровью! А вы – предательницы! – Она с омерзением лягнула воздух ногой в сторону белой кошки. – Вы предали мою мать!

У нее были необычные ботинки, – подбитые длинными ножами.

Их лезвия выступали из-под черных обрубленных носов, и ножи – Даша могла поклясться в этом! – были отточены, точно бритвы.

Эти ботинки пугали Дашу больше всего. Пугали непонятно и нелогично, поскольку сама малолетка, с изуродованным гримом лицом а-ля Мерлин Мэнсон, вызывала у Землепотрясной Даши исключительно презрение.

«Еще бы! – нервозно крякнула Чуб про себя. – Для того, чтобы забить такой обувкой насмерть, достаточно одного точного удара».

– А ну ноги прочь от наших кошек! – крикнула она на всякий случай.

– Не бойся, не трону, – сплюнула наследница. – Я чту закон! Хранительницы Башни – неприкосновенны. – В ее фразе послышалась злая ухмылка. – Я чту закон, – повторила она. – А вы – даже не слышали о нем!

– Они спасли Город, – сказала Белладонна.

– Плевать! – взвилась Акнир. – Наследница – я! И есть законы. – Она подняла растопыренную ладонь, будто намеревалась поклясться на Библии. – Закон первый: Киевица должна передать власть по собственной воле! – загнула она большой палец с неаккуратно покрашенным черным ногтем. – Закон второй: Наследницей может стать лишь потомственная ведьма! – Безымянный палец прижался к ладони. – Закон третий: новую Киевицу должен утвердить Суд по обе стороны руки! – Ее мизинец лег рядом с безымянным, а указательный и средний раздвинулись в латинском «V» – символе победы и дьявольских рогов. – Вы нарушили все три! Все три правила! Суд никогда вас не утвердит.

– Какой еще суд? – осведомилась Катя.

– Между Небом и Землей!

– Боюсь, – Катерина адресовала Акнир подчеркнуто любезный взгляд, нимало не скрывая ни фальши своей любезности, ни радости победы, – этот Суд уже утвердил нас. На Купальском шабаше все признали нашу власть.

– Черта с два! – вскричала Наследница. – Вас признали два черта... Это была истерика! Эйфория! Все радовались, что спасли свою шкуру. На радостях они короновали бы даже пень. Но есть закон. И он для всех!

«Ты его закон, но есть законы и для тебя», – вспомнила Маша слова из книги Киевиц.

О чем предупреждала их Василиса, стало более-менее ясно.

– Ани... Прости, я не запомнила имя, – начала Ковалева.

– Акнир, – рыкнула Акнир.

– Акнир, мы тебя понимаем. Ты потеряла мать. – Маша встала. Ей показалось, говорить это сидя – невежливо.

– Что?!!!

³ Перевернутый крест – символ Адама, грехопадение которого изменило божественный строй – символ грехопадения Земли.

Лицо дочери Кылыны вывернулось от ненависти и боли.

– Ты понимаешь меня? – прошипела она, захлебываясь злобой. – Понимаешь?! Вы убили ее! Вы – Трое! И теперь ты меня понимаешь?!?! Вы – люди. Слепцы! Вы – уже трупы! Вам не справиться со мной даже втроем!

Она задышалась, не умея распределять свою злость по словам.

Она была слишком юной и слишком опасной – в том возрасте, когда святого нет, и ты сам даешь всему существу новые имена, считая их единственно истинными.

И какие имена Акнир дала им Троице, гадать не приходилось:

– Убийцы! Самозванки! Человеческое быдло!

– Акнир, мы не убивали ее... – Маша отчаянно жалела эту кричащую девочку. – Мы защищали Город. Ты ж знаешь это? Правда, знаешь? Тебе все рассказали.

– Вы получили ее власть случайно! – стремительно прыгнула с убийственной темой дочь Киевицы. – Мать отдала ее вам против воли. Она никогда бы не отдала ее вам сама. Она собиралась отдать ее мне!

Маша прикрыла глаза, вспоминая страшный миг.

Обезумевшая от неистовой муки женщина, ползающая по потолку «Центра старокіевского колдовства на Подоль»:

«Вам?! Я должна отдать это вам? Троице!!! Не хочу! Нет!!!»

– Может, и собиралась, – сказала Катя, и ее голос прозвучал на удивление спокойно и ровно. – Вот только отдала ее нам. По собственной воле. Ты ж, верно, в курсе, что случается с ведьмами в момент смерти?

– Моя мать – не ведьма. Она – Киевица!

– И с Киевицами тоже, – покладисто покивала Катя. – Они не могут умереть и испытывают адскую боль до тех пор, пока не передадут свою силу другому. И никто не запрещал твоей матери ползать по потолку бесконечно, страдать, терпеть боль и ждать тебя день, два, три – это был бы ее личный выбор. Но она сделала иной – облегчить себе смерть. И отдала силу нам. Троице. Такова была ее воля!

– Логично, – сказала Маша.

(«Логично» было любимым словом Ковалевой и высшею мерой истины!)

Акнир яростно исполосовала Катю глазами и задышала так часто, что стало ясно: неведомый Суд между Небом и Землей, которым грозила Наследница, наверняка примет Катин аргумент.

– Вас все равно не признают! – взвыла Акнир. – Вы – слепые! За тысячи лет власть ни разу не передавалась слепым. Наследницей может стать только ведьма по крови!

– Но их Трое, – возразила ей Белладонна. – И есть пророчество. «Когда в Город третий раз придут Трое...»

– Это случайность!

– А вот случайностей нет, – мурлыкнула белая кошка и презрительно почесалась.

– Плевать! – затопала ногами Акнир. – Пусть их Трое. Они – слепые! На это не смогут закрыть глаза! И тогда Суд назначит бой. Поединок!

– Бой?! – оживилась Екатерина Дображанская, до недавнего времени активно посещавшая закрытый боксерский клуб.

– И они проиграют! – Акнир склонилась над непроницаемой Белладонной. – Потому что не знают ни черта!

– Уж черта-то мы точно знаем, – сказала Чуб. – Особенно Черта твоей чертовой матери!

– Не смей трогать мою мать! – озверела Акнир. – Эб ворст инк, – непонятно прокричала она, целясь в Дашу перстом. – Кто ты такая? Что ты можешь вообще? Ты – косматочка?

Даша с сомнением тряхнула стокосой прической, подозревая, что Акнир намекает на ее шевелюру, но не понимая, пытается ли она тем самым ее оскорбить.

– Ты – гадуница?

А вот это уже было явным оскорблением!

– Я – гадуница?! – раздулась Чуб. – Сама гадина, малая!

– Ты – обертиха?

– Сама обертиха!!!

– Она спрашивает, умеешь ли ты обращаться в животных, – тихо сказала Маша.

– Так я животное? А, в смысле превращаться... – притормозила Землепотрясная. – Зато мы позавчера спасли Город!

– Хвастать «Мы спасли Город» – это все, на что вы способны! – не дала ей покрасоваться Акнир. – Вы не знаете и примитива. Визжать «Да ведь мы спасли Город!» – все, что вы сможете противопоставить мне в бою. Ну, крикни еще раз! Может, поможет!

Металлическое лезвие на ботинке Наследницы плотоядно улыбнулось Чуб.

Акнир подпрыгнула, как героиня японских боевиков, целясь острием ноги Даше в висок.

Чуб пошло отпрыгнула и, ударенная под коленками некстати подвернувшимся краем дивана, плюхнулась на плюшевые подушки, едва не придавив безмятежно спавшую там Изиду Пуфик. Рыжая кошка слегка приоткрыла желтый глаз и, муркнув французское «Фи!», продолжила прерванный хозяйкой процесс.

А Акнир, сделав замысловатый воздушный пируэт, упала на пол с бесславленным и глупым грохотом.

Вскрикнув, Маша бросилась к ней.

Дочь Кылыны лежала, закатив полные жалобы глаза.

– Ой... – по-детски захныкала она.

– Корень! Дайте ей чертов корень! – запаниковал черный кот Бегемот и тремя длинными прыжками вынесся из комнаты в коридор.

Маша понеслась за котом. Даша – за Машей.

Кот уже поддел когтистой лапой дверь хозяйственного шкафа, где хранились бесчисленные банки и склянки, оставшиеся от безвременно погибшей Кылыны.

– Верхняя полка! – мяукнул Бегемот.

– Катя! Лестницу! – Даша понеслась в комнату.

Хмурясь на скулящую воительницу, Дображанская нехотя подхватила тяжелую спиралевидную лестницу, проживающую у книжных полок.

– Соплячка, – бросила она походя.

Даша ухватила груз справа. Передвигаясь семенящими шажками, Трое кое-как затащили деревянную машину в коридор, и минут семь-десять спустя, волнуясь и роняя случайные банки, Маша отыскала на верхней полке жестяную коробку с биркой «Корень чертов».

Но, когда троица вернулась в круглую комнату, пол был девственно пуст – ушибленная Акнир растворилась в пространстве. А там, где еще недавно стояла спиралевидная лестница, обнаружилась крайне неожиданная вещь.

Книжный шкаф, оказавшийся на поверку замаскированной дверцей, был приоткрыт, и, заглянув в открывшийся тайник, Трое узрели обширный чулан.

– Тут целая комната! – удивленно ухнула Даша. – Эта малая пыталась у нас что-то спереть. Но не успела.

Землепотрясная подняла распластавшуюся на паркете тетрадь с нитяным «языком» закладки. К «языку» был привязан большой древний ключ.

– Дрянь малолетняя, – охарактеризовала исчезнувшую Катя, открывая шкаф-дверцу пошире.

Слева поместился обширный и разномастный гардероб.

Плотно спрессованная одежда, словно позаимствованная из костюмерной какого-то театра. Черная монашеская ряса в соседстве с манерно-лиловым боа. Золотокняжеское пла-

тье из тяжелой, подбитой мехом парчи и оборчатый, как кремовое пирожное, легкомысленно-розовый капот, прислонившийся к полосатому пиджаку Остапа Бендера. Вверху, на антресолях, громоздились пирамиды шляпных картонок.

Справа чулан исполосовали деревянные полки.

Одна из них была забита толстыми «кирпичами» денежных пачек – «кирпичная кладка» была неровной: кто-то впопыхах схватил несколько штук.

– Она украла у нас деньги. – Катя взяла в руки увесистый и длинный «кирпичик». – Но они старые. – С верхней купюры на Екатерину Михайловну взидала одутловатая персона Екатерины II. – Зачем они ей нужны?

– А тут какая-то математика дикая. – Даша листала поднятую с пола тетрадь. – Цифры. Формулы. Полная хрень.

– Нет! – громко сказала Маша. – Она у нас что-то украла! Что-то очень важное!

– С чего ты взяла? – Даша Чуб опустила тетрадку.

– Почему ты так думаешь? – Катя забыла про тезку-императрицу.

– Смотрите! – драматическим жестом Маша указала им на каминную полку.

– О боже! – трагически ойкнула Даша. – Опять! Только не это!

Глава вторая, в которой объявляют войну

Брыксы – древний обряд исполнения мужем любых капризов и желаний жены в день Петровок... в этот день киевские ведьмы отправлялись на шабаш, а «простым смертным киевлянкам позволялось немного отвести душу на своих мужьях и побеситься».

Журналист С. Ярон утверждал, что видел в Киеве брыксы еще в 1880 году. «Процессия состояла в том, – писал он, – что молодуха сидела в санках, которые тянул ее муж, понурждаемый длинной веткой орешника. Отправлялись обычно к кабачку, но молодуха требовала водку себе и приказывала растить ее в том месте, где она пожелает».

Анатолий Макаров. «Малая энциклопедия киевской старины»

– Это огромная честь для меня, Ясные Киевицы!

Василиса Андреевна с интересом обшаривала взглядом круглую комнату Башни, и поселившийся на ее лице восторг посвященной свидетельствовал ярче слов: она допущена сюда впервые.

– Приглашение в Башню Киевиц – мечта каждой киевской ведьмы, – призналась она, принимая предложение присесть на диван. – Даже Хозяин бывал здесь нечасто.

Но ее дифирамбы не стали бальзамом даже для горделивой Кати.

– Зато эта соплячка зашла к нам, как дети в школу! – сказала та. – Как она исхитрилась войти сюда? Я понимаю, она – дочь Кылыны и знает пароль. Но ключ... Я думала, ключей только три.

– Да не было у нее никакого ключа! – встряла Землепотрясная Даша. – Она завалила через балкон.

– Как к себе домой! – разгневалась Катя.

– Дело в том, – раздался размеренный голос Белладонны, – что это ее дом. – Кошачья блондинка вынырнула из тайника-кладовой и вспрыгнула на спинку дивана. – Акнир родилась здесь, – объяснила она. – В прямом смысле слова. Кылына произвела ее на свет в Башне Киевиц.

– Да-а, – восхищенно промолвила Василиса Премудрая. – Со времен Великой Марины Город не знал Киевицы мудрей. – Вася развернула полногрудое тело, чтобы взглянуть на висящую над каминной полкой древнюю фреску в византийском стиле.

Изображенная на ней Киевица Марина держала в руке Весы – их левая чаша сильно перевешивала правую.

Василиса нахмурилась:

– Кылына умела взламывать законы почище иного хакера.

– Кылына знала, – сказала Белладонна, – для своей дочери наш Дом сделает исключение.

– Выходит, – логично прибавила Маша, – Кылына знала, что Акнир придется пользоваться этим исключением? Знала, что в Башне поселятся другие? Что ее дочь не станет Наследницей?

Маша тоже смотрела на фреску.

И тоже хмурилась, тревожно и испуганно.

– Да откуда она вообще взялась, эта Акнир? – раздраженно спросила Катя. – Где она была раньше?

– Кылына отослала ее из Города, – чинно ответствовала Василиса. – Вы знаете лучше других, если б план Кылыны сработал, Киев сошел бы с лица Земли. Кылына замыслила опасное и не желала рисковать жизнью единственной дочери.

– Эта соплячка грозила нам каким-то судом. Обещала поединок. Кричала, что мы уже трупы. – Катя презрительно ухмыльнулась, припоминая, как нелепо та завалилась на пол.

Но тут же нахмурилась – посмотрела на фреску. На кособокие Весы в руке Великой Марины, провозгласившей тысячу лет тому первый закон Киевиц:

«Истина – в равновесии!»

Равновесие в Городе было нарушено.

– Вы правы, – похоже, Василиса умела читать чужие мысли. Или же Катины мысли были написаны у нее на лбу. – Вам не стоит недооценивать Акнир. Ге падение было разыграно. И кот подыграл ей.

– Предатель, – сжала кулаки Даша Чуб, поминая испарившегося вместе с Акнир вредного кота.

– Вовсе нет, – опротестовала Катя. – Молодец, верная сволочь. Вызывает уважение. А еще говорят: коты преданны не хозяину, а дому. А он даже не ест из моих рук – за мертвой хозяйкой тоскует. Лихо он нас развел, ничего не скажешь.

– Чертов корень. – Вася грустно улыбнулась. – Чертов корень увеличивает потенцию. Они знали, что вы...

– Ничего не знаем, – сказала Катерина. – Лично я ногти от чернобрывцев не отличу.

– Не прибедняйтесь, – вежливо опровергла ее слова Василиса. Но помимо услужливой вежливости ничего утешительного в ее фразе не прозвучало.

– Василиса Андреевна, – дрожаще заговорила Маша, сцепив руки в страстный «замок», – вы видите сами, Весы в руках Марины покачнулись. Они сильно покачнулись. Так же, как два дня тому, когда Кылына вызволила Змея и Киев мог стореть дотла. А еще утром Весы были ровными! Еще утром в Городе было равновесие. А после прихода Акнир... Вы не подозреваете, что она могла у нас украсть?

Ковалева напряженно воззрилась на Васю и, не дождавшись ответа, перевела застывший во взоре вопрос на всезнающую белую кошку.

– Не знаю, – сказала Белладонна, аристократично выпрямив спину. – Я проверяла чулан. Кроме денег, все на месте.

– Ну и хватит на них заморачиваться. – Желая разрядить атмосферу, Даша включила телевизор. – Ночью на небе зажжется красный огонь, мы все пойдем и опять всех спасем. Проблем-то!

На экране застонал дневной сериал. На следующей кнопке бывшая киевлянка Мила Йовович агрессивно истребляла какую-то нечисть.

Изида Пуфик вернулась из кухни, куда захаживала, дабы слегка подкрепиться, и направилась напрямик к Даше Чуб. В то время как Бегемот наотрез отказывался признавать новых хозяек, а Белладонна смотрела на них с высоты белого муфтия, рыжая Пуф сразу выбрала в «мамы» Землепотрясную Дашу, да и Даша вскоре начала величать себя «мамой» ее «рыженькой девочки», «толстого мешочка» и «вредного батона».

Обе они, и круглая кошатинка, и крутобокая блондинка, обладали одной завидной чертой – высшей степенью беспроблемности.

– И на хрена Акнир сдались дореволюционные деньги? – скривилась Катерина, страдавшая чертой менее завидной. Катя ненавидела неподчинение.

Но ныне подвластный ей мир явно отбил от рук!

– Это как раз понятно, – сказала Маша. – Деньги нужны, чтобы пойти в Прошлое.

– А зачем ей вдруг в Прошлое? – любопытствовала Чуб, поднимая рыжую «дочку» на руки.

– Маман! – Из-за присущей ей лени Изида открывала рот не так часто, но, открывая его, чаще всего изъяснялась на языке Бальзака.

– В Прошлом Акнир сможет найти свою мать, – перевела кошачью реплику Вася. – Спросить ее совета. Судя по кладовой, Кылына нередко навещала в минувшие века. А то, что было, – остается навсегда.

Васе надоело сидеть, развернувшись на 90 градусов, и она встала с дивана, желая разглядеть фреску с покосившимися Весами получше.

– Зачем ходить так далеко? – не взяла в толк Катерина. – Кылына была жива еще неделю назад.

– Вы не знаете? – искренне изумилась Василиса Премудрая.

– Мы знаем, – избавила Катю от отрицательного ответа студентка. – Киевица может пойти в Прошлом. И не только Киевица – любая ведьма, если мы дадим ей ключ и если у нее достаточно сил. Чем больше силы, тем дальше в Прошлом можно пойти. Дойти до V, X века может, пожалуй, одна Киевица. Но даже Киевица не может вернуться во вчерашний день. Если бы мы могли менять вчерашние дни, все было бы слишком легко. Слишком большой искус – все бы все время исправляли вчерашние ошибки. В общем, самое ближайшее время, куда можно пойти, – тринадцать лет назад.

– Ладно, – позволила Катерина, – пусть топает в свой прошлый век, я не против. Я другого не понимаю. Почему наши Весы так болезненно отреагировали на тривиальную кражу денег?

Переключив телевизор, Даша поймала хвост новостийного репортажа: девица в мини-юбке сидела на загровке у парня и, смеясь, хлестала его хворостиной.

«За много лет до того, как Клара Цеткин и Роза Люксембург ввели в календарь 8 Марта, – затрещал журналист, – киевлянки давно праздновали свой женский день – Брыксы. На Петровки мужья обязаны были делать за жен всю работу по дому и выполнять любые их прихоти. Мужчины, которые в течение года обращались с женщинами недостаточно хорошо, попросту боялись выйти из дома. Украинские молодки объединялись в компании, чтобы хорошенько проучить их...»

«Землетрясно!» – прониклась неизвестной народной традицией Чуб и широко открыла рот, желая задать вопрос об «украинском 8 Марта» двум имевшимся у нее в распоряжении историчкам, но не успела.

– Ясные Киевицы! – Преподавательница истории педагогического института приложила руку к своей безразмерной груди, – если мне будет позволено сказать вам правду...

– Позволяем, – разрешила Катерина Михайловна.

– При всем уважении к вам, вы отреагировали на кражу денег потому, что вы люди – слепые. Равновесие нарушено по намного более важной причине. Придя в Башню, Акнир официально объявила вам войну. В Городе раскол. Ведьмы распались на два лагеря. Большинство, – спешно пояснила предводительница киевских ведьм, – верят в вас. А я и наш Хозяин – не верим, мы знаем: вы – истинные. Иначе меня бы не было здесь. Но часть наших пошли за провозглашенной Наследницей.

– Что значит «провозглашенной»? – потребовала конкретики Катя.

– В свое время Кылына публично провозгласила дочь Наследницей и будущей Киевицей, – истолковала Василиса Премудрая. – И если Акнир призовет на вас Суд, даже я не сумею подготовить вас к бою за столь короткий срок.

– Насколько короткий? – уточнила Дображанская.

– По традиции поединок назначат на следующий шабаш. А следующий – это Петровки.

– Петровки?! – дернулась Даша. – Украинское 8 Марта? Так это еще и шабаш? Только что по телевизору показывали...

– Брыксы – не всеукраинский, а чисто киевский праздник, – сказала преподавательница. – В ночь на Петровки, накануне праздника святых Петра и Павла, ведьмы со всей Укра-

ины слетаются в Киев справлять шабаш на Лысой Горе. А слепые женщины – празднуют свой «шабаш». Правильнее сказать, праздновали его до революции. Киевлянки ездили на мужчинах верхом, во всех смыслах: запрягали их в телеги и сани, заставляли стирать, стирать, а сами напивались и отрывались на год вперед.

– Ездили верхом? – Чуб уразумела, чем занималась теле-девушка в мини – воскрешением дореволюционных традиций! – Как ведьмы? Я во-о-оце думаю, ведьмы – те же амазонки. И мы, и они сильнее мужчин. И мы, и они – свободны. И мы, и они – ездим верхом, только они на коне, а мы на метле. А ведьмацкая метла – во-о-оце стопроцентный фаллический символ. И Фрейд бы наверняка со мной согласился!

Но Зигмунда Фрейда в Башне не обнаружилось, и эту интересную, животрепещущую и классную тему никто не поддержал.

– Брыксы имеют какое-нибудь отношение к делу? – справилась Катя.

Василиса вздохнула:

– Никакого. Если не считать того, что Главных шабаша года всего три. Первый – 1 мая на Вальпургиеву ночь, ее празднуют ведьмы всего мира. Второй, как вы знаете, с 6 на 7 июля, в ночь на Ивана Купалу. Третий – 12-го, в женский день.

– Сегодня 9-е! – подняла брови Катя. – Через два дня? И насколько это реально?

– Реально и весьма, – сказала Василиса Андреевна. – Суд над вами состоится через два с половиной дня. Теперь вы понимаете, почему ваши Весы покачнулись?

– Но ведь Кылына отдала власть сама! Нам! – Суд, назначенный на послепослезавтра, произвел впечатление даже на Чуб.

– Это так. – Вася озабоченно поправила бюст. – Но Акнир сказала вам правду. Существует закон. Киевица должна передать власть потомственной ведьме. Чаще всего ею оказывается дочь или родственница. Но родство – не непременно условие. А вот ведовская кровь – обязательное. Хотя вполне может быть, в вашем роду тоже были ведьмы? – Василиса Андреевна с надеждой посмотрела на Трех. – Ведь ведьмы, – взбодрилась она, – есть в роду каждой второй киевлянки! Шанс очень велик. Советую вам срочно навести справки.

– Мне не у кого спрашивать. Мои родители умерли. Я с тринадцати лет воспитывалась в приемной семье. Соболезнования ненавижу! – срезала Катя.

– А мой дедушка Чуб написал целую книгу про ведьм, – сообщила Даша.

– Хорошо, – положительно оценила творчество Дашиного деда Глава киевских ведьм. – То есть книга сама по себе ничего не значит. Но раз он ее написал, возможно, его мать или бабка, двоюродная прабабка, троюродная тетка – не важно... Хоть капля ведовской крови! Стоит доказать ведовство одной из вас, Суда удастся избежать. Правда, и Киевицей тогда будет признана только одна. Но это лучше, чем... – Вася удрученно умолкла.

– Чем что? – взволнованно прояснила Маша.

– У нас могут отобрать власть? – не поверила Катя.

– О нет, силу Киевиц нельзя отобрать. Вы можете отдать ее только сами.

– А если мы не отдадим? – выпрямилась Катерина Дображанская.

– Вы отдадите, – испустила новый вздох Василиса. – Если вам придется выбирать между силой и жизнью.

– Но Киевицу невозможно убить. Убить ее может лишь Город. Акнир зря обвинила нас в смерти матери, – сказала Маша.

– Но она не зря призвала на вас Суд, – возразила студентке Премудрая преподавательница. – Во время Суда между Небом и Землей этот закон не действует. Вы будете уязвимы. И бой будет один на один. Точнее, три на одну. Но это не лучший вариант. Проиграв Трем, Акнир попытается опротестовать результат. Лучше, если в поединок с ней вступит одна из вас. Но беда в том, что вы не справитесь с ней даже втроем.

– Вы шутите? – сломала губы Катя.

– Вы должны понять, Екатерина Михайловна, – на этот раз Вася приложила к груди уже обе руки. – Акнир – не обычная ведьма. Она юная, взбалмошная, но она выпестована с детства. Кылына растила ее Киевицей. Она знает и умеет практически все, что умела ее мать.

– Она обертиха? – придиричиво прищурилась Даша.

– Нет, Акнир не способная обращаться ни в людей, ни в животных. Но она гадуница, косматочка, кудесница. Чародейка, чертовка, бесиха, труболетка... Но главное – чароплетка!

– Можно с гадуницы поподробнее? – попыталась разгадать абракадабру Чуб.

– Гадуница – значит, умеет гадать и предсказывать будущее, – удовлетворила ее любопытство препод.

– А косматочка?

– Умеет ворожить с помощью своих волос. Весьма ценное качество, если под рукой нет ничего иного. Не случайно инквизиторы в первую очередь брили ведьм наголо. Считалось, что в женских волосах прячется сила Дьявола.

– Как интересно! – энергично тряхнула косами Даша. – А бесиха? Труболетка?

– Может насылать и изгонять бесов. Способна пролететь на метле сквозь печную трубу.

– Чертовка?

– Управляет чертями.

– Мы тоже управляли. Хоть нет, – понурилась Чуб, – черт только врал, что слушался нас, а сам нас круто подставил. А чародейка, чароплетка?

– Владеет чарами и может, при надобности, сплести новые заклинанья сама. Редчайший дар, его невозможно приобрести – с ним рождаются или не рождаются... Правда, – подбодрила Трех Василиса, – пока Акнир просто ведьма. В ней нет силы Киевиц. Но, к несчастью, ее нет и у вас. Вы сами не понимаете своей силы. Вы не понимаете даже, о какой силе я говорю. Она принадлежит вам, но вы не повелеваете ею. А Акнир готовили в Наследницы со дня рождения. Я должна сказать вам правду: я сомневаюсь, что вы сможете выиграть бой.

– Я пять лет посещаю боксерский клуб, – информировала ее Катерина. – А когда я вышла на ринг, выпив победного зелья...

– С передозировкой, – сказала Чуб. – Да неважно, – отмахнулась она. – Снова передозируем, раз такая жара! Слушайте, Вася, вы б Катю на ринге видели! Она была как не знаю что... Она могла бы всех там поубивать!

– Поединок между Небом и Землей – это не бой на кулаках, – тускло сказала Василиса Андреевна, стараясь не задеть ни бурнокипящих чувств Даши Чуб, ни чести Катерины Дображанской. – Он состоит из трех частей. В первом вам придется отвечать на вопросы. Для привычности назовем их тестами. Но чтобы ответить на них, нужно знать всю магию Киевиц, всю историю Города.

– Ну это разве что Маша сможет, – понадеялась Чуб.

– Я прочитала только пятую часть Книги, – отрицательно качнула головой студентка. – Но за два дня я могу...

– Да, Ковалева, – вернулся к Васе преподавательский тон. – С этим вы справитесь. Во второй части соперницы должны показать Суду, как их сила способна менять мир.

– Я могу разрушить дом, сжав руку в кулак, – сказала Катя.

– А я, наверное, только на метле пока хорошо летаю, – покаялась Чуб. – Зато Маша умеет воскрешать мертвых!

– Неплохо, – похвалила Василиса.

– И потом, – взбунтовалась Землепотрясная Даша, – прошло всего пять дней. Мы Киевицы всего пять дней! Без году неделя! Даже недели-то еще нет... Чего они от нас хотят?

– Акнир и принявшие ее сторону хотят именно этого – чтобы вы проиграли. И вы проиграете. – Вася больше не пыталась смягчить удар. – Третий этап – Поединок. Бой между Небом и Землей. Вам позволят выбрать оружие. Но, помимо оружия слепых, нужно использовать

силу. И если вы хотите знать, какова сила Акнир, я скажу: она неспособна ни разрушать, ни воскрешать, у нее вряд ли хватит сил даже на то, чтобы пойти в Прошлое дальше, чем на тринадцать лет. Но она чароплетка! – В возгласе Васи простонало отчаяние. – Со времен Великой Марины даром чароплетства не владел никто! Акнир может сплести новые чары! Чары, которых нет в книге Киевиц. Чары, против которых нет противоядий. Кабы не это, у вас был бы шанс. Но я не знаю, я просто не знаю, на что она способна на деле. Чароплета почти невозможно предугадать. Он меняет мир по собственному желанию. Он создает новые законы. Так же, как поступала Марина. И теперь тысячу лет все мы вынуждены подчиняться законам, провозглашенным ею. Стоит Акнир получить чуть больше сил... Впрочем, – сказала Василиса, – вы можете отказаться от боя.

– Третий вариант есть? – сухо спросила Катя. – Либо мы находим ведьмацкие корни, либо сдаемся?

В вопросе Дображанской таилась ирония – малолетка, изощрившаяся их обмануть с помощью союзника-кота, не была идиоткой.

Но все равно была малолеткой.

И та, чья рука, сжавшись в кулак, могла разрушить соседний дом, не могла воспринимать ее иначе, чем неприятность.

– Разве что попытаться оттянуть Суд, – сказала Премудрая. – У вас есть три ночи. Предположим, сегодня или завтра над Старокиевской горой зажжется красный огонь, и от срочности решения этой проблемы будет зависеть судьба Города. Тогда Суд будет отложен до окончания данного дела и перенесется на 1 мая грядущего года. А за год ваша сила успеет прорасти... За год вы совершите многое, и результаты, естественно, если они будут положительными, зачтутся вам в плюс.

– А то, что мы спасли Киев, уже ничего не значит? – обиделась Даша.

– Значит, – сказала Глава киевских ведьм. – И очень много. Но Акнир не солгала вам. Пока мои ведьмы тряслись за свои шкуры, они были готовы признать вас кем угодно. Вы спасли Киев. Вас Трое. Казалось, пророчество сбылось. Но, увы, закон есть закон! И отменить закон, провозглашенный Мариной, не в силах ни я, ни Хозяин. Так было тысячу лет. Киевица должна быть потомственной ведьмой, и ее утверждает Суд между Небом и Землей. Хотя, если бы Небо и Земля не признали вас достойными, вы бы никогда не победили Кылыну.

– Подождите, – прервала ее Маша. – Вы говорите, Небо и Земля. Тогда почему Киевица должна быть именно ведьмой, а не...

– О, вы совершенно правы, Мария Владимировна! – Несмотря на подчеркнuto уважительное сочетание слов, ответ Василисы прозвенел неподобающе саркастично. – Простите, что я забыла уточнить этот важный нюанс. Если в вашем роду есть святые, чудотворцы или угодники, это, безусловно, решит все наши проблемы!

* * *

– Маш, ты не знаешь, к чему чешется левое полупопие?

Даша Чуб изогнулась на надувном матрасе и почесала помянутое место.

– Ладонь – к деньгам, нос – к выпивке, грудь – к сексу, бровь – к гостям. Локоть – спать на новом месте. А попа?

Пляжный матрас возлежал на верхней площадке ступенек музея истории Украины.

Музей, в свою очередь, стоял на Старокиевской горе – той самой, где тысячу пятьсот лет тому основали Град трое братьев – Хорив, Щек и Кий, давший свое имя Киеву.

Той самой, где тысячу лет назад стоял Город князя Владимира и его княжий терем, где пировали три легендарных богатыря: Илья, Добрыня и Алеша.

Той самой, где каждую ночь должны были дежурить Трое, пришедшие в Киев в третий раз, – Катя, Маша и Даша.

Ибо книга Киевиц гласила:

Да пребудет сила с тобой, когда ныне, как и в любую иную ночь, стоя на горе, породившей Город, ты, завидев на небе красный огонь, полетишь туда, чтобы остановить то, что может нарушить Истину.

Вот только стоять на горе, запрокинув голову и рассматривая небо над ней, в надежде увидеть там «красный огонь», дольше пятнадцати минут было совершенно невыносимо. Шея затекала и ныла.

И вчера Дашу озарило: матрас!

– Так ты не знаешь, к чему чешется левое полупопие? Хорошо б задница чесалась к чему-то полезному, – проканючила Чуб.

Ее рука оставила попу в покое и успокоилась на лежащей рядом верной метле, с двумя прикрученными к древку велосипедными седлами.

Это означало готовность № 1.

Метла была Дашиной любимицей, уже не раз за их недолгую совместную жизнь выручавшей хозяйку из самых безумных передряг.

Но на небе ничего не горело.

– Ну че там? – спросила певица у Маши.

– Ни-че.

– Че, совсем ни-че? И у меня совсем... – Даша недовольно заерзала.

Сидя на ступеньках, держа в левой руке карманный фонарик, Маша штудировала большую бухгалтерскую тетрадь в мягкой обложке, найденную в открывшемся им тайнике.

Листы ее были исписаны идеально ровным почерком – знакомым, красовавшимся на всех банках, пакетах, коробках в их шкафах, – почерком аккуратистки Кылыны.

Даша, отыскивая в обширной библиотеке Башни книгу «Тайны Зодиака», положительно утверждала: Кылына была рождена под знаком «Девы»:

«Только «Девы», и еще «Весы»... Это я, Маша, имею в виду тебя. Только вы двое – такие фанатичные системщики. Вам бы все по полочкам разложить, по баночкам, по пунктам, пока нормальные люди (тут Чуб имела в виду себя) просто живут и наслаждаются жизнью».

Но в данный момент Даша не наслаждалась – вертелась и нервничала.

– Нет, они меня умиляют! – проворчала она. – Сначала они делают нас Киевицами, как будто мы их просили. Потом мы в срачке спасаем их от Змея, как будто нам больше нечего делать. Потом они закидывают нас золотом и называют королевами... А потом, тыц-пиздыц! – вызывают на Суд и требуют, чтобы мы доказали, что мы те, кем они сами нас сделали. Где логика? – спросила она. – Нету! Ну ни-че, ни-че! – злорадно пообещала Землепотрясная. – Я знаю, к чему моя задница чешется. Она у меня всегда чешется к приключениям. Чую, сейчас на небе что-то ТАКО-ОЕ зажжется, что мы всем им скажем: «А не пошли бы ли вы! У нас есть дела поважнее, чем выяснять, кто кому косматочка, а кто гадуница», – и добавила без логического перехода: – Боже, как я по сцене соскучилась! Я ж раньше каждую ночь в клубе пела. А ты меня и не видела... Как я Катьке завидую, что она работает.

Чуб вдруг запела:

Гори, гори, моя звезда!

Голос, огромный, сильный, накрыл безлюдную Старокиевскую.

Маша подняла глаза – она не знала, что талант Даши Чуб обладает такой страстной энергетической мощью.

Звезда любви приветная!
Ты у меня одна заветная,
Другой не будет никогда...

Однако тоскливая серенада, обращенная к небу над горой, оставила его равнодушным.
«Заветная» звезда не загорелась.

– Да оставь ты эту тетрадку в покое! – озлилась певица. – Говорю тебе, малая случайно ее уронила, когда деньги тырила. Если б тетрадка что-нибудь значила, она б взяла не бабки, а ее.

– Логично. – Машин ответ был усталым.

Хотя конспект Кылыны был пролистан ею больше чем наполовину, его содержание так и осталось полнейшей загадкой.

На первой странице тетради стояло одно-единственное число – аккуратно зачеркнутое.

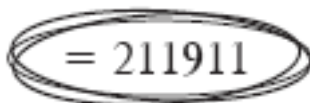
~~1230311284~~

Следующие страниц двадцать занимали непонятные и длиннохвостые формулы, столь заковыристые и бесконечные, что от обилия чисел, иксов, дробей и математических прогрессий у студентки исторического факультета закружилась ее гуманитарная голова.

На двадцать первой странице задачка заканчивалась значком:

=

А на соседнем листе стояло еще одно число, трижды обведенное ручкой, так эмоционально и криво, точно, вычислив его, скрупулезная Кылына утратила от счастья контроль над собой.

Двести одиннадцать тысяч девятьсот одиннадцать.

Маша расширила глаза. Потом сощурила.

Не помогло.

Под 211911 пристроилось непонятное:

К+2 верт

*ААА не прольет, БД не пойдет, вор не будет, Ц остается,
(БМочень тревожно?)*

Студентка пролистала еще пару страниц – они были схожими.

Страницы слева занимали подсчеты.

Страницы справа – слова и сокращения.

Сие сильно смахивало на словесную расшифровку левой – математической части.

Но расшифровать расшифровку также не представлялось возможным.

Ковалева вернулась к началу:

К+2 верт

ААА не прольет... вор не будет...

«Кто не будет вором? Тот, кто получит двести тысяч?» – подумала она и в недоумении закрыла тетрадь.

– А я вот тут думаю, не записаться ли мне в астрологическую школу Глобы, – доложила ей Даша Чуб.

– Тебе? Киевице? – удивилась подруга. – Ты способна увидеть на небе такое, что Глобе не снилось.

– Да, – согласилась та. – Но только на одну минуту. А сколько часов я должна тупо на небо пялиться? Так, может, хоть астрологию изучу... Еще мне физиогномика нравится. Это читать характер человека по чертам лица. Вот видела морщину у Кати на лбу? Так это огромная редкость! Обычно у всех нормальных людей две продольные морщины, а у нее одна – точно посередине лба. Такая же была у Черчилля. Из этого можно увидеть, что она сильная натура, помешанная на власти.

– А разве это без морщины увидеть нельзя?

– На Кате? Можно.

К+2 верт

«Катя плюс мы двое, – предположила Маша. – Вряд ли. Но, допустим. Тогда что такое «верт»? Вертихвостка? Вертеп? Вертеть? Вертолет?

Вертолет мог бы подойти...»

Как раз неподалеку от них, на Ярославовом Валу, во дворе дома № 15 сын известного киевского психиатра – авиаконструктор Игорь Сикорский построил и опробовал в 1911 году первую в мире модель вертолета.

В 1911 году. 201911... Кабы не прилепившаяся впереди двадцатка.

1911 год зашевелился у Маши в уме, и из него, как из скорлупы, обещало вылупиться нечто знакомое. Но обещание свое не сдержало.

– Д-аш, – отрывисто позвала студентка, – помнишь, ты говорила «в Киеве всегда летали»?

– А то! – ожила Чуб. – Я ж мечтала стать космонавтом! И мне предки книжку купили – с картинками, про воздухоплавание. Я ее все детство читала. Вот там я и прочитала, что первую в мире «мертвую петлю» летчик Петр Нестеров сделал в Киеве. Первый вертолет изобрел наш Сикорский. Первый в мире спутник Земли, первую ракету в космос запустил наш Королев⁴. А еще до него киевский инженер Гешвенд придумал «паровоз-самолет» для полетов в космос. Тогда его запихнули в сумасшедший дом, а теперь считают основоположником авиации... И даже первую атомную бомбу изобретали наши! В Америке Кистяковский⁵, он в революцию сбежал из Киева в США и был советником Кеннеди. В Москве – наши Курчатов и Александров. Один из Крыма, другой из Киева. Теперь-то ясно чего... – сказала Чуб. – Просто Киев город такой – летательный. Столица Ведьм. Мы тут тысячу лет на метлах рассекали. Ладно, ложись, твоя очередь бдить.

Вздыхнув, Маша отложила конспект и, согласно сложившемуся ритуалу смены караула, задрала горло к небу.

Не отрывая глаз от серебряных звезд, она вслепую переместила себя на освобожденный матрас, пока Даша, придерживая напарницу за ягодички, направляла их на середину ложа.

Небо должно было оставаться в поле их зрения каждую секунду! Поскольку, если на нем загорался «красный огонь», «завидеть» точное местонахождение оно, чтоб «полететь туда», было возможно лишь в самое первое мгновение.

⁴ *Королев Сергей Павлович* (1907 – 1966) – конструктор первых ракетно-космических систем. Родился в Житомире, в семье учителя. Поступил в Киевский политехнический институт. С. П. Королев создал первый советский ракетный планер, первую советскую крылатую ракету. Под его руководством были построены первые пилотируемые космические корабли, отработана аппаратура для полета человека в космос, для выхода из корабля в свободное пространство и возвращения космического аппарата на Землю, созданы искусственные спутники Земли. Королев первым послал космические аппараты к Луне, Венере, Марсу, Солнцу для их исследования.

⁵ *Кистяковский Георгий Богданович* (1900 – 1982) – русский ученый. Родился в семье профессора права Киевского университета Богдана Кистяковского. С 1926 проживал в США, один из создателей первой атомной бомбы.

– Все. Ложись! – дала добро Даша.

Маша Ковалева легла.

От нечего делать Землепотрясная открыла тетрадь с «математикой».

– Фигня какая-то, – прокомментировала она минуту спустя. – Слушай, Маш, а ты ведь нам так и не сказала, чего у тебя такой паршивый настрой? Из-за суда? Да?

– Да, – сказала Маша. Потом подумала и сказала правду: – Нет.

– Конечно нет, – удостоверила Чуб. – Оно у тебя давно паршивое. С тех пор, как ты с Купальского шабаша слиняла. Я ведь знаю, куда ты побежала.

– Знаешь, – не стала спорить та.

– Но я честно молчу.

От удивления Ковалева на миг оторвала взор от жизненно важного неба и взглянула на Дашу.

Даша, честно молчавшая почти трое суток, была явлением невероятным!

– К своему художнику побежала в XIX век. К Врубелю. Верно?

– Верно.

– Ну и че, не сложилось? – соболезнующе сказала подруга.

– Не сложилось.

– Я так и поняла, – удовлетворенно кивнула Чуб. – И у меня с Демоном не сложилось. В смысле, с моим Демоном – с Яном. На шабаше все вроде было туда-сюда... Точно не помню, пьяная была. А когда протрезвела, дошло: то был уже совсем другой Ян. Холодный какой-то. Странно. Я ж ему нравилась – точно!

– Не нравилась ты ему, – неожиданно жестко сказала Маша. – Ни ты, ни я, ни Катя. Поверь. Я с ним говорила.

– С моим Яном?!

– Нет. С моим Деном.

Тут автор обязан кое-что объяснить.

С тем, кого Глава киевских ведьм Василиса Андреевна уважительно величала Хозяином, кого книга Киевиц именовала «Стоящим по левую руку» и кого Даша и Маша, по присущей людям привычке, называли Демоном, – с Демьяном, Яном, Демитрием Киевицким у без году неделя Киевиц сложились сложноподчиненные отношения.

Начать с того, что каждая из Трех видела Своего Демона.

Пред Катей он являлся в облике ледяного блондина.

Пред Дашей – в лице разбитного рыжего парня (в которого Землепотрясная Даша не преминула влюбиться по самые уши!)

Маша же водила знакомство с ночьюглазым и черноволосым, представшим пред ней поначалу веселым и добродушным, но очень скоро давшим понять: то была только маска, призванная смягчить случайным избранницам переход в Киев иной.

И Маше первой довелось встретиться с его непроницаемым взглядом, с губами, говорящими загадками и полунамекками. И его пренебрежением.

Не то чтобы Демон отказывался им помогать.

Но ранг его в Киеве был слишком высок, чтобы он счел нужным скрывать: он уважает не их, а их власть, они же – люди, слепые, вызывают у него такое же высокомерное презрение, как слепые котята у людей, не склонных умиляться глупым зверькам.

– Нет, я не верю! – От переизбытка чувств Чуб вскочила на ноги, зазвенела серьгами. – Не верю, что я Яну совсем разонравилась! Вася ж говорила: Демон за нас. Ян верит: мы – истинные. Он нам поможет. Не понимаю, почему он не появляется?

– Он сказал мне, как его найти. – Маша смотрела на небо. – В любом случае придется с ним встретиться. Может, он посоветует, как быть с Акнир. Хотя... – Она помолчала. – Знаешь, я не уверена, что так уж хочу быть Киевицей.

– Ты? – звякнула золотом Чуб. – Ты ж больше всех хотела!
– Не знаю, – выдохнула студентка. – Тут как-то сразу все наложилось. И то, что я из дому ушла. И то, что мы не можем в церковь войти. Я мимо Владимирского собора сегодня шла, меня как ударили! И то, что Мир погиб...
– Ты че, по этому придурку тоскуешь?! – зыкнула Чуб. – Он был сатанист!
– Он меня спас, – сказала Ковалева. – Но дело не только в этом.
– А в чем? – Даша с любопытством взгляделась в обращенный к небу профиль подруги. – Ну, колись! Я ж чую подвох. О чем ты там думаешь втихаря?
Маша стремительно втянула воздух, намереваясь сообщить самое главное – Тайну.
Но вместо главного выкрикнула совсем другое:
– ОГОНЬ!!! Даша, ОГОНЬ!!!

* * *

Землетрясная молниеносно подняла голову вверх.
И увидела то, что ей доводилось видеть всего раз.
Как небесные звезды рассыпались бусами... Сплелись в гирлянды.
Гирлянды слились в серебристые нити.
И из линий родился сверкающий чертеж.
Карта Киева!
Улицы, дома, берега...
И тревожный красный огонь в правом углу!
Секунду звездная карта их Города сияла на небе над Старокиевской горой.
А потом небо упало. Полетело на Дашу.
И Чуб снова почудилось: то не небо летит на нее, а она с невыносимой быстротой падает вниз – на землю с небес.
Вычерченный из звезд схематичный Киев с устрашающей скоростью становился реальным. Обретал размер и объем.
Даша падала... Чуть не разбилась о какую-то крышу. Пролетела мимо горящих окон серого дома, отмеченного невзрачной особой приметой – магазином «Хлеб». И, пролетая, поспела приметить стоявшую у окна женщину, с высосанным жизнью лицом. Ее стоячие, пустые глаза. Белый журнал в ее руке.
Смертельно-черный асфальт понесся на Дашу.
«Сейчас разобьюсь! Все...»
Иллюзия паденья исчезла.
Землетрясная обнаружила себя на ступеньках музея и быстро справилась с потрясением.
Заорала:
– Маша, ты видела? Где это? Где?! – жарко надеясь, что женщина с остановившимся взглядом и окажется тем важным делом, ради которого все их неприятности отложатся на долгий-предолгий год. – Где это, ты не знаешь?!
– Ка-ж-ж-ется, знаю, – сказала Маша, рассыпчато выговаривая буквы. – Боже, как страшно! – прижала она к сердцу ладонь. – Как страшно падать.
– Страшно – пофиг. Где это?
– По-моему, Харьковский массив. Там моя крестная жила. На улице Ахматовой.
– Ахматовой? – Даша вытащила из сумки реальную карту и, озарив ее фонарем, отыскала нужную надпись.
– Ахматова-Хлеб. Найдем. На метлу! – издала победный клич труболетка.

Глава третья, в которой Даша и Маша решают поменяться мамами

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть...

Евангелие от Иоанна

Маша непреодолимо боялась высоты.

Точнее, высоты боялось Машино тело, не оставляя самой Маше выбора, бояться ей или нет.

Стоило телу приблизиться к краю высокого, Машины ягодицы исполосовывал страх, живот устремлялся вверх, разум исчезал.

Маша боялась высоких, крутых лестниц и глубины пролетов. Боялась перевешиваться через перила балконов и до смерти боялась смотреть с обрывов вниз...

А вот летать не боялась.

Совершенно!

Стоило ей взлететь в воздух, ее окутывала немислимая естественность – привычность происходящего. В глубине души Маша всегда верила: люди способны летать! Иногда эта вера граничила с уверенностью так близко-близко, что, стоя на балконе, она разводила руки, закрывала глаза, ощущая: еще чуть-чуть, и она поймет, как это сделать.

И теперь, сидя на заднем седле метлы, прижимаясь к уверенной спине Даши Чуб, подумала снова:

«Летать так легко... Так ПРИВЫЧНО! Как во сне». И испытала такое безбрежное, невесомое чувство свободы, что впервые за сегодняшний день испугалась: через два дня у них заберут эту власть – и она, как и все на свете не-ведьмы, опять будет летать лишь во сне.

Днепр, широкий и черный, остался позади.

«Редкая птица долетит до середины Днепра», – утверждал Николай Васильевич Гоголь. Но, будучи не птицей, а Киевицей, блондинка с фамилией Чуб перемахнула древнюю реку за пару секунд и ворвалась в Киев Левобережный.

– Спускаемся, – предупредила Землепотрясная минут семь спустя.

Стать летчицей-космонавткой Даша мечтала не зря – Чуб была прирожденной труболеткой!

Сделав умопомрачительный зигзаг, она нырнула в черную расщелину улицы и вновь взвилась вверх.

– Это не Ахматовой. Это...

– Она параллельная! – откликнулась Маша. – Вправо!..

Дашина подруга-метла лихо перепрыгнула ряды серых крыш и пошла на снижение.

– А люди? – обезумела Маша. – Они ж нас увидят!

– Они увидят зрелище, а мы – «Хлеб»! – съерничала Чуб и, наплевав на все возможные инсульты и инфаркты, которые они могли вызвать оптом и в розницу, пролетев мимо окон мирных граждан, снизилась на высоту второго этажа.

– «Невидимы и свободны», – прошептала Маша слова, сделавшие незримой булгаковскую Маргариту Николаевну.

Но литературное заклинание не помогло.

– Вот он, наш «хлебушек»... – Чуб рулила к «особой примете».

Машины ноги коснулись земли.

Двухместная метла выскочила из-под нее, ударилась об асфальт.

– Да, это тот самый дом! – Даша подобрала свой «фаллический символ» и глубокомысленно оперлась о древко подбородком. – Этаж, по-моему, был третий, – сказала она. – А вот окно... Ты помнишь, какое окно?

– Горящее.

– Классная примета, – хохотнула напарница. – Ни-че, что пока мы летели, оно сто раз погаснуть могло? О'кей. Облетим третий этаж по периметру.

– Даш, нас увидят! Еще не поздно. Ты только представь...

– Представила. Жуть! – кивнула та. – А варианты есть? На метлу!

Ведьмацкий экипаж взмыл в воздух.

К счастью, большая часть окон была зашторенной, черной. Или к несчастью – если одно из них было тем самым, успевшим погаснуть окном, куда им предстояло попасть.

Выворачившись, Даша «прочертила» третий этаж.

Маша успела разглядеть голого парня-подростка, стоящего у зеркала, к ним спиной. Мужчину за компьютером – дядя даже не поднял головы от монитора. Пожилую семейную пару, взирающую в голубоватый телевизионный экран. Женщину, стоящую на табуретке, с веревочной петлей на шее...

Больше ничего рассмотреть она не смогла, одурев от грохота.

Оглушенная пролетела сквозь окно, болезненно приземлилась на пол и только там поняла: со свойственной Даше Чуб простотой несостоявшаяся космонавтка протаранила стекло древком метлы, загремев (в прямом смысле этого слова!) прямо в дом потенциальной самоубийцы.

Впрочем, самоубийца больше не была потенциальной – она висела. Ее лицо со страшной гримасой корчилось в бурой петле. Чуб танцевала вокруг, пытаясь обхватить висевшую за ноги. Конечно женщины конвульсивно болтались туда-сюда, не давая Даше в руки.

– Маш, помоги!!!

Ковалева с трудом собрала себя с пола.

Рука, повстречавшаяся с осколком стекла, кровоточила, бок обиженно ныл.

Взгляд метнулся к отброшенной табуретке, а ум сообразил: при виде кошмарного зрелища – двух влетающих в дом на метле неожиданных гостей – женщина вздрогнула, и постамент вывернулся у нее из-под ног.

Вскочив, подхватив табурет, Маша постаралась вернуть его на место. Чуб таки удалось обхватить ноги повесившейся и вернуть ее ступни на сиденье. Но теперь обмякла верхняя часть – голова дамы безвольно висела в ожерелье веревки. Самоубийца была без сознания.

– Нож! – закричала Чуб, кое-как удерживая горизонтально упрямую дамочку, пытающуюся задохнуться в петле – не так, так эдак!

Ковалева вобрала в себя комнату и обнаружила нужное – ножницы в стакане на письменном столе.

Поддерживаемое четырьмя руками, тело несчастной повалилось на грязный паркет.

– Интересно, чего она вешалась? – подумала вслух Даша Чуб.

Маша осмотрелась.

Комната казалась нежилой. Письменный стол выбежал на середину гостиной, всюду лежали чемоданы, тюки. На полу валялся белый журнал, оказавшийся при близком знакомстве литературным – с гордым именем «Ренессанс». В их небесном видении женщина держала его в руках.

Ковалева подобрала издание. Открыла наугад.

Но журнал распахнулся сам – там, где был научен открываться. На 89-й странице, запечатлевшей то самое высосанное жизнью лицо спасенной...

– Анна Голенко, – прочитала студентка. – Ее зовут Анна Голенко. Тут напечатаны ее стихи. Она – поэтесса.

– А-а-а, – поскущнула Чуб, – тогда понятно, чего она вешалась. Все поэты кончают с собой – это у них такая традиция. Вот только куда нам ее девать? Одну нельзя оставлять. В больницу?

– Ты что! – округлила глаза напарница. – Ведь дело ж не в самоубийце. Вряд ли Киевицы спасают самоубийц. Ее повешенье должно для нас что-то значить.

– Тогда к нам, на Яр Вал? Подождем, пока очухается.

– А если, когда она очухается, наши кошки что-нибудь скажут? Она ж опять в обморок упадет. И вообще...

С появлением Акнир Башня на Яр Валу перестала быть безопасным местом.

– О'кей, – приняла нелегкое для нее решение Даша. – Везем ко мне.

– К тебе? Куда?

До недавнего времени певица и арт-директор проживала в гримерке клуба «О-е-ей!», будучи изгнанной из которой, перебралась в Башню. И еще ни разу не заикалась про наличие иного – постоянного места жительства.

– На Десятинную, – разжевала Чуб. – Живу я там. Правда, я с матерью жутко поцапалась. Но все равно ведь надо у нее про родственников-ведьм выяснять. К тому же она обожает возиться с самоубийцами.

– Обожает возиться?.. – поразила Маша.

За время их знакомства «обожает возиться с самоубийцами» было первой информацией о Дашиной матери.

– Ага, – подтвердила Чуб. – Мама обожает поэтов, покончивших с собой. Она у меня знаешь кто? Маяковка!

– Кто-кто?

– Ну, знаешь, есть пушкинисты, есть булгаковеды, этих ты точно знаешь. А она – маяковка! Всю жизнь изучает жизнь и творчество Владимира Маяковского, на хрен никому не нужное. Я про то, как Влад Владович покончил с собой, слушала в детстве вместо сказки. Представляешь, в какой ужасной атмосфере я вынуждена была расти?

– А ничего, что сейчас два часа ночи? – засомневалась Ковалева.

– Конечно, ни-че. Я ж говорю, она – маяковка! Богэма. Мама сроду не ложилась спать раньше трех.

Дом на улице Десятинной покорил Ковалеву своей дореволюционной основательностью. На добротных, одетых в рыжую кожу дверях висела медная табличка:

Профессор А. А. Чуб.

Внучка Чуб нетерпеливо вдавила звонок – бездыханная поэтесса нависала на них мертвым грузом.

Дверь открылась мгновенно.

На пороге стояла женщина в джинсах и старой футболке. В левой согнутой в локте руке дымился остаток дешевой сигареты «Прима». Бледные, белые волосы были гладко зачесаны назад. И, глядя на Дашину мать, Маша впервые осознала: ее подруга – настоящая блондинка.

Что же касается иного сходства, лишённые краски, аскетичные черты этой женщины были настолько правильными, чистыми, почти иконописными – что оставалось только догадываться, какая понадобилась примесь отца, дабы в итоге получилась Даша, с ее носом-картофельной, эфиопскими губами и кругло-кукольными глазами.

– Привет, ма, – угрюмо поприветствовала родительницу Чуб.

– Заходите. – Женщина посторонилась, давая им возможность пройти.

Ни внезапный визит, ни дикий вид дочери, обмотанной простыней и увешанной золотом, не вызвали у нее и намек на вопрос.

– Чуб – девичья фамилия! – резанула внучка Чуб. – Оксана б ее все равно поменяла. И во-още литературной родословной не бывает. Спасибо. Помогла! Толку от тебя!

– Даш, зачем ты так? – не выдержала Ковалева.

– Не обращайтесь внимания, Машенька. – Вероника поставила перед ними деревянную доску с нарезанными большими кусками, расхристанными бутербродами и включила электрический чайник. – Обычное несовпадение характеров.

– Обычное несовпадение? – Чуб почему-то обижалась все больше и больше. – Да ты никогда, никогда меня не понимала! Ты даже не слышишь, что я тебе говорю. Тебе на меня плевать. Дома я. Ушла из дома. Тебе все равно.

И Маша вдруг догадалась: именно совершеннейшее спокойствие Вероники и выводит Дашу Чуб из себя.

Дашу выводит то, что мать ну ничем нельзя из себя вывести!

– Ты – взрослый, самостоятельный человек и имеешь полное право жить где и как ты хочешь, – высказала свое родительское мнение Вероника. – Если же ты хочешь поговорить о наших взаимоотношениях, для этого не обязательно провоцировать скандал. Я знаю, у тебя такой характер. Эмоциональный. Тебе легче сказать наболевшее в виде крика. Но я еще раз повторяю: ты можешь сказать мне совершенно все в спокойной форме. Я тебя пойму.

– А-а-а-а-а!!! – возгласила Чуб. – Вот видишь! Видишь! – обернулась она к Маше. – С ней совершенно невозможно разговаривать!

Маша, однако, видела совсем другое:

– Даша, но у тебя замечательная мама...

– Вот! Все так говорят! Все! – пришла в отчаяние дочь. – Замечательная! Да она хуже всех самых ужасных мам!

– Даша, – тихо спросила Маша, – ты мою маму видела?

– Да твоя в сравнении с моей – ангел, ангел! Нет, намного лучше, чем ангел, – нормальный человек! Если бы у меня была такая мама, как у тебя... Тебе нравится моя? О'кей! Решено! Давай махнемся не глядя! Мама, ты слышала, мы с Машей решили поменяться мамами? – с надеждой объявила она. – Я пойду жить к ее маме. А Маша будет жить с тобой.

Ее надежды не оправдались.

– Хорошо, пусть Маша поживет у нас. – Вероника подсунула дочери чашку с чаем. – Я заварила, как ты любишь, с мятой. Ешьте. А я пока пойду посмотрю, как там ваша несчастная... Кстати, как она пыталась покончить с собой?

Женщина с удовольствием закурила.

– Она вешалась! – рявкнула Даша. По ее округлым щекам ползли длинные слезы.

– Вешалась? – восхитилась Вероника. – Как Марина Цветаева!

– Да. И она тоже поэтесса!

– Тогда понятно, почему она решила повеситься. Быть поэтом – это практически невыносимо.

Даша демонстративно заткнула ладонями уши, открыла рот и извергла невыносимый и долгий крик.

Мать любовно погладила дочь по стокосой макушке, улыбнулась Маше и вышла из кухни.

В кармане у Чуб закричал конкурент. Продолжая орать, та изъяла мобильный, сморщилась, глядя на высветившийся номер, и, обиженно заглохнув, нажала кнопку.

– Да, Катя! – гавкнула она. – Да, загорелось. Какая-то тетка пыталась повеситься, и мы ее спасли...

– Тетка пыталась повеситься? – различила Маша далекий Катин голос. – И что нам это дает?

– Может, че-то и дает. Мы не знаем. Она пока спит.

– Ну, так будите ее и выясняйте скорей! У нас через два дня Суд. Оно нам надо...

Даша сбросила вызов и презрительно засунула трубу обратно в карман.

– Вот видишь, видишь! – слезливо проскулила она. – У нас через два дня Суд. Моя жизнь висит на волоске. А моя мать отказывается мне помочь!

– Послушай, Даша...

Машу смущало непродуктивное поведение подруги, и она изо всех сил старалась нащупать узел, развязав который, Землетрясная смогла бы взглянуть на свою мать адекватно.

– Твоя мама, – осторожно спросила Ковалева, – она всегда была такой?

– Всегда! – с готовностью засвидетельствовала Даша. – Она никогда мне ничего не запрещала. Никогда не ругала. Даже когда я пьяная приходила. Даже когда я парней приводила. Даже когда я не приходила вообще! С таким воспитанием я могла вырасти кем угодно: алкоголичкой, наркоманкой, блядью...

– Но ты же выросла собой, – сказала Маша. – И ты очень... очень необычная. Я только сейчас поняла, чем ты отличаешься от всех нас – и от меня, и от Кати. Ты – свободна. Я не про то, что тебе все разрешали. Ты свободна внутри самой себя.

– Знаешь, – Даша вскинула на подругу злые глаза, – а я только сейчас поняла. Ты кошмарно похожа на мою мать!

– Забавно, – сказала Маша, подумав. – Я только сейчас поняла. Ты очень похожа на мою.

* * *

В окне уже серебрился рассвет, когда два голоса размеренными толчками вытянули Машу из сна.

Даша спала на соседней кровати, открыв рот.

Маша села. Прислушалась.

– Поэзия сейчас никому не нужна, – посетовал женский голос.

Несоразмерно громкий, хриплый, обличающий – существующий вне дня и ночи, пространства и времени, жизни и смерти.

Именно такой голос и должен был быть у человека, вернувшегося в мир из небытия и неуверенного: а стоило ли ему возвращаться?

– Да, поэзия нынче не в моде, – поддакнул ей умиротворяющий голос Вероники. – Вот раньше, до революции, поэтам поклонялись, как сейчас эстрадным звездам. На их выступления собирались толпы. Когда на сцену выходил Северянин, купчихи срывали с себя драгоценности и бросали к его ногам. Барышни держали на прикроватных столиках портреты Александра Блока и целовали его лик перед сном. В поэтов влюблялись, травились из-за любви к ним серными спичками... На них молились. Не актеры, не певцы – поэты были истинными властителями душ!

– А теперь стихи никто не печатает, – сказал голос повесившейся.

– Более того, даже напечатанные – их никто не читает, – надбавила Дашина мать. – Собственно, поэтому издателям и невыгодно печатать поэзию.

– А нам всем что, повеситься? – В голосе повесившейся закричала истерика.

– Вы... поэтому? – прочувствованно спросила ее Вероника.

– Да, – отрубил ответ голос. – Но вы все равно не поймете.

– Отчего же?

– Вы скажете, я сумасшедшая! – Голос стал рваным и злым. – Вы считаете, если поэтесса, так обязательно ненормальная.

– Конечно же, вы – ненормальная, – убежденно уведомила ее Дашина мама. – Разве вы соответствуете среднестатистической обывательской норме? Обыватели не становятся поэтами.

– Правильно! Они становятся неудачниками! – гадливо скривился глас поэтессы. – Я – неудачница. Как и все мы, киевские литераторы. Вы можете назвать хоть одного знаменитого поэта из Киева?

– Александр Вергинский.

– Да какой из него поэт?! – оскорбился голос.

– Вы правы, поэзы Вергинского – отдельный жанр. Но можно назвать писателя – Михаил Булгаков.

– Он уехал в Москву, – отсек голос повесившейся кандидатуру любимого писателя Маши. – В Киеве он не написал ни строки. Ни одной! Знаете почему?

– Не знаю, – признала Вероника.

– Потому, что с тех пор, как отсюда вывезли наш талисман, – нас лишили силы! – загробным голосом изрекла поэтесса. – Мы немощны. Мы немые. Никто не слышит нас, что бы мы им не кричали!

То было преувеличением.

В данный момент ее голос гремел на всю квартиру, как телевизор, включенный на максимальную громкость. Маша недоуменно покосилась на Чуб, поражаясь крепости ее сна.

– А что это за талисман? – вежливо осведомилась Дашина мама.

– Вы все равно не поверите. – Поэтесса попыталась опять отползти в глубь себя.

– Поверьте, – заверила ее Вероника, – я вам поверю.

– Вы верите в мистику?

– Я – литературный критик, – не без гордости презентовала себя мать-маяковка. – Можно ли не верить в мистику судеб, изучив творчество писателей и поэтов? Их стихи – полны пророчеств! Их жизни полны мистических совпадений. Взять хотя бы того же Влад Владовича Маяковского. Побывав в Киеве, он...

– А что вы думаете об Анне Ахматовой? – перебила ее поэтесса.

– Я не ее поклонница, – суховати ответила перебитая. – Но, безусловно, отношусь к ней уважительно.

– И зря! – визгливо вскрикнул голос. – Потому что она – воровка! Она все украла! Все свои стихи...

– У кого? – изумилась критикесса. И в ее вопросе набатом прогремел неподдельный, профессиональный интерес.

– Давайте-ка я лучше расскажу все с самого начала, – предложила поэтесса, почуяв, что отыскала, наконец, своего идеального слушателя. – Месяц назад мне попала в руки книга «Украинская ведьма».

– Профессора Чуба?!

– Откуда вы знаете?! – вздрогнул голос рассказчицы.

– Ее написал мой свекор. Отец моего бывшего мужа. Вы сейчас в его квартире. Умирая, он завещал ее не мужу, а внучке и мне. К слову, именно его внучка, моя дочь Даша спасла вас сегодня.

– Боже мой! – провопила повесившаяся. – Еще одно совпадение! Теперь я знаю, вы поверите мне. Быть может, даже поможете. Это не может быть просто случайностью. Это знак!

Маша встала: кричавшая была совершенно права – случайностей не существовало в природе.

И Киевица Ковалева на цыпочках пошла в коридор, страшась упустить хоть полслова.

– В книге отца вашего мужа я прочла способ узнать судьбу. – От нетерпения голос повесившейся глотал буквы и слоги. – Способ прост. Если в течение дня вы три раза подряд услышите или прочтете одно и то же слово, – задумайтесь, что вам хотят сказать свыше! Естественно, речь идет не о «спасибо», «пока». Но если три раза за день три разных человека упоминают, к примеру, Севастополь, – возможно, вам стоит съездить туда.

– Думаете, стоит? – спросила Вероника так, словно размышляла: не пора ли ей спаковать чемоданы и рвануть в город русских моряков.

– Уверена, – железобетонно сказала поэтесса. – Стоило мне прочесть книгу вашего свекра, на следующий день мне три раза подряд встретилось слово «Лото». Я сразу купила билет. И что вы думаете? Я выиграла!

– Выиграли?!

– Да!

– Что?

– Представьте себе, машину! И не говорите мне, что это совпадение!

– О, нет, – проговорила Вероника. – Машина – не совпадение. Это достаточно увесистый факт.

– Правда, потом я ее продала и на эти деньги разменяла квартиру. Но это уже не важно. Точнее – как раз это и есть самое важное! Я купила квартиру на улице Анны Ахматовой. Въехала туда вчера. Попыталась разложить тюки с вещами и нашла среди них старый номер журнала «Ренессанс». Там были напечатаны мои стихи. На 89-й странице! – подчеркнула повесившаяся с жирным значением. – Я принимаюсь перечитывать их, как вдруг... журнал падает из моих рук и открывается на статье «Анна Ахматова в Киеве»! И знаете, как начинается эта статья? «Анна Ахматова (настоящая фамилия Горенко) родилась на знаменитую Иванову ночь в 1889 году...» Вы понимаете?

– Пока не понимаю, – честно призналась литературная мама.

– 89! – повысила голос поэтесса. – Номер моей страницы! Что вы скажете на это?

– Даже не знаю, что сказать.

– Потому что вы не знаете, ЧТО было в той статье! – Голос повесившейся стал угрожающим – обещающе-интригующим. – Будучи пятилетней девочкой, Анна Горенко гуляла с бонной по киевскому Царскому саду. И нашла там золотую булавку в виде лиры. И бонна сказала ей: «Ты непременно станешь великой поэтессой!»

– Интересно. Я не знала об этом.

– Я тоже. Это малоизвестный факт. Но меня осенило! То была не просто булавка! Лира – талисман! И Анна Горенко вывезла его из Киева. Несмотря на свою украинскую фамилию, она не стала украинской поэтессой. Она стала Ахматовой...

– Исключительно потому, – втолковала поэтессе литературная дама, – что отец Анны не хотел, чтоб она печатала под его фамилией свои декадентские стихи. Быть поэтессой считалось не вполне приличным, и он попросил не срамить его имени. «И не надо мне твоего имени», – сказала она...

– Неважно! – в запале выпалил голос. – Важно, что она стала первой! Первой признанной женщиной-поэтессой России! Единственной в своем роде. Наш талисман – Лира – дал ей силу. И эта сила ушла от нас! Ее исчезновение обесточило всю нашу литературу. В том числе и меня. Потому что это был мой талисман. Его должна была найти я. Я – избранная! Избранная!

– Почему именно вы? – не осмыслила Вероника.

– Да потому, – закричала поэтесса, – что я – Анна Андреевна Голенко. А она – Анна Андреевна Горенко. Намек более чем прозрачный! Она пошла в гору, а я осталась голой. Потому что она меня обокрала! Обокрала еще до моего рождения. Теперь мне ничего не светит. Я обречена. Как и все мы, пишущие здесь, – не нужные, не интересные, чьи стихи никто не хочет не только печатать, но даже слушать. Вот почему в Киеве никогда не было ни одного Великого писателя. Ни одного Великого поэта! И не будет. Этот город мертв для литературы! Даже ваш Вертинский начал писать свои поэмы только тогда, когда отсюда сбежал. Есть только два выхода: либо уезжать отсюда, либо сдохнуть! Но мне некуда ехать... Улица Анны Ахматовой – мой последний рубеж.

– Но подождите, – остановила ее Дашина мама. – А как же третье упоминание Анны Ахматовой? Первое – улица. Второе – статья. Ведь, исходя из теории моего свекра, должно быть и третье совпадение.

– Должно, – согласилась Анна Андреевна Голенко. – И, конечно же, было. Вчера вечером мне позвонила моя дочь, из-за которой мне и пришлось разменять квартиру. Она позвонила предложить мне работу. И кем, кем? Торговать косметикой в метро! «В конце концов, – сказала она мне, – в тяжелые для нее времена даже Ахматова торговала на базаре селедкой. А кроме того, мама, ты же не Анна Ахматова!»

– Брошь в виде лиры? – Даша агрессивно почесала нос. – По-моему, это полная бредятина! То есть, – пояснила она, – быть может, Ахматова и нашла какую-то брошь. Я, например, в детстве нашла золотое кольцо на Владимирской горке. Потом продала, ну, когда выросла, жутко деньги были нужны. Причем за бесценку, так жалко... О чем я?

– Об Анне Ахматовой.

– Да. Мало ли кто чего где нашел! Эта поэтесса точно двинутая. Не была бы двинутая, не полезла бы в петлю из-за такой ерунды. Сама придумала. Сама расстроилась. Сама повесилась. Скажешь, нет?

– Скажу, что, скорее всего, ты права.

На лице Чуб отразилось довольство (она любила быть правой!), а руки ее продолжили потрошить платяной шкаф.

Маша Ковалева наморщила лоб – выводы, сделанные из теории трех совпадений несостоявшейся самоубийцей А. Голенко, и впрямь мнились слишком надуманными.

– И Анна Андреевна – жутко распространенное имя и отчество. – Даша придиричиво рассматривала кожаные шорты, больше походившие на стринги-трусы. – И Горенко-Голенко – не аргумент! Если прошерстить киевский адресный стол, можно найти десяток Голенко, двадцать пять Горенко и двух-трех полных тезок – Горенок Анн Андреевн. И все это ровным счетом ничего не значит.

Вот только что-то в дурацкой ночной истории цепляло Машу своей настоящестью.

– А я вот о чем не спала сегодняшней ночью... – Землетрясная, кряхтя, пыталась влезть в шорты-трусы. – То, что мой Ян не демонстрирует тебе свое отношение ко мне, тоже не означает, что он относится ко мне так же, как и к тебе! Скажешь, я не права? – Шорты сопротивлялись. Но Даша не сдавалась и победила.

– Но все-таки брошка была в виде Лир, – с сомнением сказала Маша.

– Да хоть в виде черепа и костей! Что из того? Да и была ли она во-о-о-о? Может, это такая себе легенда семейная: родичи Ахматовой потом придумали, когда она поэтессой стала, чтоб было чего журналистам в интервью рассказать. Или она сама. Она во-о-о-о была жуткой обманщицей. Вот уж кто умел себя распиарить, так это Анечка Горенко. Ты вообще в теме, что еще при ахматовской жизни художники нарисовали больше двухсот ее портретов? Вот это, я понимаю, раскрутка!

Чуб подскочила к зеркалу и показала ему свою попу.

Шорты врезались в ягодицы, оставляя нижнюю часть открытой на обозрение.

Однако в пониманье певицы одежда существовала отнюдь не для того, чтобы что-то скрывать, а одеваться хорошо, в ее понимании, означало – так, чтобы оборачивались все прохожие.

Ныне же следовало расстаться особенно...

– ОК! Сзади полюбят, спереди привыкнут, – глубокомысленно огласила Чуб. – А когда мы сегодня с Яном встречаемся?

– Но в Киеве, действительно, не было ни одного большого писателя. Ни одного большого поэта, – продолжала сомневаться студентка исторического факультета. – За всю его историю.

– Не было, – подумав, покивала косами дочь литературного критика. – Но ты так рассуди: а при чем во-обще Лира к Киеву? Лира – это ж типа из Древней Греции.

– Логично.

– Остынь! Куча народу находит всякую хрень. Куча народу вешается! Здесь даже нет ничего мистического. – Вид сзади Дашу удовлетворил.

Оставалось подобрать умопомрачительный верх.

– Если бы в этой истории не было ничего мистического, нас бы туда не позвали, – аргументировала Ковалева.

– О`кей, – немедленно отыскала лазейку Землепотрясная, обладавшая ярковыраженным талантом к спорам. – Анна Голенко верила в мистику, и ее мистицизм ее доконал. Поэтому ее проблема как бы подпадала под нашу парафию...

– Я поняла! – озарило Машу. – Теория твоего дедушки Чуба! Теория повторяющихся слов. Это же правда! Так с нами общался Город, когда мы были совершенно слепыми. Он постоянно подбрасывал нам подсказки. Он нас направлял. Все вокруг указывало нам путь – название спектакля на афише, статья в газете...

Внучка Чуб принялась чесать нос.

Именно благодаря статье в случайной газете, принесенной ветром и прибившейся к Дашиным ногам, Дашины ноги и отправились в «Центрь колдовства», где умирающая Киевица Кылына...

– О`кей. И че из того? – оборонила спорщица. – Это означает лишь то, что мой дедушка был умный парень.

– Нет, – оспорила упрямая Маша. – Это означает, что кто-то специально подводил Анну Голенко к подобному выводу.

– Вот и прекрасно, – сделала нелогичный вывод певица. – Вот мы и поняли, в чем колдовство. Кто-то подводил эту тетку к самоубийству, но мы вовремя вмешались и спасли ее.

– Но кто этот кто-то?

– Какая разница?! – разрешила Даша воздух рукой. – Пойми ты, Голенко – это полный голяк! Я задницей чувствую. – Для убедительности Даша выпятила интуитивное место и похлопала по нему рукой. – Какая-то третьеразрядная поэтесса возомнила, что ее обокрала Анна Ахматова, и решила покончить с собой. Хренотень и графоманские бредни! – Певица вздохнула.

Ибо было понятно: никакая это не хренотень. А нечто важное и значимое, что они по ничерта-незнанию просто не способны понять.

Иначе зачем бы на небе загорался красный огонь?

– Но иногда твоя задница все же ошибается, – сказала Маша.

– Ну, она, конечно, не Господь Бог, – капитулировала Чуб.

Выдернув из шкафа украинскую вышиванку-сорочку, она прикидывала ее на себя.

– Ладно, пускай не голяк, пусть висяк. – Раритетная рубаха из коллекции дедушки Чуба слегка примирила ее с Машиным упрямством. – Разницы нет! – Внучка Чуб нырнула в рубаху. – И если в ближайшее время небо не маякнет нам че-то покруче и попонятней, ее для нас и подавно не будет. – Даша завязала узел под грудью, нацепила четыре мониста, серьги, двадцать браслетов и прозвенела: – Сегодня 10-е! Послезавтра бой. И за такую историю нам его на год не перенесут. А поскольку на небо больше полагаться нельзя, единственное наше спасение срочно отыскать хоть один ведьмацкий корень! Слушай, – озадачилась она, разглядывая экипировку (как и следовало ожидать, кожаные шорты-трусы в комплекте с буйной национальной вышивкой и ботинками а-ля Джонни Депп выдали землепотрясный результат!). – Но если мой деда так классно знал все ведьмацкие примочки, неужели он мог вычислить их просто так? Неужели у нас в роду никого не было? Это же нонсенс! Родиться в Киеве, где стоит целых четыре Лысых Горы, где каждая вторая – ведьма... И оказаться третьей! Да быть того

не может. Я задницей чувствую. Я – точно ведьма! А Катя тем более! Во времена инквизиции ее бы сожгли без всяких доказанных родственников, только за то, что такая красивая. Сказали бы «ведьма» – и в костер...

– Купальский костер. Купала!!! – закричала Ковалева так громко, что сумела потрясти даже Землепотрясую. – Ахматова родилась на Ивана Купалу! В «Иванову ночь». Она – ведьма!

– Разве Ахматова родилась 7 июля? – застопорилась певица.

– Анна Ахматова родилась 23 июня, то есть 11 июня по старому стилю. – В комнату, улыбаясь, вплыла Дашина мама.

– Почему же в статье было сказано «родилась на знаменитую Иванову ночь»? – впала в ступор студентка.

– Потому, – ответила литературная мама, – что Ахматова сама написала: «Я родилась в один год с Чарли Чаплиным, «Крейцеровой сонатой», Эйфелевой башней. В то лето Париж праздновал 100-летие падения Бастилии – 1889-й, а в ночь моего рождения справлялась и справляется знаменитая древняя «Иванова ночь». О, она умела выписывать свою биографию!

– Она классно пиарила! – перевела эстрадная дочь. – Говорю, она была обычной обманщицей, как и все нормальные звезды.

– Ахматова? Ну конечно, обманщица, – улыбнулась Вероника. – Анна Ахматова всерьез утверждала, что род ее пошел от последнего хана Золотой Орды – Ахмата, прямого потомка Чингисхана. Что ее бабушка, чью фамилию она взяла как псевдоним, татарская княжна. Хотя ее бабка Прасковья Ахматова не была ни княжной, ни, тем паче, татаркой.

– И про Иванову ночь приврала для красного словца, – добила подругу Даша. – И про Лиру, и про предсказание «Ты станешь поэтом». Это же шоу-бизнес! Здесь все врут.

– Значит, Ахматова – не ведьма, – погасла Маша.

– Ахматова? Ну конечно же ведьма, – улыбнулась Вероника. – Не зря же Цветаева называла ее в стихах «чернокнижницей», а муж Ахматовой, Николай Гумилев, написал: «Из города Киева, из логова Змиева я взял не жену, а колдунью».

– Что? – коротко охнула Маша.

– Из логова Змиева?! – звякнула монистами дочь. – Откуда он знал про Змея?!

– Про Змея? – приподняла бровь Вероника.

– В Киеве живет Змей. Жил Змей. Но мы его... – Чуб чуть не выдала матери древнюю тайну.

«Надо предупредить ее, – испугалась студентка. – Нельзя открывать правду слепым. Это Великий запрет».

Но уже зазвеневшая в воздухе тайна не произвела на Дашину мать никакого воздействия.

– Я уже говорила сегодня Анечке Голенко... – Вероника закурила, выдохнула дым и закончила: – ...о магии литературы. В своих произведениях писатели и поэты часто предсказывают то, о чем не может знать простой смертный. Взять, к примеру, трагедию «Титаника». За четырнадцать лет до кораблекрушения вышла книга, где писалось, как, напоровшись на айсберг, тонет корабль под названием «Титан». Или зачем далеко ходить, муж Ахматовой – поэт Николай Гумилев – не только предсказал свою смерть, но и почувствовал рождение звезды. «В созвездии Змия загорелась новая звезда», – написал он за полвека до того, как японские астрономы официально зарегистрировали появление новой звезды в созвездии Змеи. А за пять лет до своего расстрела Гумилев подробно описал в стихах человека, который «занят отливанием пули, что меня с землею разлучит»...

– И чего это значит? – спросила Даша.

– Точно не знаю, – известила дочь Вероника. – Но недавно у меня появилась теория. Все талантливые литераторы – ведьмы и колдуны, в той или иной мере. Судите сами: и писатели, и колдуны выстраивают хитросплетения слов в некоем завораживающем нас порядке. Колдуны

называют это заговорами и заклинаниями. Литераторы – романами и стихами. Ведьмы и колдуны делают это осознанно. Писатели и поэты – в озарении. А суть не меняется! Достаточно расставить нужные слова в нужной последовательности – и ты можешь изменить мир.

– Чароплетство, – медленно произнесла Маша, скорее вопросительно, чем утвердительно. – Писатель тоже создает мир, существующий по придуманным им законам. Как и...

«...Марина, вынудившая всех тысячу лет подчиняться провозглашенным ею законам!»

– Как и колдун, – кивнула литературная мать. – Буквы как ноты, пишущий должен чувствовать ритм и мелодику слова, его магию! Лучший пример: молитвы и заклинания, само прочтение которых точно отрывает тебя от реальности и... творит чудеса. В идеале писатель должен писать так же! Как чародей. Как сам Господь Бог, который, согласно Евангелию от Иоанна, сотворил мир с помощью слова.

– То есть вы думаете, – с тревогой спросила Маша, – писатель способен переделывать мир? И литературная модель мира, которую он создает, как восковая кукла – модель человека, которую ведьма колет иглой? Она колет куклу, а с человеком случается беда.

– Прекрасное сравнение! – окрылилась Вероника. – Если позволите, я воспользуюсь им в своей статье.

– Нет, ма, – после секундного размышления напыжилась Даша. – Мне эта теория не нравится. Из нее получается, будто мужчины в магии круче, чем женщины. Ведь писателей-мужчин всегда было больше.

– Ну, я бы так не сказала. – Стоило Даше открыть рот, улыбка Вероники стала умильно-прозрачной. – Просто женщинам не так уж давно разрешили быть писательницами. Каких-то сто лет назад они сидели дома, рожали по восемь детей, были перманентно беременными. Когда им было писать? Да и захоти они, кто б их опубликовал? Жорж Санд, Мери Шелли, Леся Украинка были скорее исключениями – бунтарками. А сейчас погляди на лотки – сплошные дамочки пишут. Их больше, мышонок. Боюсь, скоро мы вообще выживем мужиков из литературы. Все идет к тому.

– Я – не мышонок!!! – загорлопанила Чуб, взорвавшись внезапной и громогласной гранатой. – Не смей разговаривать со мной так! Словно я маленькая! Глупая! Я – большая и умная. Только ты считаешь меня душой...

– Конечно же нет, – разубедила ее Вероника. – Я считаю, что у тебя сложный период – искательный. Ты ищешь себя, не можешь пока найти. Но я люблю тебя такой, как ты есть, на всех этапах, периодах, ведь ты моя дочечка. – Вероника глядела на дочь с такой непоколебимой любовью, что было понятно: она впрямь любит Дашу любой – кричащая, пыхтящая, топающая, она доставляет ей равную радость!

«Вот бы у меня была такая мама...» – сглотнула Маша слюну.

– Я тебе не дочечка! Маша теперь твоя дочка. Забыла? – тут же осуществила ее мечту Даша Чуб. – А я ухожу. И перестань улыбаться. Ну, крикни! Закричи, как человек. Чтобы я поняла: тебе не все равно...

Дашина мама подумала. Улыбнулась. И издала короткий, веселый вскрик.

– Так лучше, дочечка? – вновь заулыбалась она.

– Ты издеваешься! Тебе все равно! Все! Забирай себе Машу... Пусть она с тобой живет. Пусть! Ты ж не против?

Даша плакала.

– Я тебе уже сказала, не против. Вы ж видите, Маша, – обратилась к ней Вероника, – у нас очень большая квартира. Если вам нужно, можете жить у нас сколько угодно.

– А можно... – Маша вдруг занервничала, захлопала глазами, покосилась на Чуб. – Можно я и правда... Если что... Недолго совсем.

Но Чуб ее не услышала:

– Все! Прощай навсегда! Я ухожу жить к Машиной маме!

* * *

– ...тысячи людей пишут в стихах черт знает что, и это не делает их ведьмами!

Уже оклемавшаяся от легких сомнений, Даша спрыгнула со своего мопеда, домчавшего их на Уманскую, 41, – и продолжила спор.

– Ну, назвал ее муж «колдуньей». В другом стихе «царицей» назвал. В третьем Гумилев во-о-ще называл ее лесбиянкой. Ты мне лучше вот че скажи, что это за бред: «Можно я у вас поживу?»

Оказывается, Даша прекрасно все слышала!

– То есть не вопрос, живи сколько влезет, – гостеприимно предложила она. – Ты ж видела мою мать, она и не заметит, что в квартире еще кто-то живет. А заметит, обрадуется, – будет ей с кем о стихах пообщаться.

– Я в поэзии плохо разбираюсь, – выдавила студентка-историчка.

– Что? Правда? Вот уж не думала.

Удивление Чуб можно было понять: на вид Маша была типичным представителем вымирающей породы романтических барышень, которые все еще читают на ночь стихи.

– Ни-че, – сказала Землепотрясная. – Писателей мама тоже любит обсасывать. Булгакова твоего уважает. Он же считал своим учителем Гоголя, а Гоголь, по сути, покончил с собой – насмерть уморил себя голодом. А всех, кто покончил с собой, мама собирает в свой каталог. Я тебе на спор могу перечислить сто писателей и поэтов, покончивших с собой. Хочешь? Маяковский. Цветаева. Радищев. Хемингуэй. Цвейг. Гомер. Джек Лондон. Сафо... Говорили бы, – прервалась она, – о литературе во-о-ще. Но с чего вдруг ты собралась у нас жить? Колись, наконец! Что за булыжник ты носишь? – сделала Чуб третью попытку докопаться до Машиной тайны.

Но Маша, молчавшая, смотрела на свой родной дом, к парадному которого принес их красный мопед.

Смотрела и боялась его.

И потому в третий раз ее Тайна осталась тайной.

– Если нас выгонят из Киевиц, – сказала она, – мы не сможем жить в Башне. А я... не знаю, смогу ли я вернуться домой. Мама не поймет... я не смогу объяснить... и... я не знаю, что делать.

– И все? – Землепотрясная подозрительно втянула ноздрями Машин ответ. – Матери боишься, и все? Хотя... Мать у тебя сама по себе натуральная ведьма!

Маша не стала спорить.

Не стала припоминать, что еще вчера Чуб уверяла: Машина мама – «ангел, ангел».

Дочь «ангела» была занята – пыталась заставить себя сдвинуться с места и войти в подъезд.

– Не дрейфь! Прорвемся! Победа будет за нами! – засмеялась Землепотрясная Даша, никогда не терявшая хорошего расположения духа дольше, чем на пятнадцать минут. – Нужно просто показать Суду твою мать, и они сразу признают нас чертовками, бесихами... А кроме того, это уже моя мать. Сейчас она узнает, что значит иметь нормальную дочь! Пойдем, – подтолкнула она Машу к парадному. – Вариантов нет. Хочешь – не хочешь, нужно узнавать, есть ли у тебя ведьмы в роду. Это я беру на себя. Напомни-ка, как мою маму зовут?

– Анна Николаевна.

– Что?

– Ведь приватизирована, – злорадно заткнула новую «нормально» орущую маму новая «нормальная дочь». – Я все знаю!

– Тебе-то чего? – опешила мама.

– А очень даже того! – приняла Чуб позу руки в бока. – Если она приватизирована, по закону Маше принадлежит ее четвертая часть. И если вы отказываетесь признавать меня дочерью, по закону Маша может сдать ее мне. Мы уже и с нотариусом договорились.

– Что-что?

– То-то! Сейчас едем и оформляем договор!

– На мою квартиру?

– На Машину четвертую часть квартиры, на которой теперь буду жить я, – победительно улыбнулась Землепотрясная. – Ясно?

– Только сунься сюда! – взвизгнула Анна Николаевна. – Я милицию вызову!

– Это я милицию вызову, – радостно откликнулась Чуб, – если вы откажетесь меня впускать. И покажу им бумаги.

– Хулиганка!

– Это вы хулиганка. А я – законопослушная гражданка, и по закону нашей страны Маша имеет право делать со своей частью все, что угодно. Сдать ее мне, продать ее мне... Кстати, хорошая идея. Я покупаю ее часть и поселяюсь здесь. У вас какой метраж? Метров пятьдесят? А ты, Маш, чего стоишь? Иди вещи собирай, бумаги там разные. Не мешай мне с мамулькой ругаться.

– Какая я тебе «мамулька»? – осатанела Машина мама.

Маша юркнула в «детскую».

И удивленно замерла – пол был покрыт пластиковыми мешками.

На них возлежала картошка, любовно разложенная по фасону, размеру и степени гниения. Анна Николаевна закупала картофель мешками, зимой и летом, и перебирать его пару раз в месяц было ее любимым успокоительным, заменявшим маме вязание, медитацию и прочие радости.

Блудная дочь вдохнула запах земли и подвала. Косолапо передвигаясь между шарами картофелин, добрела до окна, рванула створки и...

Вскрикнула, увидав внизу Красиавицкого.

Мирослава.

Мертвого!

Он стоял под окном, запрокинув голову, – он смотрел на нее.

Он не должен был там стоять, он должен был лежать в земле на каком-нибудь кладбище.

...ее одноклассник, ее минувшая любовь – сатанист и убийца, спасший ей жизнь.

Лицо Маши замерло в той же гримасе, в какой застыла минуту назад ее мать, – с открытым ртом и остекленевшими глазами, не верящими своей способности видеть.

– Маша, – позвал Мир Красиавицкий, дав почву для неверия Машиным ушам. – Это я. Не бойся. Все в порядке.

– Ты жив? – спросила она еле слышно и тут же истерично продублировала свой вопрос:

– Ты жив?!?! Мир! Ты жив?!

Ссорящиеся за дверью не могли ее слышать.

– А вы знаете, что я – ведьма? Я могу вас сглазить! – гремел голос Чуб. – И вы ничего не сможете сделать, вы же – не ведьма. У вас даже в роду не было ведьм!

Даша явно решила взять Машину мать «на слабо».

– Это у нас-то не было ведьм! – закричала Анна Николаевна.

– У вас! У вас! – исхитрилась перекричать ее Чуб.

– Я жив! – крикнул Мир снизу. – Можно войти?

Маша активно закивала.

Однокурсник проворно забрался по пожарной лестнице, спустившись по которой три дня тому «как воровка», Маша ушла из дома «навсегда».

– Ты жив...

Он сидел на подоконнике.

Красивый. Серьезный. В костюме и галстуке.

– Там, в больнице, врач сказал нам неправду? – Маша коснулась его руки – рука была теплой.

Он был жив. Она и не видела его мертвым! Врач, сообщивший им в коридоре больницы страшную новость, наверняка перепутал имя больного.

– Врач сказал нам, что ты...

– Я знаю, – скучливо обрубил ее Мир.

И Маша расслышала: ему не интересно об этом говорить.

«Логично», – подумала она.

Наверное, все три разделивших их дня ему пришлось говорить только об этом.

– Я так рада, что ты жив, – сказала она и осознала сказанное.

Он не погиб, спасая ее.

Она – не убийца!

Невиновна!!!

Радость, огромная, заполнила тело.

– Ты цел? – взволнованно заворковала она. – Было столько крови. У тебя был перелом?

Или нет?

– Бог с ним со всем, – сказал Красавицкий. – Все это ерунда, в сравнении...

– С чем?

– Я должен сказать тебе очень неприятную вещь. – Обещание пророкотало мрачно и глухо. – Я люблю тебя, Маша. Я не смог тебя разлюбить.

Виновна!!!

«Присуха! Приворотное зелье... Даша приворожила его ко мне».

Радость померкла.

– Поздно, – вынесла приговор она.

– Для любви нету «поздно».

То же самое Маша сказала и Врубелю.

«А если нету поздно?»

Но оказалось, что поздно – есть.

– Мир, прости меня, – попросила студентка. – Но я... не люблю тебя больше. Я любила тебя на первом курсе. И на втором... Ты не обращал на меня внимания. А я думала, что люблю тебя, но...

Мир Красавицкий – самый красивый парень их института – был невзаправдашной любовью.

Маша любила его как книжный идеал, любила тогда, когда еще не жила, а только мечтала о любви в стеклянном аквариуме своего одиночества.

Но даже ее книжные фантомы – мечты о сказочном, фантастическом булгаковском мире – оказались на поверку более реальными, чем ее надуманная любовь к реальному Миру.

– Я люблю другого. Прости.

– Я прощу тебе все, что угодно. Я же люблю тебя, – сказал он.

– Нет. Ты не знаешь, – возразила она. – Я жду ребенка! От другого мужчины. От Михаила Врубеля. Он умер...

Машина Страшная Тайна вырвалась наружу, облеклась в слова. Слова разрослись, наводнили комнату.

«Что делать?!»

Она ждала ребенка от мужчины, похороненного столетие назад. Она ждала ребенка, и кабы ее мать знала об этом, отвлечь ее от морального уничтожения дочери, «принесшей в подоле», не смогла бы и Землепотрясная Даша. Она, двадцатидвухлетняя, почти изгнанная из дома, почти разжалованная из Киевиц, ждала ребенка и отчаянно не знала: как жить?!

– Ну и что? – пожал плечами Мир Красавицкий. – Это ничего не меняет. Для меня – ничего. Я люблю тебя. Я усыновлю твоего ребенка.

Странно.

Его презрение к Машинной тайне прогнало из комнаты страх.

– А как ты узнал, где я живу? – спросила она.

– Это было не трудно.

– Логично. В институте. Я рада видеть тебя.

– Ты рада? – В словах не прозвучало вопроса – одна грусть. – Ты правда рада мне? Это возможно? Ты ж знаешь, кто я.

Вопрос появился:

«Можешь ли ты простить меня?»

– Я рада, поверь. Я так рада, что ты жив! – едва не заплакала Маша. – Я знаю, из-за тебя погибли двое. Но ты не совсем виноват... Кылына обманула тебя, использовала. А потом... Ты готов был пожертвовать жизнью ради меня. Но какое счастье, что тебе не пришлось жертвовать жизнью!

– Дай мне еще один шанс, – сказал Мир Красавицкий.

– Бери. – Маша мягко положила руку ему на плечо.

– Нам нужно поговорить. Мы можем поговорить с тобой здесь? – Он прислушался к ушераздирающим крикам.

А Маша смутилась – трусовато отдернула руку.

«Поговорить?»

В таких костюмах и галстуках мужчины обычно делают предложение.

– Нет. То есть да, – зачастила она. – Но не здесь. Нам лучше тихо уйти. И побыстрее. Иначе... – указала она рукой в сторону крика.

Миру не стоило попадаться на глаза ее матери!

На глаза Даше – тем паче!

Ковалева сильно подозревала: при виде воскресшего сатаниста Землепотрясная Чуб заорет в унисон с ее мамой, и не могла даже заподозрить, что будет, если два таких тайфуна сольются в один.

– Мне нужно собрать вещи, – заторопилась она. – Я сюда вряд ли вернусь. – Спотыкаясь на картошке, Ковалева поспешила к старому шкафу, в котором вековал век допотопный фанерный чемодан.

– А это твой отец? – Мир склонился над письменным столом, где под стеклом лежали открытки и вырезки, фотографии, картинки. – Вы с ним похожи.

Машу кольнуло. Больно!

Она подскочила к столу.

Старое-престарое фото: папа, мама, она, старший брат. Маша в растянутых детских трусах стояла на плечах у отца.

Стояла и не боялась – папа крепко держал ее за руки.

Приподняв пыльное стекло, дочь сгребла из-под него все, что там было, и бросила семейный архив в пасть чемодана.

– Это тоже брат? – Мир взял с кровати игрушечного Винни-Пуха.

– Бери.

Мишку папа подарил ей в шесть лет!

– И значки забирай.

Значки с эмблемами киевских фестивалей и олимпиад ей покупал папа – по ним Маша изучала историю Города!

Мир послушно снял со стены исколотый значками платок.

– И эту картинку, – наказала Маша. – И глобус. И тапочки... Это все он.

Папочка,

– быстро нашкрябала она записку взамен,

у меня все хорошо. Я тебя очень люблю. Я очень волнуюсь за тебя.

Прости меня, пожалуйста.

Маша.

Она застыла с бумажкой в руках.

– Ее нельзя оставлять. Мама найдет ее первой и не отдаст папе. Она такая... Она не плохая. Просто очень упрямая.

– Я всю квартиру освящу! – неся из кухни голос Анны Николаевны. – Все солью посыплю. Ты сюда и зайти не сможешь, нечисть проклятая!

Из чего следовал безрадостный вывод: ведьм в Машинном роду тоже не наблюдалось.

– Хочешь, я подкараулю твоего отца у подъезда и передам ему письмо? – сказал Мирослав.

– Ты, правда, можешь вечером подъехать сюда? Специально?

– Я сделаю все, что ты хочешь. Я же люблю тебя.

– Спасибо, – смяла опасную тему она.

Мир спрятал записку в карман.

– Что еще? – Она огляделась. – Ах да... Одежда. Конспекты.

В чемоданную пасть полетели нехитрые пожитки: свитера, футболки, колготки, тетради, книги, трусы.

– Ты сможешь мне спустить сумку через окно?

– Конечно. Я всегда буду тебе помогать. Я же люблю тебя. Можно я поеду с тобой?

– Куда?

– Туда, куда едешь ты. Я не буду тебе мешать.

Маша исторгла тягостный вздох.

* * *

Конечно же, Маша Ковалева заранее знала: влюбленный Мир Красавицкий будет мешать ей. На то и существует любовь, чтобы мешать людям жить! Но отказать влюбленному в нее насильственным образом она оказалась не в силах.

К тому же ее одноклассник бывал в круглой Башне, слышал разговоры кошек и был готов к любым мистическим па.

К тому же никаких мистических па в планах Киевицы не намечалось.

– Я должна подготовиться к экзамену. Можем готовиться вместе. Даже лучше вдвоем! Мы друг другу поможем, – оптимистично солгала Ковалева.

– Я освобожден от всех экзаменов. Но буду рад помочь тебе чем-то.

Он смотрел на нее.

Взгляд свидетельствовал, насколько ему наплевать на все экзамены в мире, на мир, на все, кроме Маши.

И оптимизм Ковалевой тут же иссяк.

«А стоит ли идти на экзамен? Ольга Марковна опять согнетса при всех...»

«Какой экзамен? Послезавтра Суд! Мы проиграем. И мне некуда будет идти. Зато я смогу пойти на экзамен. Если мы проиграем, Марковна уже не будет мне кланяться...»

«Жаль, что экзамен завтра, а Суд – послезавтра. Лучше б наоборот, тогда бы я знала, что, проиграв, могу хотя бы пойти на экзамен».

Колебясь, студентка разложила на столе конспекты и книги. Пробежалась по экзаменационным вопросам. Разрезала бумажки-шпаргалки.

Взгляд Мира, убежденно-влюбленный, буравил ей спину.

– Не смотри на меня, – взмолилась она.

– Хорошо.

Мир достал из приглашающе распахнутого чемодана пачку снимков, сел на пол, принялся рассматривать их.

Искося взглянув на него, Ковалева увидела: Мир смотрит на нее фотографическую – семилетнюю, с двумя куцыми косами.

– Ты здесь такая хорошенькая!

Маша, потянувшаяся рукой к очередному учебнику, быстро отдернула руку.

Хорошенькой она не была – ни теперь, ни в детстве. Зато была умной. И Машину умную голову посетил запоздалый, но логичный вопрос:

«А почему, собственно, он все еще любит меня?»

Он выпил Присухи. Присуха действует тринадцать часов. Прошло трое суток! Он должен был давным-давно отсохнуть и разлюбить.

Но не разлюбил.

«Выходит... любит на самом деле?»

– А когда выросла, стала настоящей красавицей!

Этого Маша вынести уже не смогла.

Мир Красавицкий, первый парень их группы, вот кто был настоящим – по красоте он мог бы поспорить даже с изумительной Катей.

Черные волосы. Черные брови. Надменный профиль. Глаза... Такие бездонно-огромные, похожие на темные колодцы глаза любил писать Миша Врубель.

Маша решительно отложила конспект. В книге Киевиц должна быть Отсуха – отворот. Этот абсурд пора ликвидировать!

– А что это с вашей картиной? Почему весы так скособолены? – спросил Красавицкий. – Они были другими, я помню.

– Ничего страшного.

Киевица открыла черную Книгу. Глава с веселым названием «Отсушки» была где-то в самом начале.

– Мне очень жаль, – сказал Красавицкий, – но ты не сможешь мне врать.

– Почему? – уточнила она рефлексивно.

– Потому что я люблю тебя. Я тебя чувствую. Мне плохо, когда тебе плохо. Больно, когда тебе больно. Можешь не верить, но... Тебе было жутко, когда ты сказала мне про ребенка. Потом попустило. А сейчас. Сейчас тебе...

– Все в порядке. – Ковалева бездумно перевела взгляд на измеритель равновесия в руках Киевицы Марины. – О Господи!!!

За время их отсутствия левая чаша Весов успела опуститься еще ниже.

Ниже – некуда!

Ниже был уже апокалипсис!

* * *

Василиса Андреевна застала Екатерину Михайловну за престранным занятием.

Держа в руках большую корзину, Дображанская деловито посыпала пол одного из своих супермаркетов лепестками роз.

– Красиво, – похвалила Василиса.

– Это не для красоты, – сказала Катя.

– Естественно, – подобострастно улыбнулась Василиса Премудрая. – С древности ведьмы варили из алых роз любовный отвар. Забавно, что со временем эту магию переняли мужчины, которые по сей день недоумевают: с чего букет алых роз вызывает у женщин такие страстные чувства? Ведь достоверно известно, что женщины цветов не едят.

Катя не оценила шутку.

Она сосредоточенно засеивала кафельный пол.

– Психологи слепых даже изобрели теорию: розы – символическое изображение женской вагины. И женщинам нравится, когда мужчины преподносят им отрезанные вагины соперниц.

Вагины Екатерину Дображанскую также не заинтриговали.

– Маша считает, мы вправе ведьмовать для собственной надобности, – сказала она.

– Вы – Киевица. Вы можете все, что не противоречит 13-и Великим запретам, – завизировала Машины слова Василиса.

– И все приходится делать самой, – привычно пожаловалась владелица сети супермаркетов. – Бросать лепестки нужно непременно слева направо. И так трудно найти ответственных людей... Порода добросовестных слуг большевики уничтожили вместе с их хозяевами. А потом семьдесят лет ввинчивали в головы алкоголиков и слесарей мысль, что они ничем не хуже профессоров. Итог – куча людей по-прежнему думает: раз мы и так ничем не хуже, зачем напрягаться?

Катя закончила посевную. Теперь, прижимая опустевшую корзинку к груди, она заинтересованно рассматривала длинные полки, заполненные пакетами и банками с соками.

– Вы желаете, – понизила голос Глава киевских ведьм, – приворожить покупателей к вашему маркету? Позвольте посоветовать вам, добавить в ваше саше кипарис...

– По-моему, – сказала Дображанская, – неплохо и так.

Покрытая алыми лепестками дорожка меж полками успела привлечь внимание. Проходящая мимо худосочная дамочка вдруг затормозила, задумалась и начала энергично сгружать в тележку пакет за пакетом, поясняя сопровождавшему мужу:

– Ребенку нужно пить соки! Я давно говорю...

– А вы по какому вопросу? – обратилась Катерина к Василисе Премудрой. – Простите, у меня много дел.

Премудрая предприняла попытку отвесить поклон.

– Незачем устраивать цирк! – цыкнула Катя. – Объясните, зачем вы пришли? По возможности коротко.

– Простите мою дерзость, но нашли ли вы корни?

– Нашла. В Башне хранились корень мандрагоры и птичника. Я добавила их в Присуху. Пожалуй, надо уменьшить консистенцию...

За миг продуктовая тележка присушенной заполнилась до краев!

– Зачем нам столько? Мы ж за год не выпьем. – Встревоженный муж дамы попробовал вернуть пару пакетов обратно на полки.

– Не трогай! Я знаю, что делаю! – визгливо заругалась с ним та и принялась переругиваться с другим покупателем. – Что вы делаете? Это ж мой сок! Хам!

– Это мой любимый... Вишневый. Вы забрали последний пакет! – отозвался хам.

– Вова, – взвизгнула дама, – почему ты стоишь? Он крадет продукты из нашей тележки!

– Тань, – потерял выдержку Вова, – мы пришли сюда купить торт и шампанское! Что вдруг случилось? Зачем нам сорок пакетов вишневого сока? Отдай ему...

– Нет! Я люблю вишневый сок! Я всегда любила только его! Я люблю его! – Присушенная выдернула сорок первый пакет из рук второго влюбленного в роковой вишневый.

– Вы не вправе забирать с полки все! Я тоже люблю его! – взбеленился второй.

– Я люблю больше! Он мой!!!

– Я люблю не меньше. Жлобиха!

– Не смейте оскорблять мою жену! – включился в ссору супруг покупательницы (он любил ее).

– Андрей, – быстро окликнула Катя работника в комбинезоне. – Мигом сметите все лепестки!

– Не нужно. – Василиса Премудрая вытянула губы в любовную трубочку.

Лепестки зашевелились. Медленно поплыли по полу, гонимые сквозняком.

Присушенная дама застыла, всматриваясь в происходящие внутри перемены.

– Ладно, – нетвердо сказала она. – Ты прав, милый. Возьмем упаковок десять. Нет, пять... три.

– Так я могу взять у вас пару пакетов? – чуть вежливее спросил второй покупатель.

– Спасибо, – поблагодарила Катя Премудрую. – В целом, эксперимент прошел удачно.

Завтра нужно попробовать еще раз.

– Я спрашивала вас о ваших ведьмацких корнях, – сказала Василиса Андреевна.

– Ах, это... Вечером заскочу к тете Тате, – сняла тему Катя. – Это все?

– Выслушайте меня! – проникновенно попросила Василиса Премудрая. – Я не сомневаюсь, вы без труда отыщете в роду ведемскую кровь. У меня есть основания так думать.

– Почему? – Катя наконец соизволила обратить на нее рассеянный взгляд.

– Вы невероятно красивы.

– Оставьте! – скривилась красавица.

– Конечно, красота – не аргумент для Суда. Но ваша родословная – на вашем лице. К слову, когда моя Ясная Пани захочет убрать морщинку на лбу, молю, не прибегайте к средствам слепых. Прочтите заговор...

– Вы забываетесь!!!

Катины сведенные брови стали похожи на крылья.

Ноздри раздулись. Черные самовластные глаза изничтожили ту, что осмелилась переступить границы Катиных частных владений.

В общественной жизни Катя, бывало, использовала свою красоту как валюту (что, впрочем, случалось не часто). В жизни частной – высокомерно презирала свою слишком красивую внешность (а бывало, и ненавидела ее).

Комплименты вызвали у Кати тоску. Столь свойственное женщинам желание нравиться не заглядывало к Кате в гости. Катя и так нравилась всем. Точнее, не нравилась!

Она поражала!

И это всеобщее поражение, порождавшее понятный протест, бунт, партизанское движение и революции, обычно приносило красивой Кате одни беды, как в личной, так и в общественной жизни.

– Неужели, – презрительно спросила она, – я похожа на женщину, которая хочет кому-то понравиться?!

Катя поправила деловитый ворот-стойку полумужского, дорогого, престижного – вызывающе некрасивого костюма. Провела по зализанным назад волосам. До недавнего времени она носила короткую стрижку. Но волосы и ногти Киевицы обладали неконтролируемым свойством отрастать за пять-шесть часов. И с волосами Катя перестала бороться (ногти же стригла два раза в день – утром и вечером!)

– Вы похожи на чистокровную ведьму, – раболепно прошептала Василиса Премудрая, опуская глаза. – В XV веке вас сожгли бы за вашу красоту на костре. И были бы правы. Кра-

сота украинок известна на целый свет... Но чем объяснить такое скопление красивых женщин на одной территории? Ответ прост: у нас инквизиции не было. Ведьм сжигали на западе. И в России и в Украине к ведьмам всегда относились весьма толерантно. Иностранцы сами уничтожили свой генофонд, теперь ездят за женами к нам. Но вы, вы, Екатерина Михайловна...

Высокая, длиннобровая, изумительная Катя длинно вздохнула.

– Послушайте, раз красота – не доказательство, зачем о ней говорить? – усекла начатую в ее честь оду она. – И если вы пришли сюда для того, чтобы сказать, что я красива, как ведьма, вы зря потратили время.

– Если половина киевских ведьм за вас Трех, то лишь потому, что вы так красивы! – взволнованно возразила ей Василиса Андреевна. – Они видели вас на Купалу. Они верят в вас! В вас, Екатерина Михайловна. Я пришла к вам, чтобы сказать: Киевицей будете вы. Только вы. Одна вы. Я не могла сказать это вчера, в присутствии Дарьи Андреевны и моей студентки. Но вам следует знать это. И быть готовой к проблемам, которые непременно возникнут, когда Дарья Андреевна и Ковалева узнают...

– Что им не быть Киевицами? Почему вы так уверены в этом? – спросила Катя.

Уверения Васи ей не понравились – практически теми же самыми словами о ее избранничестве черт Кылыны когда-то заманил Катю в ловушку.

– Я верю в пророчество о Трех, – сказала Вася. – Но именно оно, увы, и ввело нас всех в заблуждение. Вас Трое... Хоть меня сразу смущало, что среди вас моя студентка. О, я слишком хорошо ее знаю! Ковалева инертна, пассивна, труслива, слаба. Она б не смогла стать даже достойным историком. Чтоб делать открытия и доказывать их, нужна смелость, азарт, способность бросить вызов... И вдруг – Киевица! Признаюсь, будучи в Башне, я подобрала ее волос. И провела ритуал с помощью кристалла Атран. Он показал: в ней нет ни капли... ни капли... Она слепая! Стоит мне обнародовать этот результат на Суде, никто боле не заикнется о Трех. Если одна из вас слепа, словно крот, не может быть речи ни о триумвирате, ни о пророчестве. Что же касается Дарьи Андреевны...

Но Дарья Андреевна Екатерину Михайловну не занимала нимало.

Катя испытывала к Маше странное чувство, близкое к любви.

В отличие от Даши и большей части проживающих в мире людей, Маша не раздражала ее (что, как вы поняли, случалось достаточно редко). Катя уважала Машу (что случалось еще реже), уважала за знания, за логику, за умение схватывать суть, охарактеризовать, сформулировать, и вполне органично принимала даже Машину скрупулезность, дотошность, вынуждавшую ту выправлять и одергивать Катю.

Катя и сама была скрупулезно дотошной, сама была логичной и умной. Катерина всегда подбирала характеры окружающих людей, как одежду, – чтобы не морщило и не тянуло, не злило и не муляло. И Маша, кем бы она ни стала впоследствии (и даже если б впоследствии она не стала б для Кати никем), была ее идеальной одеждой – по сути, она и была Катей, только вывернутой наизнанку...

Но главное, появление Маши вывернуло наизнанку и Катю.

И дело было даже не в том, что Маша, единственная во всем мире, считала Катю не сукой. А в том, что где-то очень глубоко часть Дображанской сучьей не была. И к этой-то части и апеллировала Маша, в упор не замечая всего остального... Она напоминала ей «идиота». Любимого героя безнадежно далекой Катиной юности, которому люди удивленно прощали правду.

И хотя Дображанская любила «идиота» тогда, когда, по ее убеждению, и сама была «идиоткой», не было ничего неестественного в том, что Катя сказала:

– Пошли вон! Да как вы посмели?! Вести расследование за нашей спиной... Привыкли считать ее душой, студенточкой, привыкли смотреть на нее сверху вниз и не можете смириться теперь, что Маша стала вашей начальницей. Так вот, заткните свои комплексы дальше, чем

видите. Маша – моя!!! Только посмейте сказать кому-нибудь про ваш жалкий кристалл! Только посмейте вякнуть что-то на вашем Суде! Я вас... – Рука Дображанской сжалась в кулак.

Васин торс рухнул вниз в пояском поклоне:

– Умоляю, Ясная Пани, простите! Вы – Киевица. Я сделаю все, как вы скажете. Но вы должны были знать...

– Вы правы, – смягчилась Катерина. – Я должна была знать. Хорошо, что вы сказали это именно мне. А в чем, собственно, заключается ваше пророчество о Трех?..

* * *

– Мама... – Маша выпустила Книгу из рук. Страх пополз по желудку холодной, щекотной струей. – Боже! Мы дуры! И Вася тоже... – Она поперхнулась накатившим отчаянием.

– Наша Вася? Василиса Премудрая? – отреагировал ее одноклассник.

Маша безнадежно заценила Весы. И резко сбросила со стола конспекты и шпоры.

– Ты тоже знаешь, кто я! – сказала она.

Он кивнул.

Он и так знал практически все. И она рассказала ему все остальное.

– ...у нас могут забрать нашу власть. Но это не важно. Я только теперь поняла, если Весы покачнулись так сильно, Город ждет что-то ужасное! Не нас троих – весь Киев. А мы, эгоистки, подумали о себе... Город может погибнуть!

– Тогда почему ты сидишь здесь и зубришь билеты? – задал резонный вопрос Мирослав.

– Потому что я не знаю, что делать, – честно сказала она. – Куда бежать, кого спасать? Что это «что-то»? Никаких зацепок!

– У вас масса фактов.

– И что мы имеем в итоге? – пасмурно сказала Маша. – Дочь Кылыны объявила нам войну. Красный огонь указал на Анну Голенко, убежденную, что Ахматова вывезла из Киева Лиру и потому у нас нет литературы. У меня нет ведьмацких корней. У Даши тоже – по маме. Она собиралась заехать к отцу. Катя обещала навестить своих родственников.

– Подожди. – Мир прошелся по комнате. Кошки отсутствовали. В Башне стояла тишина. – У вас есть не раскрытое дело Анны Ахматовой.

– Нет, – отказалась Маша от раскрытия дела повесившейся из-за Горенко Голенко. – Даша права. Неважно, нашла ли Ахматова Лиру. Важно, что проблема величия местной литературы – не та проблема, из-за которой нам продлят власть на год. Получается: спасти литературу бессмысленно. Остается спасти самих себя.

– А если Ахматова – чернокнижница, ведьма, колдунья? Если дело не в литературе?

– А в чем? Она ж соврала про Купалу. И про Чингисхана. Она все врала. Она родилась 23 июня!

– Как раз 23 июня Купалу отмечают веды. Ты не знала? – Мир тоже был историком. – Купала – праздник летнего солнцестояния. А к 7 июля солнце уже идет на убыль. Самый длинный день в году – 23-го. Отсюда и разночтения.

– И что из того? – уперлась Ковалева. – Мало ли в Киеве ведьм... Ахматова же не наша бабушка.

– А если она твоя бабушка? – высказал лихую мысль Красавицкий.

– Ахматова – моя бабушка? – Маша аж засмеялась от смелости его размышлизмов.

– А откуда ты знаешь? – Он сел к ее ногам. – Ну, не твоя – так Катина, Дашина! – (помяная их, Мир поморщился). – Не родная – двоюродная бабка, троюродная! У нее были братья и сестры?

– Не помню. – Ковалева поискала глазами торбу с журналом, прихваченным из квартиры на улице Анны Ахматовой.

Торба нашлась.

– А потом, она ж не из Киева. Ахматова жила здесь какое-то недолгое время. Она из Питера.

– Здравьете, приехали! – гоготнул Мирослав. – Она из Одессы. Одесситка, с Большого фонтана! У нас там дача, на 10-й станции. А Ахматова родилась на 13-й. Там и барельеф ее висит. Моя мать туда розочки носит, изображает интеллектуалку.

– На 13-й? – ум зацепился за «чертову дюжину». – Какой еще станции?

– Большого фонтана. «Фонтан черемухой покрылся... наш Костя, кажется, влюбился», – пропел Красавицкий немеркнувший хит про Костю-моряка.

– Ну, то Одесса... – открестилась Киевица. – А то Киев.

Журнал лежал в торбе в соседстве с конспектом Кылыны.

Маша уселась на ковер рядом с Миром и распахнула белый переплет «Ренессанса».

Мать Анны Андреевны, Инна Эразмовна, была дочерью Эразма Ивановича Стогова, который служил в канцелярии киевского генерал-губернатора Д. Г. Бибикова и содействовал благоустройству города,

– преподнес ей новость журнал.

– Вот те раз, – сказала она.

– Так все-таки частично из Киева! По маме! – развеселился Красавицкий. – Эх, Маша, Маша, зря ты у нас в институте отличница!

– Я просто поэзию не очень люблю, – повинилась та. – Я все помню. Ахматова жила на улице Меринговской, 7, потом на Тарасовской, 23/25. Еще помню, что «Киев не оказал на ее творчество никакого влияния», – процитировала студентка продиктованный педагогом конспект.

– А братья и сестры у ней имеются? – поторопил Красавицкий.

– «...в Киеве, – погрузилась Маша в статью, – Анна впервые побывала в пятилетнем возрасте. Всю зиму 1894 – 1895 года семья Горенко прожила в гостинице «над Бессарабским рынком».

– Рядом с Бессарабкой стояла гостиница «Националь», – толковал запись ее одногруппник – Там, где сейчас кинотеатр «Орбита».

– «...за эти месяцы, проведенные в Киеве, в их семье произошло несколько событий: здесь родилась младшая сестра Ия».

– То есть ее родная сестра – киевлянка! Прошу занести это в протокол, на случай, если она твоя бабушка, – обрадовался Мирослав.

– «Ия была самой красивой в семье».

– Она точно твоя бабушка! – проскандировал он.

– Нет, – сказала Маша, пропустив еще пару строк. – Ия не могла быть моей бабушкой. Она умерла бездетной в 1922 году, на Украине, от туберкулеза и голода. А в 1914 Ахматова предсказала ее смерть в стихотворении «Моей сестре». В 1910 году она предсказала смерть своего мужа Гумилева. Она посвятила ему стихи «Пришли и сказали: умер твой брат».

– Вот видишь?

– Что я должна видеть?

Маша Ковалева видела текст, отпечатанный на дешевой бумаге.

Историю, подаренную повесившейся поэтессе журналом, который вполне мог быть осужден как соучастник по статье «доведение до самоубийства».

В Царский сад с его пышными клумбами водила бонна детей семьи Горенко.

В верхней части парка, как написала в своих записках Анна Ахматова, с ней произошло другое событие, которое можно считать судьбоносным: она нашла булавку в виде лиры, и бонна сказала ей:

«Это значит, ты будешь поэтом».

– вот и все.

Милая история – вполне пригодная для первой звонкой строки звездной биографии первой поэтессы России, прямой «наследницы» Чингисхана.

Вот только притягивает глаза, как магнит.

Оторвав взгляд от строки, Маша испытала дивное чувство, словно только что разлюбила – сожаления и пустоты.

Ей отчаянно захотелось туда – «в Царский сад с его пышными клумбами».

Нет, права Вероника – слова завораживают, – литература и ведовство мазаны одним миром.

– Привет, киса, – другой Мир – Красавицкий повстречался взглядом с белой кошкой.

Вернувшись из путешествия по карнизам Белладонна вывернула из-за балконной двери. Вслед за ней объявилась и Пуфик. Сделав пару шагов, кошка повалилась мешком на паркет, вытянула лапы и умиротворенно зажмурилась.

– *Merde voyage*⁶, – прокартавила она.

– Ладно, допустим, – недовольно сказала Маша. – Допустим, все поэтессы – латентные ведьмы. Писатели – латентные колдуны. Гадуницы и чароплеты. Они предсказывают будущее и зачаровывают нас словами. Допустим, Ахматова родилась на Украине, а ее сестра – в Киеве. Допустим, что в порядке исключения Ахматова не соврала. Но даже если она правда нашла в Киеве Лиру, что нам это дает? Скорее всего Киев просто подал ей знак, направил на путь, как направлял в свое время и нас. Лира-знак – логично. Лира-талисман – ерунда. Лира – это не наша символика.

– Ага, наша – это трезубец, – поддел Красавицкий.

Он выудил из чемодана красный платок, исколотый значками.

В числе прочих эмблем знаменательных киевских событий и дат была там и стандартная лира – крохотная, голубая, с кустарной надписью «Киев. Фестиваль поэзии-85».

– Когда-то, – сказал однокурсник, разглядывая «поэзию», – я увлекался символикой. Не помню, что значит лира. Но помню, что не только поэзию....

– Семиструнная лира, – подала мурчащий глас Белладонна, – олицетворяет числовую гармонию, лежащую в основе вселенной. Четырехструнная олицетворяет огонь, воздух, воду и землю. Четыре стихии, с помощью которых ведьмы и колдуны...

– Ведьмы! – крикнул Мир. – Ведьмы!

Маша вынула значок из рук Красавицкого (чересчур довольного своим выкриком).

Взглянула на Белладонну. На Весы. Потом на часы.

До послезавтра оставалось 36 часов 15 минут!

– Возможно, – несчастно сказала она. – А возможно, мы занимаемся сейчас ерундой, в то время как Городу угрожает опасность.

– Стоп, – прикрикнул на нее Мирослав. – Не смей впадать в отчаяние. Ты выбита из колеи. Ты ждешь ребенка. Тебя прогнали из дома. Тебя пугают судом. Тебе трудно сосредоточиться. Но ты должна забыть про все это и помнить о главном... Почему покосились ваши весы?

– Потому, что Город в опасности, – сказала Киевица.

– Кто зажег вам на небе красный огонь?

– Наш Город. Киев.

⁶ *Merde* – фр. дрянь, дерьмо, *voyage* – фр. путешествие.

– Он в опасности, он просит о помощи. И он же подал вам знак, как ему помочь. Ты можешь сомневаться в себе, во мне, в своих подругах-стервах. Но как ты можешь сомневаться в Нем? Город сам направляет тебя...

Он говорил почти то же самое, что сказала бы Маша, будь ее напарником не Мир Красицкий, а Даша Чуб.

Он почти повторил Машину фразу: «Если бы в этой истории не было ничего мистического, нас бы туда не позвали!»

Но, услышав ее, Маша вероломно перебежала на Дашину сторону:

– А вдруг мы промахнулись? Вдруг мы вообще помогли не тому, кому нужно? То есть помогли поэтессе, а кому надо не помогли. Влетели не в то окно. Она ж вешалась! В этом действительно нет колдовства!

– Если колдовство не видно глазу, это не означает, что его нет, – наставительно произнесла Белладонна.

– Слушай, а ты случайно не знаешь, – повернулась к ней Киевица, – родиться на солнцестояние, на 13-й станции – это хоть что-нибудь значит?

– На свете нет ничего, что не значило бы совсем ничего, – дала белая кошка достойный Будды ответ. – Что же касается Анны Андреевны Ахматовой, сами по себе три буквы «А», выставленные в ряд...

– А-а-а! – изрыгнула три буквы Маша, взлетая с пола. – Где она? Где эта тетрадка?!

Конспект Кылыны отыскался под боком у Пуфик.

– Мау-тон⁷, – мяукнула рыжая.

Маша выдернула из-под пушистого пуза тетрадь «с математикой». И ощутила, что ухватила разгадку за хвост.

– «AAA не прольет». Анна Андреевна Ахматова! Боже... Акнир украла у нас дореволюционные деньги. А вдруг она хочет пойти в Прошлое не из-за мамы? Или Кылына ходила туда из-за Анны Ахматовой? Вдруг «К» – это все-таки Катя... А вдруг... вдруг...

– Ну, так иди и пл-оверь, – мяукнула Пуфик – Прошлое покажет.

И принялась играть привязанным к тетради Кылыны ключом.

⁷ Мау-тон – *фр.* mauvais ton (мовэ тон) – дурной тон, невоспитанность.

Глава пятая, в которой Мир ведет себя, как герой

Весной 1892 «побежал» стремительным Александровским (ныне Владимирским) спуском второй в Европе и первый в России электрический трамвай.

Александр Анисимов. «Скорбное бесчувствие»

Пойти в Прошлое! – от этого предложения у Маши перехватило дух.

Маша уже была в Прошлом.

Именно там она встретила Мишу и полюбила его (и разлюбила Мира навсегда).

Именно там она навсегда потеряла Врубеля, – там он женился (не на ней) и умер сто лет назад...

Но зимой 1894 – 1895, когда семья Горенко проживала в гостинице «Националь» над Бессарабским рынком, Миша Врубель был еще жив! И, быть может, заезжал в Киев в это самое время.

И еще...

Маша любила Прошлое.

Не меньше, чем Мишу!

Эта любовь, непреодолимая, врожденная, и поманила ее на исторический факультет.

Маша фанатично любила историю и не раз убеждалась: история – та же философия (достаточно уметь не только читать, но и думать!).

Маша любила старые вещи...

Не только старинные, но и просто старые. Допотопный, с проржавевшими замками, коричневый чемодан из фанеры, проживавший в ее платяном шкафу. Блеклую фотографию бабушки в смешном купальнике, стоявшей по колено в море, перечеркнутом оптимистичным «Приветом из Сочи!». Поцарапанную круглую жестяную коробку от леденцов «Монпансье», в которой ее отец хранил шурупы и гайки. Но чем старше были вещи – тем сильнее любила их Маша...

Маша любила Время.

Невозвратимое прошедшее время, оставшееся с ней только в лице старых вещей. Время, которое можно было рассмотреть и потрогать: отколовшее куски золоченых багетов, обрамлявших растрескавшиеся картины в музее; стершее ступени царских домов; истончившее бумагу, исписанную тонконогими словами с ижицами – то, что другие сочли бы дефектом и браком... Маша и любила больше всего! Трещины, худобу посеревшего мрамора, щербины и патину.

Они украшали дома и вещи, как шрамы украшают мужчину.

Они свидетельствовали о минувших боях, баррикадах, любовях, страстях, зимах и летах.

Шрамы, нанесенные рукою Великого времени, были не менее ценны для нее, чем вещи, созданные руками великих. Эти шрамы говорили: «Мы прошли сквозь историю! Мы были там... Там были только мы!»

И, замороженная, Маша слушала рассказы древних щеколд. Золотых лорнеток, покоящихся в музейных витринах. Ступенек, стертых до арматуры. Блуждая по Городу, она наклонялась, чтобы потрогать угасший мрамор рукой, и вслушивалась в него, шепчущего ей о недоступной Прекрасной Стране.

Так мальчик, мечтающий о путешествиях, внимает рассказам о далекой, загадочной Африке! Так модница жадно читает о недоступной ей Высокой моде Парижа.

Но Маша не любила моду, не хотела в Париж. Ее влекла иная страна, существующая только на старых картах – 1800, 1902, 1913 годов. Страна, о загадках и модах которой рассказывали ей боевые шрамы старых вещей.

Потому-то с дивным для нее высокомерным презрением Маша морщилась на вещи, поддельвающиеся под старину – они мнились ей самозванцами, лгунами, сидящими в трактирах с бутылкой вина, рассказывая об Африке, в которой никогда не бывали...

Однако, побывав собственной рыжей персоной в стране Прекрасного Прошлого, Маша сложила свою любовь воедино и приравнила к умопомрачительно простому ответу:

«Я хотела жить там. Я всегда хотела жить там. Не здесь...»

Оттого, стоило рыжей Изиде мякнуть про новый вояж в ХГХ век, Маша мгновенно забыла про суды и экзамены, свое интересное положение и крайне неблагоприятное положение вещей – в общем и целом.

– Но, – постаралась вернуть себя в реальность она, – я не могу. У нас и так мало времени.

И вдруг вспомнила о казавшейся раньше неважной особенности путешествий в минувшее.

Оно не займет много времени.

Точнее – не займет никакого времени!

Можно уйти в Прошлое в 12.00 текущего дня и прожить там хоть сутки (Хоть год! Хоть двадцать пять лет!) – ты все равно вернешься обратно ровно в 12.00. Максимум в 12.15.

– Нужно будет засечь... – сказала Маша под нос. – Пуфик, ты – гениальная кошка! В любом случае, если я буду сидеть тут и думать, это займет куда больше времени. Короче, даже если мне нужно просто посидеть и подумать, логичней идти и думать туда... Там я могу думать сколько угодно! Время ж все равно останавливается!

Гениальная кошка лениво понюхала прозвучавший в ее честь комплимент и, сочтя его несъедобным, завалилась спать на Машины фото.

Маша метнулась к Кылыниному тайнику, рванула шкаф-дверцу.

– Так... – Ее щеки окатило румянцем. – Что у нас носили в 1894? Турнюры уже вышли из моды. Модерн позже... Нужна шубка и шапочка... – (Прошлый раз Маша оказалась в Прошлом осенней зимой 1884 года, в одном платье и шелковых туфельках – и грела ее только любовь!). – Прекрасно!

Скрупулезность «Девы»-Кылыны не в первый раз сослужила им добрую службу – вся одежда была помечена бирками с указанием сезона и года.

– Маша, я что-то не понял. – Мир удивленно изучил внезапную Машу – возбужденно-счастливую, нетерпеливо подпрыгивающую. – Ты куда собираешься? На карнавал? – воззрился он на содержимое шкафа.

– Тут есть и мужские вещи.

К полосатому «пиджаку Остапа Бендера» прижималось мужское пальто с бобровым воротником.

– Мир, иди сюда. Подпрыгни! – потребовала Ковалева. – Там на антресолях, в шляпных картонках, наверняка есть цилиндр. Ага, вот шуба! А ботики? – Согнувшись, она полезла под вешалку, но вернулась с половины пути. – Ой! Ключ! Нужен ключ от гостиницы «Националь».

– Первый ряд. Двадцать седьмой крюк сверху. – Белладонна, вылизывающая языком свою белую шкурку, оторвалась от сего благородного дела. – Замок от него – в третьем ящике снизу. Дом гостиницы «Националь» сгорел в 41-м.

– Мир, беги в коридор, – послала Красавицкого Маша. – Там шкаф, в нем много ключей.

Влюбленный и недоуменный, Мир послушно направился в указанном ему направлении и нашел шкаф с ведьмацкими метлами, шкаф с колдовскими банками-склянками и третий – от пола до четырехметрового потолка, заполненный тысячу тысяч ключей, висевших на тысяче тысяч крючков.

– Первый ряд, двадцать седьмой сверху, – закатив глаза, он начал считать. – Раз, два, три...

На двадцать седьмом ключе висел картонный брелок:

«Grand-Hotel National»

– Боже! Но этого не может быть.

– Тише, тише... – шикнула Маша. – Я ж тебя предупредила!

Но предупредительность спутницы не могла упредить здоровой реакции на невозможное.

Прибыв на такси к крещатицкому кинотеатру «Орбита», Маша (разряженная, вопреки лету и летам, в шубку с маленькой муфтой и круглую шапочку) подошла к относительно новой двери, вытащила из ридикюля большой ржавый замок, вставила в него дряхлый ключ, повернула, взглянула на часы, прошептала две фразы:

«Именем Отца моего велю: дай то, что мне должно знать – Анекдот!»

– вошла.

И последовавший за ней кавалер очутился в отделанном красным деревом, сверкающем бронзовыми лампами вестибюле дореволюционной гостиницы «National».

Машины глаза затащивали по залу и сразу отыскивали то (тех), кого ей должно познать. Бонна в темном плаще и непримечательной шляпке вела к двери двух маленьких девочек.

«Кто из них Анна?..»

Заезжая вонпе исчезла за дверью.

Мир стоял столбом и смотрел бараном.

– Идем, идем, надевай скорее пальто... Там зима. Я же тебе говорила, – нетерпеливо пришпорила его Киевица.

– Какое пальто? – Во имя любви Мир с честью продефилировал по Крещатику XXI века в классическом сюртуке. Но надеть цилиндр конца XIX и пальто в начале июля он отказался наотрез.

– Пальто у тебя в руках!

Мир взглянул на свою руку с перекинутым через нее пальто. Тряхнул сложенным в «блин» цилиндром.

– Я думал, – оторопело сказал он, – после того, что со мною случилось, меня уже ничем нельзя удивить.

– После чего? – бурчливо спросила Маша, подталкивая кавалера к двери.

– После того, как я полюбил тебя.

– А-а-а...

Спускаясь по лестнице со второго гостиничного этажа, Маша прикрыла веки и старательно прочитала второе заклятье.

Войти в дом, внутри али на месте которого во веки веков жило его дореволюционное Прошрое, было половиною дела.

Теперь следовало выйти из него в прошлый век.

И кабы Маша знала о втором заклятии раньше, ее жизнь сложилась бы по-другому.

Но что теперь вспоминать...

– Идем.

Мир взял себя в руки и все же успел открыть дверь перед дамой.

За дверями был XIX век!

Зима 1894....

...или 1895 года.

Белый-пребелый день.

Пахло Рождеством. Старорежимным, золото-серебряным. Маша сразу учуяла запах. Новый год, слывший до революции праздником детским, не предвосхищавший, а вежливо следовавший за днем рожденья Христа, был где-то рядом, в двух-трех шагах.

На Крещатике правили бал сладкие Святки!

Две недели зимних празднеств, – время, когда начальство объявляло неприсутственные дни, и все, даже недремлющие полицейские, погружались в праздничное безделье.

С 25 декабря по 6 января – от Рождества до Крещения – законопослушность киевлян изумляла. Полицейские участки были пусты. На улицах не было ни пьяных, ни даже бродяг. Отмечая день рожденья Христа, умиленная Столица Веры открывала нищим объятия. Их при-вечали, согревали, устраивали им бесплатные обеды, раздавали одежду и деньги.

«Святки... – попробовала Маша на вкус старорежимное слово. – Сейчас никто и не знает, что это такое».

Белый день цвел яркими пятнами – люди несли в руках коробки с подарками, игрушки от Кордеса. Маша прилипла глазами к прошествовавшей мимо паре, несомненно семейной. Погладила взглядом большой, спеленатый в серую бумагу пакет, – судя по форме, традиционную лошадку-качалку – ее нес отец. Мать семейства, румяная, толстая, в меховой шапочке, прижимала к груди бонбоньерку с «конспектами».

– И это Крещатик? – настиг Машу вопрос.

Она забыла о спутнике.

Но, обнаружив Мира рядом с собой, увидела – даже он, влюбленный, забыл о ней, повстречавшись с ее Киевом, Киевом, Киевом!

– Да, это Крещатик, – представила главную улицу Маша, чувствуя, что ее безудержно улыбающиеся щеки вот-вот треснут от радости.

Мир смотрел на дома, оставленные им в XXI веке минут пять назад.

Шесть зданий, поместившиеся между бывшим Бибиковским бульваром и бывшей Фундуклеевской улицей, были единственными старыми домами Крещатика нынешнего.

И единственными знакомцами, встреченными им здесь – в 1894 или -5 году.

Но и их было невозможно узнать!

№ 42, где, на углу Крещатика и Богдана Хмельницкого, проживал центральный гастроном, только строился.

№ 44 был неподобающе мал. Видно, впоследствии его перестраивали не раз.

№ 46 был неподобающе нов.

За углом № 52 поднимался вверх Бибиковский – непривычно низкорослый, голый, пустой.

Машин спутник затравленно обернулся. С минуту, не веря, смотрел на немислимо незнакомое пространство, где испокон веков (во всяком случае, так казалось ему) стоял огромный квадратный Бессарабский рынок.

Рынок был.

Но совершенно не тот. Маленькие, грязноватые будочки, лоточки-«рундуки», лавка с вывеской «Центовая торговля».

– Невероятно! – громко прошептал Красавицкий. – Бессарабская площадь без Бессарабки!

– Она и не Бессарабская, она – Богдана Хмельницкого, – сказала Маша.

– А та, что была у нас Богдана Хмельницкого?

– Софиевская, как и сейчас.

Великий Город явно невзлюбил Богдана. Киев пинал его имя, как мяч. Легко забыл его ради звучного словца «Бессарабка», рядом с которой, между шинками и грязноватыми магазинчиками, «отцы города» планировали поставить памятник «великому сыну».

Девять лет Город не мог наскрести денег на сей монумент...

Пять лет бронзовый Богдан вместе с коротконогим конем пролежал во дворе дома При-
сутственных мест – Киев не мог найти камень на его постамент...

Впрочем, Маша и сама не особенно любила Богдана – властителем ее души был Сереб-
ряный век.

И этот зарождающийся век был перед ней.

– Ладно, – с сожалением сказала она. – Некогда зевать. Мы уже упустили Анну и бонну.

Лови Петуха.

– Какого петуха мне ловить? – не понял Мир.

– Извозчика, – пояснила Маша, – так их называли в Киеве – Петухами.

– Они что, все были пидорами?

– Не смей обижать мой Киев! – полыхнула глазами она.

Мое время. Мой Кевъ, Kieff, Kiew, Kiev... Мой ГОРОД!

Мир понял ее.

– Прости, – сказал он тихо. – Куда едем? – деловито.

– В Царский сад. Я прочла заклинание: увидеть то, что нам нужно узнать. Анекдот.

– Там будет что-то смешное?

– Анекдот, – торопливо осведомила его Ковалева, – только в наше время обозначает что-
то смешное. А раньше это слово обозначало любопытную историю. Значит, скорее всего, мы
увидим, как Анна нашла свою Лиру. Если она ее, конечно, нашла. Ну же, лови! На санях мы
примчимся раньше и их перехватим!

* * *

Столбы и фасады домов украшали праздничные гирлянды. По традиции огромная город-
ская елка стояла у здания Думы на бывшей Крещатицкой, ныне Думской, в будущем Незави-
симости площади.

Только сейчас эта елка была не новогодней – рождественской.

Елку ставили на Рождество – 24-го, в Сочельник, Навечерье Христова.

И, кутаясь в пахнувший лошадиным потом и табаком ковер из саней Петуха, Маша
страстно всматривалась в этот – новый – Крещатик.

– Похоже на деревню, – шепнул Мир.

– Неправда. Наоборот.

На взгляд Маши, с их последней встречи в 1884 году Крещатик подрос, превратившись
из нескладного юноши в преуспевающего молодого человека, – вымахал в три этажа, обзавелся
манерами: новыми витринами, кофейнями, фотоателье, канализацией и электричеством.

Посреди проезжей части выстроились в ряд четырнадцать дуговых фонарей.

Место, которое меньше ста лет тому представляло собой абсолютную пустоту, прозван-
ную киевлянами «Козьим болотом» – глубокую долину между Верхним Печерском и стоящем
на противоположной горе Киевским акрополем, – уже превращалось в «наш Невский про-
спект». В улицу 150 магазинов, уместившихся на 1200 метрах едва ли не самой маленькой в
мире главной улицы Города.

– А знаешь, – обернулась Маша к Миру, – в 1886 некий полковник Фабрициус предложил
расширить Крещатик до Днепра, снеся гору Царского сада! Хорошо, что его не послушали.

Переживший первый приступ «строительной горячки» Крещатик впал в новую лихо-
радку – торговую. Вся торговля с Подола и Печерска переселилась сюда. Тут можно было
купить все – от гвоздей и булавок до обручальных колец от Маршака, технических новинок и
концертных роялей. Большие и маленькие, теснившие и вытеснявшие друг дружку магазины
и магазинчики оккупировали первые этажи всех домов...

Включая первый этаж Киевского дворянского собрания, где обитал сам предводитель дворянства и проводила досуг местная аристократия.

Включая первый этаж пристроившегося рядом с «дворянами» здания Городской думы, из-за которой Крещатицкая-Думская площадь перестала быть площадью, сравнявшись с одноименной улицей.

Включая первый этаж еще незнакомого Маше – (знакомого лишь по фото) – построенного в 1886 ренессансного дворца Киевской биржи, поместившегося рядом со слишком знакомым ей кафе Семадени, где она ела мороженое с Мишей Врубелем, где он сделал ей предложение, где она не успела сказать ему «да»...

«Не нужно об этом думать.
Конец 94-го. Или самое начало 95 года.
Декабрь или январь».

Маша улыбнулась.

В 1894 году за спиной подковообразной Думы на площади гастролировал цирк «отменно дрессированных человеческих блох». По версии «Киевлянина», дамские блохи танцевали там парой кадрили, а мужские – мастерски фехтовали.

А еще в 1894 году в районе Крещатицкой площади построили электростанцию. А в присоседившемся к Думе слева трехэтажном «Гранд-отеле» вот-вот запустят третий по счету в Киеве лифт.

И аккурат в декабре 1894 года наследники профессора Меринга (чье поместье занимало нынче целую гору от Крещатика до верхушки Печерска) обратились к городскому управлению с проектом – организовать на их территории четыре новые улицы. Ольгинскую. Новую. Николаевскую – в честь Николая II. И Меринговскую – в честь своего отца⁸.

...ту самую Меринговскую, где десятилетье спустя в доме № 7 будет жить Анна Ахматова.

А в 1895 участок возле Дворянского собрания арендовали, чтобы построить еще один трехэтажный дом, – этот дом занял последний оставшийся свободным кусочек когдатошней «абсолютной пустоты».

С тех пор Крещатик изменялся только за счет отвергаемых им древних построек.

– Ты представляешь, – взбудораженно заговорила историчка, – всего через десять лет улица снова изменится. Она будет совершенно другой – европейской! И ты снова ее не узнаешь. Вот тот домик, – повернулась она, чтобы показать оставшийся за их спиной каменный дворец с колоннами в классическом стиле, проживавший на месте нынешнего Главпочтамта, – это почтовая контора! Его снесут. А он сорок лет был единственным каменным домом Крещатика! А там, – развернулась она к противоположной стороне, – через три года построят «Киевский Париж» – Николаевскую улицу, цирк, театр Соловцова, дом Гинсбурга – самый высокий во всей России!

– И это можно будет увидеть? – зачарованно спросил Красавицкий.

Он смотрел на убегающее от них здание Думы, увенчанное четырехугольной башней с круглыми часами, с золотым Архангелом Михаилом на тонком шпиле.

Архангел слетит со шпиля в 19-м году.

Дума будет разрушена в 1941. И ее левый сосед – № 22, «Гранд-отель», сгорит в 41-м. И правый сосед – № 18, Дворянское собрание... И «Grand-Hotel National» – тоже сгорит. И биржа, декорированная редким коростышевским гранитом, – сойдет в 41-м...

Все сгорит. Все канет в Лету.

И от этого, и от того, что еще будет построен – европейского Крещатика, – останется только шесть старых домов.

⁸ Николаевская ул. – сейчас ул. Городецкого, Меринговская ул. – сейчас ул. Заньковецкой.

– Я покажу тебе! – клятвенно пообещала Маша. Она тряхнула головой, стараясь усмирить безалаберный энтузиазм – проводить экскурсии для однокурсника не входило в ее планы. «Но время же все равно стоит!»

– Я покажу тебе Крещатик Булгакова! Знал бы ты, как я сама мечтаю увидеть его.

Булгаков...

В декабре 1894 или январе 1895 года Булгаков еще не написал ничего. Не научился писать.

Ему три года.

Но он уже родился... ОН ЕСТЬ!

И в его доме горит лампа с зеленым абажуром и, как «всегда в конце декабря», пахнет хвоей...

Маша быстро коснулась груди, где под шубкой висел на шнурке ключ от дома № 13 на Андреевском спуске.

Сани свистом проскользнули Царскую площадь.

Проехали мимо низенького особнячка с колоннами (уже выкупленного в 1894 году известным российским певцом Славянским, уже предназначенного им на снос)...

«Как жалко», – искренне посочувствовала особнячку Маша.

...обогнули заколоченный на зиму фонтан «Иван», беседку с деревянно-резным кружевом крыши и притормозили у прилегающей к Царскому саду «железной» часовни, установленной в память о чудесном спасении царя Александра II, в честь которого Европейская площадь и получила в 1866 титул – Царской.

* * *

Машин нехитрый план вполне себя оправдал. Им даже пришлось подождать, пока уже знакомая вонпе подвела двух пеших девочек к невзрачному входу.

Когда-то Царский сад был велик и огромен и занимал две горы над Днепром.

Первый сад был устроен здесь царем Петром Алексеевичем, вознамерившимся завести в Киеве-граде плантации виноградников, плодовых и тутовых деревьев для производства шелка.

Позже дочь Петрова, не унаследовавшая хозяйственной жилки отца, приказала разбить на месте экономического – сад во французском стиле. На верхней площадке первым архитектором империи Бартоломео Растрелли был построен царский дворец. При генерал-губернаторе Милорадовиче там устраивали балы и редуты. Играли оркестры, в палатах подавали шампанское, в небе сверкал фейерверк, и ночные гуляния продолжались до утра.

Затем дворцовую часть парка оградил от горожан. И дворец, пустующий в ожиданье августейших особ, и примкнувший к нему парк стали похожи на колдовское царство спящей красавицы.

Середина Царского сделалась отдельным – коммерческим садом Шато-де-Флер.

С другой стороны сладкий кусочек Царского откусил еще один платный – Купеческий – сад (за вход в него спрашивали аж 50 копеек!).

А оставшийся в распоряжении киевлян запущенный бесплатный участок именовался Царским садом лишь по привычке. Его глубины больше походили на лес, а террасу над Днепром горожане почитали проклятым местом. О ней ходили мрачные легенды.

«В Царский сад с его пышными клумбами...» – задрожала строка.

«О чем думал автор статьи?» – хмыкнула Маша.

Зимой 1894 – 1895, которую семья Горенко провела в Киеве, здесь, конечно же, не было никаких клумб.

Не было их и летом...

И как раз в 1894 году геолог Тутковский описывал глубину бесплатного сада словами, какими живописуют обычно Лысые Горы:

«Терраса эта имеет очень дикий и неприветливый вид; она вся покрыта бесформенными буграми, между которыми приютились кое-где невысыхающие топкие болотца...»

Причем темнота сих садовых легенд оказалась более живучей, чем царская и воспевавшая советская власть – как бы не именовали сад – Царским, Пролетарским, Первомайским иль Мариинским, – от века и по сей день террасу с «Зеленым театром» киевляне считали шестой, неофициальной Лысой Горой.

Но Миша Булгаков любил этот сад!

И описывал его иначе.

И нынче, по случаю Святка, в нижней, обжитой, части Царского сада народа было много. И там и тут крутились торговцы с копеечной снедью, тетки с горячими пирожками, сбитенщики с напитками «для сугреву».

Оживленная, праздничная – гуляющая публика казалась списанной с рождественской открытки.

Маша положила глаза на красивую даму – дама казалась кукольной, до того была хороша! Белая шубка, белая муфточка, украшенная «бахромой» из помпончиков. К ее меховой, выгнутой полумесяцем шапочке был приколот букет искусственных ландышей.

«Хватит глазеть. Ты пришла ради Анны!» – одернула Киевица Машу-историка.

Две уже порядком замерзшие девочки уныло брели по зимней дорожке.

Старшая и младшая.

«Кто из них Анна Ахматова?»

Маша и Мир шли следом, – кавалер галантно нес пальцы спутницы в локте своей руки.

Впереди плыли два одинаковых капора – они не видели лиц. Маша невольно отметила великолепную осанку старшей – в свои пять-шесть лет барышня честно держала спину.

«В Киеве Анна впервые побывала в пятилетнем...»

«Старшая – Анна!»

– Ой, – вскрикнула старшая. – Брошка.

Присев на корточки, она поковырялась в снегу. Выпрямилась, рассматривая находку.

На ветвь черного дерева сел черный ворон.

– Это Лира, – объяснила воспитаннице подоспевшая бонна. – Возможно, Анна, вы станете поэтом.

– Поэтом?

Машины глаза забеспокоились – точно в такого ворона превращался, при надобности, бывший обертихой женского пола Киевский Демон!

Но и без Демона «точно таких» ворон в Киеве водилось в избытке.

– Поэты пишут стихи, – сказала бонна.

– А-а-а. – Девочка смотрела на свою, не видимую для Маши ладонь. – Красивая.

Ворон каркнул.

– Покажи, покажи, – подбежала младшая сестра. – Дай мне! Дай! Дай!

Анна быстро сжала руку в кулак. И вскрикнула. Брошь уколола ее.

– Дай мне! – малышка старалась разомкнуть кулак старшей сестры.

– Держите себя прилично, Рика, – приструнила ее бонна.

– Нет, – раскапризничалась младшая. – Пусть даст мне! Дай! Дай! Дай!

– Анна, отдайте мне Лиру, – приняла соломоново решение наставница. – Так будет лучше.

– Нет! – Серый капор резко мотнул головой. – Она – моя!

– Отдайте, – проявила строгость наставница.

– Нет.

– Я вам приказываю!

– Нет!

Анна побежала.

– Дай! – Рика помчалась за ней.

– Вернитесь немедленно!

Анна свернула с дорожки.

Младшая сестра последовала примеру старшей.

Старшая оступилась, упала на снег... И исчезла из виду.

– Анна! Рика, нет!!! – Бонна бежала к обрыву.

Маша вцепилась в руку напарника.

Но сразу же оттолкнула ее, подобрала длинную юбку – ее ботинки спешили, утопали в снегу.

– Я с тобой, – присев, передвигаясь смешными шажками, малышка силилась спуститься с горы.

Не удержалась...

– О! Нет! – Бонна не успела ее подхватить.

– Нет! – крикнула Маша. Рика катилась с обрыва вниз.

Анна была уже в самом низу – и там, где она была, примыкая к и без того опасному, почти отвесному склону, стояла загородка с медведем.

– Зверинец! – Бонна прижала руки к груди.

– Зоопарк. Мир, там зоопарк! – заорала Маша, позабыв все приличествующие XIX веку слова.

Позабыв, что в XXI веке в шкафу круглой Башни стоит книга «Анна Ахматова. Избранное», – прямое доказательство, что Анечка Горенко никак не умрет пятилетней, спасется, подрастет и таки станет поэтом!

Рика с криком слетела с горы.

Снизу ахнуло – посетители зверинца прильнули к решетке.

Медведь, громадный и бурый, встал, направился к девочкам.

– О боже. О боже. О боже! – истошно закричал женский голос. – Сделайте же что-нибудь!

Кто-нибудь...

Сверху голос казался глухим.

Анна, казавшаяся сверху невыносимо крохотной (безнадежно-беззащитной), пыталась вскарабкаться обратно.

Бессмысленно! Если бы по стенообразной горе можно было подняться наверх, медведь давно бы сбежал из вольера.

Зверь шел к Анне.

Она встала на четвереньки. Пальтишко задралось. Маша увидела бурые чулки на подвязках, подумала неважное: «Как ей не холодно?»

Ей не могло быть холодно. Ей было страшно!

– Сделайте... кто-нибудь! Он же ее!.. – не унимался женский глас за решеткой.

Взобравшись на небольшой бугорок, Анна вжалась в земляную, покрытую наледью стену.

Медведь прыгнул.

Анна закрыла глаза.

– А-а-а-а! – донеслось.

Но зверь вдруг недоуменно замотал головой. Постоял и пошел прочь.

К маленькой Рике.

Теперь он шел иначе – медленно, точно в его приближении, во взгляде его исподлобья, в каждом косолапом шаге каждой из четырех его лап был некий церемониальный и тайный смысл.

Прилипшие к звериной решетке кавалеры в картузах, котелках и форменных шапках, дамы в шляпках и платках застыли, – неясное, ставшее неотвратимым, прорисовалось в очертаньях горы, в белоснежности снега, крошащегося с небес равнодушною манкой, в протяжном и кричающем крике черного ворона.

– Нет! Нет! Нет! – скомкал тишину Машин страх.

Неизвестный храбрец в штанах с лампасами вскарабкался на решетку.

Но его героичный поступок выявился запоздалым.

Кто-то высокий, в темном пальто уже спрыгнул с горы, подхватил на руки двухлетнюю Рику.

– Пшел вон! – бесстрашно и грозно громынул он на медведя.

Косолапый зарычал, ощерив желтую пасть. Ударил лапой.

Но Мир – а это был именно он – увернулся от удара так быстро, что Маша только заморгала глазами.

– Беги ко мне! – Мир вильнул к Анне.

Та не заставила себя ждать – она мчалась к спасителю. Тот ухватил ее на ходу, рванул к ограждению. Сидевший на заборе несостоявшийся герой в штанах с лампасами принял спасенных девочек Горенко.

Мир феерично перемахнул забор.

И был встречен громогласными аплодисментами.

* * *

– Мир, ты – герой! Настоящий герой!

– Оставь. Их все равно бы спасли. Ты читала в статье: у Ахматовой умерла сестра Ия. А эта – Рика. Просто ты так испугалась, и я подумал: лучше вытащить их, чтоб ты не страдала.

– Мир, ты такой молодец! Ты не побоялся!

– Мне нечего бояться, – сказал он. – Кроме одного, что однажды ты прогонишь меня.

– Я тебя никогда не прогоню!

– Обещаешь?

Он спросил это так серьезно, что у Ковалевой засосало под ложечкой.

Его «обещаешь?» было тяжелым, как скрижаль, на которой издал свои первые законы Господь.

И Маша спешно прикусила восторженный язык.

– Обещаешь? – с настойчивостью повторил Красавицкий.

«Что сказать?» – заныло испуганно.

Сказать «Нет» после «я тебя никогда» было нелогично и подло.

Сказав «Да», она даст вечный обет: жить с Миром – не в любви, так в радости и в горе... До смерти!

Но Ковалева не собиралась вступать в платонический брак на Царской площади образца 1894 или -5 года.

– Что ты молчишь?

«Почему он любит меня? Он должен был меня разлюбить! Что-то не так было с Дашиной Присухой...»

– Мир, – хмуровато проговорила она, изучая носки темных ботишков, – я обещаю, что найду способ тебя распресовать.

– В смысле?

– Расколдовать. Я найду Отсуху.

– А если не найдешь?

С секунду Маша переминалась с ноги на ногу.

Затем:

– Тогда я буду искать ее до смерти. Я не брошу тебя до тех пор, пока не смогу тебе помочь! Обещаю, – принесла она страшную клятву.

– Идет! – Он страшно обрадовался. Завертел головой. – Как здесь все-таки здорово. И воздух такой нереальный. Как в деревне! Логично, машин же нет. Вокруг сплошные сады. Не могу поверить, что я – в Киеве. Все такое маленькое – я чувствую себя Гулливером. И лысое. То есть, так мало домов, одни деревья...

Киевица кивнула.

За их спинами прятался сад цветов – Шато-де-Флер.

Слева, на горе, проживал окруженный собственным садом Институт Благородных Девиц.

Впереди Машин, омраченный нешуточным обещанием, взор радовал (еще не заслоненный нелепо-уродливой музейной машиной имени Ленина) царственно-белый сад «Владимирская горка».

А чуть правее – здание Купеческого собрания, заслонившее свой крохотный, но самый благоустроенный в Городе сад, посещать который по нескольку раз в неделю почитал святым долгом любой «правоверный киевлянин».

– Три дня назад, когда я была здесь, – втоптала Маша в снег любовную тему, – Купеческое собрание только-только построили.

– Три дня назад?

– Ну да, – в 1884 году! А знаешь, почему его построили здесь? Это настоящий анекдот! С Днепра по Крещатику несся такой порыв ветра, что дамам постоянно сдувало шляпки. И Купеческим собранием заткнули дыру от сквозняка. Я читала, в советское время здание решили снести. Но киевский поэт Юрий Рыбчинский пошел к мэру и рассказал ему эту историю и, таким образом, сохранил Собрание...

– О, боже! Маша! – Мир подскочил, как ребенок. – Ты видишь его? ТРАМВАЙ!

Снизу, по Александровскому спуску карабкался смешной маленький трамвайчик на стальных винтообразных рессорах.

– Ну да, сейчас же 94-й, – возрадовалась студентка. – Он пошел еще в мае 1892. Киевский трамвай был первым в России!

– То есть их нигде больше не было? – пришел в восторг Мирослав.

– Нигде. Только у нас, – горделиво похвасталась его просветительница так, точно этот, приближающийся к ним первый электромотор запустил не военный инженер генерал Струве, а она сама – причем собственноручно! – Киевляне жутко гордились своим трамваем. Он был национальным героем! Трамвай первый сумел преодолеть крутизну киевских гор. Ни омнибус, ни конка, ни локомобиль не справились... Поначалу генералу Струве тоже не верили. Инженеры писали, что электрическая конка – химера. Двигать с помощью электричества вагоны можно только на столиках, в виде игрушки.

– Он и похож на игрушку. – Мир неотрывно смотрел на наивный вагончик, сделанный по американскому образцу.

Медленно, но уверенно трамвайчик одолел один из крутейших подъемов и остановился у кружевной деревянной беседки, оказавшейся павильоном «для господ пассажиров и встречающей публики».

– Вначале, – увлеклась Маша, – киевляне тоже восприняли трамвай как аттракцион. – Он ездил только от Царской до Контрактовой площади – туда-сюда. Позже его провели по Крещатику... И был такой случай. Один человек постоянно катался на трамвае бесплатно. Когда нужно было покупать билет, он давал кондуктору сто рублей. А на сто рублей тогда, то есть сейчас, можно снять трехкомнатную квартиру... На год! Понятно, что сдачи ему никто дать не мог. Так он и ездил со своей сторублевкою месяц, пока кондуктору это не надоело. Он специально одолжил у кого-то деньги и таки разменя...

Но на «таки разменя» Машин увлеченный и, безусловно, увлекательный анекдот был безжалостно прерван.

Мир вдруг решительно схватил свою даму за плечи, развернул, прижал к себе. Трамвай исчез из ее поля зрения, а перед взором предстал фасад остроконечной часовни, призванный напоминать о чудесном спасении царя-освободителя Александра II. И еще стоявший за спиной Мира усатый мужчина, с вытянутым ртом и перевернутым лицом.

Машины уши вобрали ужасающий крик, многоголосый, единый, заполонивший всю площадь.

Но узнать причину сего публичного отчаяния она не могла – Мир крепко сжимал ее обеими руками, уговаривая:

– Не надо. Не оборачивайся. Тебе не надо смотреть...

Господин за его спиной подобрал потрясенный рот, выудил из кармана пальто небольшую записную книжечку и принялся что-то строчить.

А царь, спасшийся от покушения чудом, все равно был убит – разорван в 1881 году бомбой террориста-народовольца Игнатия⁹.

– Убила... – вырост из многоголосицы воющий, народный голос. – Машина сатанинская человека убила!

Вой взлетел над площадью.

Маша обмякла.

– Мир, – сказала она, переждав. – Отпусти меня. Я не буду смотреть. Я поняла: кто-то попал под трамвай.

* * *

Катя стояла, сложив руки на груди, и смотрела на семейный портрет в черной раме.

Кабы тут была Даша (успевшая пролистать не только «Тайны Зодиака», но и брошюру «Язык жестов»), она бы не преминула заметить, сложенные Катины руки означают: Катя «закрыта».

Кабы тут была Маша, она б не преминула надбавить: как бы ни располагались Катины руки, Катя «закрыта» всегда.

Но ни Маши, ни Даши тут не было, а высокомерно-прохладный голос присутствующей произнес:

– Да уж, не ждала я тебя. Недавно подумала, а придет ли она ко мне на похороны? И решила: чего ей приходить, если она и при жизни-то... Сколько мы не виделись?

– Двадцать лет, – сказала Дображанская. – А с тетей Чарной – шестнадцать.

– Никогда не прощу тебе, как ты с тетей Чарночкой поступила, – мрачно заверила ее вторая тетя. – Это после того, как она тебя вырастила!

Тетя Чарночка и присутствующая здесь тетя Тата были сестрами Катиной матери.

В тринадцать, потеряв обоих родителей, Катя оказалась под опекой упомянутой Чарны, и стоило ей вспомнить об этом, перед глазами у нее появилась тарелка с цветной капустой, которую тетка заставляла ее есть и которую она, Катя, как ни старалась, съесть не могла – организм упрямо выплевывал куски капусты обратно.

Пытка цветной капустой продолжалась три года – в шестнадцать Катерина сбежала...

– ...а ты ее из дома выжила. На улицу прогнала.

– Из моего дома, – сказала Дображанская, не отрывая взгляд от мужчины и женщины, заполоненных траурной рамой. – И не на улицу. Она вернулась к себе домой.

⁹ Царь Александр-освободитель (освободивший крестьян от рабства) пережил несколько покушений. И был убит террористом Игнатием Гриневицким 13 марта 1881 года.

– Говорила я Чарночке, – заворчала Тата, – если бы ты Катину квартиру приватизировала...

Катя обернулась.

Посмотрела на тетку, – шестидесятилетнюю, худую, с длинной морщинистой шеей, украшенной ниткой зеленых пластмассовых бус.

Посмотрела без раздражения, с отстраненным интересом – Катя помнила эти бусы с тринадцати лет. А лицо тетки забыла – длинное, с крупным носом и небольшими, неглупыми, глубоко посаженными глазами.

«Интересно, – подумала Катя. – В молодости она была красивой?»

– Я не из тех, кого можно вышвырнуть под забор, – сухо пояснила племянница. – Это была квартира родителей. А тетя Чарночка – дура. Кем нужно быть, чтобы переехать туда и сделать вид, что так и было. Она что, правда думала, что я ей ее подарю?

– Могла бы себе и другую купить, – отбила тетка. – Ты же теперь богачка.

– Богачка. – Катя подошла к столу, покрытому пыльной бархатной скатертью, коснулась ее рукой – она помнила эту скатерть. А тетю увидела точно впервые. – А тогда была сиротой. Но душой я не была уже тогда.

– Она тебя воспитала!

– Она все нервы мне измотала, – скривилась Дображанская. – Достала своими мозгами куриными, мешанством своим. Я молчу про ее детей. Ненавижу то время. Мало того, что папа и мама погибли, так я еще попала к тете Чарне.

Попалась...

«Чтобы не оставлять сироту без присмотра», тетя перебралась из мужниной «гостинки» в двухкомнатную Катину «сталинку», прихватив супруга, множество цветочных вазонов и двух сыновей – трех и семи лет от роду.

Мальчиков поселили в Катиной комнате.

– И она еще требовала, чтоб я за ними бардак убирала, – сказала Катя. – Носы им подтирала. Вы не представляете, с каким удовольствием я вышвырнула их из дома. Нет, люди все-таки идиоты. Ее ж даже не смущало, что я три года в общаге живу. Она считала: все так, как и должно быть – справедливо и правильно. Раз ей в моей квартире хорошо, значит, и в целом все прекрасно. Интересно, – с любопытством спросила она, – я с тех пор ненавижу людей?

– Тетя Чарночка никогда тебя не простит, – поклялась вторая тетя.

– Понятно, – равнодушно сказала Катя. – Она ж идиотка. Потому я пришла не к ней, а к вам. Мне нужно узнать о моей семье.

На синий бархат скатерти легли десять новеньких и зеленоватых купюр.

– Тут тысяча долларов, – Катя указала на скатерть. – Это за час информации. Вы рассказываете все, что знаете, и отвечаете на мои вопросы. Только без всяких вкраплений в виде упреков, – предупредила она. – За каждый упрек высчитываю десять баксов.

Здесь мой читатель наверняка заподозрит красивую Катю в глупой и некрасивой самоуверенности хозяйки жизни, вообразившей, что за деньги можно купить все на свете.

Но, смею заметить, подозрение это безосновательно. Екатерина Михайловна Дображанская отлично знала, что именно в мире продается, а что не выставлено на продажу. Равно как и то, что ее тетя Тата не относится ко второй категории.

– Только, пожалуйста, – на диво человечно попросила она, – без обид. Вы умная женщина, тетя Тата, всегда были умной. Вы понимаете, я могла бы и не предлагать вам деньги. Но они вам нужны. А мне нужно, чтоб разговор был по делу. Потому я предлагаю вам сделку.

– А если мы проговорим больше часа? – спросила тетя с трудноопределимым смешком.

– Второй час – вторая тысяча.

Тетя потрогала зеленые бусы.

Потрогала взглядом красивую Катю и вдруг повеселела:

– Я Чарночке всегда говорила: не тот у девки характер, чтобы твой номер прошел. Что ты себе думаешь, села девчонке на голову с двумя сопляками и ждешь, что она тебе за это спасибо скажет? А когда ты из дома ушла, сказала ей: «Помяни мое слово, она еще вернется. Мало тебе не покажется!» Но Чарна всегда была курицей. Если уж ты решила квартиру чужую заполучить, так поступай по-умному. А не одной рукой чужое хватай, а второй воображай себя благодетельницей...

Катя согласно кивнула, не став уточнять, что «воображать что-то второй рукой» – весьма проблематично.

В целом метафора была живописной.

– Но Чарночка и правда считала, раз она там шесть лет прожила, квартира как бы ее... Да мы с ней и не общаемся почти. Увидимся, сразу ссоримся. И из-за тебя в том числе. Чарна считает, раз ты богатая, должна нам помогать.

– Вы тоже так считаете, верно?

Тетка затеребила потертые бусины.

Резанула:

– У Чарны в голове коммунизм! Богатые должны делиться с бедными, потому что должны. Родные должны помогать друг другу... по той же причине. Только никто никому ничего в этом мире не должен, особенно если займы ему дулю давали. Я Чарночке еще тогда сказала: «Наверное, Катя в меня пошла». Я тоже дурой отродясь не была. Лучше бы я тебя воспитывала.

– Думаю, – серьезно сказала Катя, – это действительно было бы лучше для всех.

Она подошла к окну.

Была или нет тетя Тата когда-то красавицей, за свои шестьдесят она успела похоронить трех небедных мужей и доживала свой век в доме на четном Крещатике, из окон которого просматривалась Европейская площадь, бывшая в девичестве Конной, в замужестве Царской: филармония, бывшая некогда Купеческим клубом; и гора Сада, сменившего немало фамилий и власть имущих мужей...

«Как он сейчас называется? – поморщилась Катя. – Не помню. Крещатицкий? Городской? Да не важно...»

Как бы его не звали сейчас, у Дображанской не было никакого желания здороваться с ним в данный момент.

– Только у меня в те годы другие интересы были, – вздохнула тетя. – Ладно, что ты хочешь узнать? Про родителей?

Катя помолчала.

– Как они погибли?

– Кто знает, – сказала тетка. – Они ж на лодке катались. Что у них там случилось, одному Богу известно. То ли дно дырявое было, то ли перевернулись. Мама твоя плавать не умела. Отец, наверное, пытался ее спасти... Но не смог.

– А это, – Катя вернулась к портрету, – моя бабушка? И дед?

– Прапрабабушка и прапрадед.

– Какая она некрасивая...

Некрасивость прапрабабки имела фамильные черты, переданные и ее далекой наследнице – тетке. Те же маленькие, острые глазки, низкие брови, массивный нос, отчеканившиеся на лице сестры Катиной матери.

– Так и мама твоя красавицей не была, – бойко заметила родственница. – У тебя хоть фотографии ее есть?

– Нет. Тетя Чарночка, уезжая, все забрала.

– Я тебе дам... И папа твой Аленом Делоном не был. И я не была, и Чарна. Никто не знает, в кого ты такой уродилась. У нас в семье никто красотой не блистал. Но, что интересно,

никто от этого не страдал. У матери твоей, еще до того, как она за отца твоего вышла, отбою от кавалеров не было. И у меня. И даже у Чарночки. Верить, ко мне и сейчас один дедок сватается. А в молодости, так и подавно... Помню, подружка у меня была в институте, Ася Мусина – такая хорошенькая! А влюблялись парни все не в нее, а в меня. Проходу не давали. Потому меня на курсе ведьмою звали.

– Ведьмою?

Тетя не могла увидеть, как напряглись Катины черты, какими цепкими, страстными стали ее глаза – родственница изымала из шкафа большую деревянную коробку со старым крученым замочком-крючком.

– Ведьмою, ведьмою... – водрузила она увесистый клад на бархатный стол. Открыла крышку. – Оно и понятно. Реально ж, ни рожи, ни кожи, – самокритично признала она, – а мужики липнут как мухи.

Тетка вытащила из полуметрового короба крымскую шкатулку, облепленную разноцветными ракушками, заглянула вовнутрь.

Катя взяла из вороха старых бумаг почтовую открытку.

Царская площадь:

«Европейская» гостиница, перечеркнутая длинным балконом. Наивный, дореволюционный трамвай. Фонтан «Иван», очерченный клумбой...

Но «Иван» и Катя были не представлены. «Европейскую» снесли в 1947. А филармония (единственная старожилка площади, пережившая век благодаря заступничеству поэта) – в кадр не попала.

И Катя не узнала Киев.

Она перевернула открытку.

Вместо приветов и поздравлений там стояло одно, необъяснимое число:

13311294

Катя взглянула на адрес.

*Анне Михайловне, г-же Строговой, ст. Ворожба (юг-з. ж. дор.),
Покровская ул. собственный дом.*

– прочла она изысканный дореволюционный почерк.

– Кто такая Анна Михайловна Строгова? – спросила Дображанская.

– Да прапрабабка твоя, та, что на портрете. Смотри... – Тетка достала из крымской шкатулки старую брошь. – Видишь, она в ней сфотографирована? Можно сказать, семейная реликвия.

Катя посмотрела на некрасивую Анну Михайловну.

Голова прародительницы, увенчанная большой меховой шапкой а-ля «батько Махно», сидела на массивной шее, украшенной брошью.

Праправнучка протянула руку и приняла камешку из слоновой кости.

– С нее-то, прапрабабушки нашей, все несчастья и начались, – поведала тетка. – Когда родители твои погибли, я Чарночке так и сказала: «Наша семья точно проклятая».

– Проклятая? – заинтересовалась Катерина.

– А как еще это назвать? – отозвалась тетка. – Прабабушка твоя в первую мировую войну погибла совсем молодой. И мама наша – твоя бабушка Ира – молодой умерла в великую отечественную. Мы ж с Чарночкой и мамой твоей тоже сиротами росли. А прапрабабушка Анна еще до революции под трамвай попала. Про нее даже в газетах писали. Сейчас найду, у меня где-то хранится... Она была первой женщиной в России, которую задавил трамвай!

– Странно это, – сказала Катя.

Она смотрела на свою ладонь, чувствуя, как тело покрывает колючий озноб.

Вырезанный на кости женский профиль был ей отлично знаком.

Глава шестая, в которой упоминается неизвестный усач

...и под решетку Патриаршей аллеи выбросило на бульжный откос круглый темный предмет. Скотившись с этого откоса, он запрыгал по бульжникам Бронной.

Это была отрезанная голова Берлиоза.

Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита»

– Маша, он буквально кинулся под этот трамвай. Трамвай был не виноват, – говорил Мир. Он давно отпустил ее плечи. Но Маша по-прежнему стояла, уткнувшись носом в его воротник.

– Какой-то странный у нас день, да? Сплошные трагедии. Не так, так эдак... – Мир словно извинялся перед ней.

– Может, это как раз и было то, что мне должно знать? – сказала Маша бесцветно.

Ей было странно и пусто.

«То» или не «то» – она не видела этого.

Не видела смерти, а потому не могла поверить в нее. В сухом изложении Мира несчастный случай, лишенный каких-либо живописных подробностей, не отличался от абстрактно-бескровной книжной истории.

«Некий человек буквально бросился под трамвай», – вот и все, что сказал ей он.

И Маша очень старалась пожалеть «человека», но не могла.

Или, может, боялась, что, пожалев его, разрушит идеалистическую красоту своего XIX века?

Потому и не оборачивалась – боялась.

– Маш, мы здесь уже минут двадцать стоим, – сказал Мир. – Ты совершенно замерзла. Интересно, где-нибудь здесь можно выпить кофе?

– Да хоть там, – не глядя, указала ему Ковалева в сторону «Европейской» гостиницы.

Трехэтажная гостиница, работы архитектора Беретти-отца, расположенная на месте бывшего музея В.Ленина, однозначно шла площади больше, чем музей.

– Там есть ресторан.

– Так давай, у нас же куча денег! – разохотился Мир.

На пачку сотенных «катенок», прихваченных из щедрого тайника, можно было не только выпить и закусить, но и с шиком прожить в «Европейской» годик-другой.

– Правильно, – закивала Маша, – не домой же идти.

Под домом она подразумевала век XXI и тут же взбодрилась, отыскав логическое обоснованье желанной отсрочки: несмотря на трамвайный эпизод, домой не хотелось отчаянно.

– Мне нужно подумать, – убедила она себя, – сложить все воедино. А думать на морозе...

– Верно мыслишь. Пойдем.

Они направились через Царскую площадь.

Провинившийся трамвай все еще стоял в устье спуска, связывающего Крещатик с Подолом. Опустевший вагончик окружала толпа зевак.

То, что она окружала, Маша не могла рассмотреть, но по душе неприятно скребанула кошачья лапа.

– А может, не стоит? – замялась она у дверей. – Нехорошо как-то.

– Ну, Маша! – обиженно проныл Красавицкий.

– Ладно, – вздохнула она. – Только помни, заказ буду делать я. Ты не должен говорить ни слова. Иначе все сразу поймут, что ты не отсюда.

– В зоопарке никто ничего не понял!
– Там ты и не говорил, ты геройствовал. Достаточно тебе было сказать «зоопарк»...
– Все равно, – убежденно сказал Мирослав, – заказ должен делать мужчина. И думаю, официант меня прекрасно поймет. Даже если я скажу ему: «Парень, давай, сделай мне круто!»
– Он спросит, что тебе сделать «круто». Яйцо вкрутую или...
– Не спросит! Спорим на поцелуй?

– Нет. – Маша целомудренно надулась. Однако настроение у нее внезапно улучшилось. Они беспрепятственно прошли через холл и проследовали в зал ресторана, гордящегося своими дорогими гардинами и изящною мебелью, фарфоровой посудой и столовым серебром, переполненный людьми по случаю череды зимних празднеств.

«Постоянными посетителями «Европейской» была местная и приезжая знать» – Маша застыла.

Мир привычно махнул рукой официанту и, залихватски подмигнув своей, мгновенно помертвевшей от ожидания неизбежного конфуза, даме, произнес:

– Так, парень, давай, сделай мне круто? Понял? – и пренебрежительно сунул тому сто-рублевку.

– Сию минуточку-с, ваше сиятельство! – истерично взвизгнул лакей, хотя ничего сиятельно-княжеского в Мире не наблюдалось.

Впрочем, за сторублевые чаевые Мир мог претендовать и на «ваше высочество».

– Не извольте беспокоиться! Все будет в наилучшем виде. Устроим вас преотличнейшим образом. Пожалуйста за тот столик, если вашей милости будет благоугодно. Просим. Очень просим! Изумительнейший по красоте бельведер.

Стол стоял в некотором отдалении от других и явно слыл лучшим. Видимо, язык денег люди понимали во все времена, вне зависимости от степени косноязычья тех, кто их тратил.

– Да за «катеньку» он бы понял тебя и на языке тумбо-юмбо, – весело возмутилась Маша, уместившись за стол с бельведером. – В «Европейской» обед из пяти блюд по таблоиду «без излишеств» стоил... То есть стоит сейчас рубль. Один рубль! А ты ему сто дал на чай! С ума сойти можно!

– Верно, – согласился Мир Красавицкий, – сто рублей в 1894, как сто долларов в 1994, означают: все должно быть на высшем уровне.

– Ты меня обманул!

– Отнюдь. Я доказал тебе, что мог бы прекрасно жить здесь.

– Тебя б все равно считали странным.

– А я б им сказал, что я из Америки!

– Тогда да, – улыбнулась Маша и нежданно словила на странности себя.

В ее душе снова царил мир и покой, – и виноват в этом был Мир.

Рядом с ним она чувствовала себя защищенной. Он обнимал ее заботой. Заражал азартом к разгадке, – понимал ее, выбитую из колеи, лучше, чем она сама.

Он заставлял ее улыбаться!

– К слову, что такое бельведер? Звучит неприлично, что-то среднее между биде и бюстгальтером, – выдал ее кавалер.

– Прекрасный вид. – Маша качнула подбородком в сторону окна, у которого поместил их официант. – Хотя, вообще-то, обычно так называется место на возвышенности, с которой открывается вид...

– А ты никогда не задумывалась о том, чтобы остаться жить здесь? – спросил он, вдруг странным образом озвучив ее потаенные мысли.

Маша опустила взгляд в заоконье – в изумительнейший по красоте belvedere на заснеженную Царскую площадь, бездействующий зимний фонтан «Иван», белую гору Царского сада, виноватый или ни в чем не виновный трамвай. Но трамвай не портил сказки.

«Человек погиб...

Я должна это знать?»

«Святки. Рождество. Новый год. Потом Богоявление».

– Все время, – страстно призналась она Красавицкому. – Я думаю об этом все время, что я здесь.

– Не хочется обратно, да?

– Да.

– И мне тоже не хочется, – сказал Мир. – Мне нравится тут. Всего час, а я уже стал героем.

– И я... В смысле, я здесь совсем не такая, как там. Словно тут я такая, как надо.

– Ну так что, остаемся?

– Ты серьезно? – прозондировала она Мира глазами.

– А почему нет? – дернул плечом тот. – Сама подумай, кто я такой там? Убийца. Сатанист.

Кто там ты? Послезавтра ты можешь перестать быть Киевицей. Или, того хуже, погибнешь во время поединка...

«Или того хуже – выживу и вернусь домой, к маме.

...а месяца через четыре все равно придется признаться, что я жду ребенка.

Как она будет кричать... как она будет кричать!

А я даже не смогу ничего объяснить. Ведь сказать, что его отец – Михаил Александрович Врубель, все равно, что...

что...»

– А здесь нас никто не знает, – продолжал соблазнять Мирослав, – мы можем сойти за семейную пару. Сойти, а не пожениться, – предупредил он отказ. – Навскидку, на полке в вашей Башне лежит пачек триста денег, не меньше. В пачке двадцать купюр – сотенными и пятисотенными. По самым-пресамым минимальным подсчетам, это... – Он пошевелил губами, считая. – Больше полумиллиона. С такими деньжищами в XIX веке можно так развернуться!

– Они не только мои, – испугалась искуса Маша, – они Катины и Дашины.

– Маш, – весело пожурил он никудышность отмазки, – на хрена им бумажки? В наше время это даже не раритет, а так, симпатичный мусор.

Он был прав!

И искус, уже овладевавший ею однажды, подкатил к горлу вновь.

Остаться здесь... забыв про Суд меж Небом и Землей, который они наверняка проиграют, забыв безответное: «Что делать? Куда идти? Как объяснить матери?» Остаться здесь, где она не будет беременной двадцатидвухлетней студенткой, на которую, помня странный поклон Василисы и Марковны, в институте всегда будут таращиться косо, с пристальным непониманием, со злым шепотком. Не станет затюканной собственной матерью матерью-одиночкой, неспособной даже внятно озвучить имя отца.

Ведь здесь, здесь, здесь – в 1894 или -5 году отец ее ребенка еще жив!

И еще не женат! Еще два года, как не женат!

Осознание окатило Машу пожаром.

Она замерла, пытаясь унять дрожь в руках, побороть набросившуюся на нее непреодолимость желания, с криком вскочить из-за стола, забрать у Мира все деньги и бежать-бежать-бежать, ехать туда, где он – жив!

Конечно, сейчас, в 1894 или -5 году, она вряд ли сможет объяснить Мише Врубелю, как ей удалось забеременеть от него – в 1884. Но он вспомнит ее! Он помнил ее всю жизнь. Он любит ее! Он, по-детски искренний, добрый, бесконечно склонный к самопожертвованию, примет ее и с «чужим» ребенком! Он обвенчается с ней...

Потому что здесь...

«Как я не подумала раньше? Здесь...»

Здесь, в 1894 или -5, она – не Киевица! А значит, может войти в свой, самый любимый, Самый прекрасный в мире Владимирский собор, позабыв про свою «нехорошесть», неприка-
янность, проклятость...

Позабыв про папу? Про Мира? Нарушив данное ему обещание? Ведь будучи не Киеви-
цей, она не сможет его расколдовать, а будучи с Мишей, не сможет быть с ним.

Забыв про Город? Киев, которому угрожает опасность?

Нет.

Нет...

«Может, потом?»

– Стоп! – с облегчением отогнала искушение она. – Какое жить? Мы же упрямся в рево-
люцию. А это все, конец. Киев горел десять дней, людей убивали на улицах только за то, что у
них пенсне на носу. А потом первая мировая война, вторая мировая, голод 33-го года...

– Да, – сказал Мир. – Я и забыл. Но мы можем уехать в Париж.

– Нет.

В Париж Маша не хотела и потому достала из ридикюля журнал «Ренессанс», порадо-
вавшись, что его бумажная, стилизованная под ретро обложка идеально соответствует месту
и времени.

Итак: «В Царский сад с его пышными клумбами...»

Мир замолчал, терпеливо пережидая, пока Маша преодолет статью.

...Наверное, в саду выступал бродячий цирк или зверинец, потому что
с Аней и ее сестренкой Рикой (Ириной) произошло страшное приключение.
Они попали в загородку с медведем.

В ушах зазвучал протяжный вороний крик. Женский: «Сделайте же что-нибудь!»

– Все по наивысшему разряду! – перекрыл его угодливый тенор. – Лучшие блюда а la
carte! Пожалуйте-с, ваше сиятельство, филейчики из дроздов. Прелесть как хороши!

Карамельный лакей смотрел на Мира с таким обожанием, точно был безнадежно влюблен
в него последние двадцать пять лет.

«Ужас окружающих. Мы дали слово бонне скрыть событие от мамы», –
так вспоминала об этом Анна Андреевна.

«Любопытно. Получается, что...»

– Перепела по-генуэзски, извольте-с! И, специально для обворожительной дамы, яйца-
коcott с шампиньоновым пюре. Поистине замечательные!

Дама попыталась отвесить невнятный благодарный кивок и заметила еще одну даму, за
столиком поодаль. Дамочка глядела на Машу с прожорливой завистью. Хоть вряд ли прожор-
ливость относилась к шампиньонам, скорее – к несказанно красивому Миру.

«Почему он влюблен в меня?»

– Водка «Шустовская», «Смирновская», «Московская Особая», коньяк «Отборный».

– Помилуйте, я с дамой, – пробасил Мирослав.

– Имеются вина. Заграничные: бордосские, итальянские...

Как-то Л. К. Чуковская заметила: «Киев – вот веселый, ясный город, и
старина его нестрашная».

«Да, это так. Но я не любила дореволюционного Киева. Город вульгарных
женщин», – призналась Анна Ахматова...

И этим признанием мигом настроила Машу против себя.

Ковалева подняла возмущенный взгляд на лакея (тут же ретировавшегося).

«Не любить Киев! Ладно сейчас... Но дореволюционный!»

Обвинила взором яйца-кокотт (возлежащие на специальной подставке, с выемками в форме яиц и ручкой в форме голоногой богини).

«Она бы еще сказала, Киев – не Питер! Да кто она такая?!»

Отвернулась к окну и таки нашла там поддержку, в лице возвышавшегося на горе Института Благородных Девиц.

В меню которого яйца именовались «куриный фрукт», дабы скрыть от благородных воспитанниц неблагоприятное происхождение этого предмета. И в благородных стенах которого девица Анна Горенко никогда не училась, что дало студентке возможность уличить ее в плохом воспитании.

«То же мне аристократка! Дочь инженера. Курсисточка».

– Расстегайчики с трюфелями-с! Очень недурственные.

Но на «расстегайчиках с трюфелями» Ахматова была прощена:

«Киевский Врубель. Богородица с безумными глазами в Кирилловской церкви. Дни, исполненные такой гармонии, которая, уйдя, так ко мне и не вернулась» – последняя из «киевских» записей Анны Ахматовой.

Маша непонимающе мотнула головой.

«Не любила Киев» не вязалось с «исполненными гармонии днями».

Любовь к Мишиным картинам – с плохим воспитанием.

И в Киевском храме Премудрости Бога,
Припав к Солее, я тебе поклялась...

Киевица отложила журнал.

Пока она переживала свои спорные отношения с будущей Первой поэтессой России, Мир успел окончательно акклиматизироваться в Прошлом, перепробовав пять заграничных вин – «Вино Санто», «Лакримо Кристи», «Болгатур», «Мальвазия», «Кахетинское» – и выбрав последнее.

– Не желаете ли откусать, мадемуазель Ковалева? – встретил он ее взгляд. – После трудов ваших праведных.

Труженица сглотнула слюну.

Стол оккупировало немыслимое количество яств, названия которых Маша, вскормленная картошкой и кашей, обожала лишь по произведениям классиков.

Прямо перед ней сияла стерлядь в серебристой кастрюльке, переложенная трюфелями.

Киевица нерешительно прикоснулась к серебряной вилке.

– Да кушай, Маш, кушай, куда спешить, время ж все равно стоит! – рассеял ее сомнения Мир. – Кушай и рассказывай, чего надумать изволила.

– Про Лиру больше ни слова... – (Следующие пятнадцать минут Маша молчала, следуя правилу: я нем, пока я ем.) – Но ты был прав. – (Расстегайчики выявились немыслимо вкусными!) – Помимо дедушки Эразма Ивановича, служившего в канцелярии генерал-губернатора Бибикова, у Ахматовой куча завязок на Киеве. Здесь ей сделал предложение Николай Гумилев. Здесь, в Киеве, она с ним обвенчалась в церкви Николая Марликийского. В Киеве жила ее родная тетка и множество кузин. В Киев, после развода с мужем – отцом Анны, переехала жить ее мать. И жила здесь достаточно долгое время, с той самой дочерью Ней, которая родилась в Киеве зимой 1894... точнее, этой самой зимой, – кивнула она на окно.

На заколоченный зимний фонтан «Иван» опустился черный ворон.

– А еще этой самой зимой, – Ковалева с тревогой смотрела на зиму, помеченную черной точкой, – в Киеве любимый брат Анны Андрей заболел дифтеритом. Тогда это была опасная болезнь, он чудом избежал смерти. А когда вырос, женился на одной из киевских кузин.

– И какой из этого вывод? – спросил Мирослав.

– Еще не знаю. Пока нам достоверно известно одно: Ахматова действительно нашла в Царском саду брошку – это не басня. И как только она ее нашла, она и ее сестра Рика чуть не попали в лапы к медведю.

– Ее сестра чуть не попала в лапы к медведю. – Мир отодвинул тарелку. – Я был там, – напомнил он. – Я видел его глаза. Они были очень... целеустремленными. Медведю не нужен был я. Ему нужна была только она, эта малышка. Она, а не Анна.

– То есть, – моргнула Маша, – хочешь сказать, дело в Рике? Но что в ней особенного? – Ковалева открыла журнал, но не сыскала там ничего похожего на объяснение. – Рика – не киевлянка. Не нашла Лиру. Не прикасалась к ней... Правда, страшно хотела прикоснуться, кричала: «Дай, дай!» Может, она так старалась забрать брошь у сестры, потому что Лири предназначалась ей? Рика должна была стать поэтессой?

– Нет, – мрачновато возразил Мирослав, – боюсь я, Рике предназначался только медведь. Он смотрел на нее такими глазами... – Елаза Мира заволочло темнотой. – Такими глазами смотрят, когда собираются убить. Нет. Когда ты должен убить, – поправился он.

– Кому должен?

– Тому, кто тебе приказал. Как приказывала мне Кылына, когда ей нужна была кровь. Жертва!

– Кровь жертвы, – воспроизвела Ковалева. – Кылына. «ААА не прольет, БД не пойдет...» Анна нашла Лиру, и Рику чуть не растерзал медведь. Той же зимой брат Андрей чуть не умер. А некий человек таки попал под трамвай.

Перед ее внутренним взором вырисовывался некий логический ряд. Перед взором не внутренним – окно и черный ворон за ним.

– Ладно, – оборвала себя Маша, – давай подойдем с другой стороны. Если Лири и впрямь что-то значила, почему, получив ее в пять лет, Анна не стала вундеркиндом? И начала писать стоящие стихи только когда выросла, в девятнадцать-двадцать лет, как все нормальные люди?

– А до этого? – прояснил Мир.

– Писала наивности, как все нормальные дети и девушки. Прочитав ее первые стихи, Николай Еумилев сказал: «А может, ты лучше будешь танцевать? Ты гибкая».

– То есть стихи были так себе?

– И где делась Лири? Почему о ней нет никаких упоминаний?

– А почему бы тебе не спросить об этом у нее самой?

– У кого?

– У Анны Андреевны Ахматовой, – заговорщицки улыбнулся Мир.

– Как?

– Просто подойти и спросить.

– Ну, это не так просто... – Маша снова зарылась в статью. – В Киев Анна вернулась только в семнадцать лет, в августе 1906. В то время родители ее фактически расстались, отец растратил капиталы жены и остался в Петербурге. Мать переехала жить к киевской сестре. Анна поступила в старший класс Фундуклеевской гимназии. Денег не было, они жили очень бедно. В Киеве Анна была близка только со своей кузиной Марией Змунчиллой, на которой потом и женился ее брат. А так была одиночкой, обособленной, гордой и нелюдистой. Как же я к ней подойду?

– Да, – согласился Мир, – в гимназию тебе поступать уже поздно.

– Да я и экзамена ни одного не сдам, даже по русскому языку и словесности – я не умею писать с буквами ять. Я уж не говорю про немецкий, французский, логику, латынь, слово Божье...

Мир молча вынул журнал из ее рук и принялся просматривать статью.

– Вижу прекрасный способ, – ткнул пальцем он.

– Какой? – заинтриговалась Маша.

– Скажу, если ты поцелуешь меня. Ну, Маш... Ну хотя бы в щеку!

Маша машинально коснулась ладонью своей щеки и, видимо, не найдя в этом прикосновении ничего ужасающего, нехотя согласилась:

– Хорошо. Говори.

– Зачитываю! «Я не любила дореволюционного Киева. Город вульгарных женщин, – призналась Анна Ахматова. – Там ведь много было богачей и сахарозаводчиков. Они тысячи бросали на последние моды, они и их жены... Моя семипудовая кузина, ожидая примерки у знаменитого портного Швейцера, целовала образок Николая Угодника: «Сделай так, чтобы хорошо сидело».

– Ну и что? – спросила Маша, мысленно отказывая Миру в поцелуе (даже в не страшную щеку!).

– Все, что нам надо! Швейцер – знаменитый портной. Мы легко выясним адрес дома, где было его ателье. Если я тебя правильно понял, заклинание само выведет нас на день и час, который нам нужно узнать. А портнихи, парикмахерские, косметички – места, где женщины легче всего сходятся между собой. Моя мать вечно знакомилась с кем-то у маникюрши. Главное отыскать в вашем шкафу нужный ключ!

– Неплохо, – признала Маша озадаченно и трусливо.

– А ты прочла, – любовно проворковал Мирослав, – что Николай Гумилев сделал Ахматовой предложение здесь, в ресторане «Гвропейской» гостиницы? Быть может, за этим самым столом!

* * *

«Просто подойти и спросить...»

Просто сказать «подойти и спросить»!

Это Даша могла запросто подойти к первому подвернувшемуся под руку и заговорить с ним так, точно он – ее родная и любимая тетя.

Мир мог – Мир, с его парализующей красотой, мог охмурить любую представительницу противоположного пола, еще до того, как подойдет к ней и откроет рот.

Но Мир, от знакомства с гимназисткою Горенко не отказывающийся, подробно объяснил проблематичность такого прожекта.

– Я сделаю, как ты скажешь. Но, пойми, начало XX – не начало XXI. Здесь я могу познакомиться с любой, понравиться ей и протреться с ней час... И это нормально – здесь. А там моя попытка заговорить с незнакомой порядочной дамой – уже оскорбление. А ее ответ – первый шаг на панель! Там воспитанная семнадцатилетняя барышня, которая пришла с кузиной к модистке, и трех слов не скажет с посторонним мужчиной. Тем более, если он ей понравится – засмущается, покраснеет и заткнется. А с моей мордой – просто сбежит. Решит, что я лермонтовский Демон-искуситель, явившийся то ли из ада, то ли из кабака с дурной репутацией.

Мир был убедителен.

Но у Маши имелись свои аргументы:

– Я боюсь! Я могу пойти, подойти, попытаться. Но я от страха двух слов не свяжу. Ты ж меня знаешь. Я не умею говорить с незнакомыми, я и со знакомыми-то не всегда...

Беседа проистекала по дороге домой.

Поскольку там, где время имело значение, оно все равно стояло, как пень, а там, где оно шло, его было сколько угодно, обратно Маша и Мир прошествовали через Крещатик пешком.

Постояли у городской елки.

Подождали, пока часы на башне Думы пробьют третий час.

С минуту заинтересованно изучали витрину магазина «колбасных дел мастера», устроившего рождественскую выставку колбас разнообразных сортов, и дружно захихикали, узрев там свиную голову в венке из розовых роз и украшенный фиалками окорок.

Затем, согнувшись, не меньше четверти часа с видом заправских знатоков рассматривали табличку на цоколе дома:

10 июня 1865 года

– призванную напоминать горожанам, до какой отметки дошла вода в этот день. Вплоть до начала XX века наводнения в долине Крещатик случались с незавидным постоянством, и страшная труба водоотвода проглатывала невинных пешеходов, затянутых водоворотом...

– Слушай, а пойдём в кино?!

Маша аж округлила глаза, до того по-современному это звучало.

– Мир, – засмеялась она, – как ты сдавал экзамены до того, как забрал мои шпоры? Какое кино? Его еще нет! Первый в мире киносеанс братьев Люмьер пройдет в Париже в декабре 1895 года!

– А сейчас какой?..

– А сейчас январь 1895 или декабрь 1894.

– А вот и нет, – заупрямился одноклассник. – Кино уже есть. Первый киноаппарат изобрел одессит! Механик Тимченко. А его первый фильм показали в 1894, то есть уже. Но в нашей стране изобретение тупо послали. А там, в Париже, патент на кино отдали Люмьерам.

– Серьезно? – поразила Маша. – Я и не знала.

Мир был реабилитирован!

– Но, – примирительно улыбнулась она, – в кино мы все равно не попадем. Мы ж не в Одессе. Пока в нашем распоряжении только сомнамбулы, прорицающие во сне, и женщина с бородой – недорого, вход 5 копеек... О боже, смотри! – заметила Маша на противоположной стороне другой магазин, с вывеской:

А. Балабуха

– Сладкий король! – понял ее призыв Мирослав.

– Его внук, – поправила дотошная Маша. – Один из...

Наследник «короля» Балабуха А. уже не первый год сражался за киевский престол с другим внуком – Балабухой Н. Между ними шла настоящая газетная война. Но Маша решительно предпочла внука-«А» – родного сына Балабухи-второго, самого известного из династии киевских кондитеров-купцов.

В его магазине Мир, как и полагалось мужчине, отсчитал 1 рубль 25 копеек (несусветную цену, учитывая, что в менее престижном, не «Европейском», ресторане за 16 копеек можно было получить обед из двух блюд!) и приобрел для своей дамы драгоценную банку с золотой этикеткой и надписью «Киевское варенье».

– Прикрой меня, – крикнула дама, выбегая на улицу.

Историчка алчно сорвала крышку, воровато оглянулась и, высунув язык, осторожно лизнула засахаренные фрукты.

Варенье это, и сделавшее первого Балабуху «царской персоной», называлось «сухим», и рецепт его, ныне утерянный, был исторической тайной!

Никто не знал, кто его изобрел. Но все знали: киевское сухое варенье можно купить только здесь, и со времен Екатерины II из Петербурга в Киев отправлялись специальные кондитерские экспедиции, с целью закупки оногo для императорского стола, царской семьи и двора.

В 1876 году в гости к «королю» Балабухе-второму заезжал за вареньем сам наследник престола – итальянский принц Умберто, с женою-принцессой. А в 1883 испанский инфант, возвращаясь с коронации Александра III, специально заскочил в Киев, чтобы купить на Крещатике пару пудов «киевских цукатов».

– Ну как? – Мир честно пытался заслонить Машу от прохожих.

– Не знаю, – неуверенно сказала она. – Я вообще сладкое не очень люблю. Но я так мечтала его попробовать! Я столько читала о нем... А ты?.. О чем мечтал ты?

– Я? – Красавицкий на секунду задумался. Схватил Машу за руку и потащил ее на парную сторону. – Это, – осведомился он, указывая на угловое здание, – угол Крещатика и Прорезной?

– Нуда...

Мир довольно кивнул и громко спросил, обращаясь к прохожим:

– Вы знаете, кто такой Паниковский? Господа, вы случайно не знаете, кем был Паниковский до революции?

* * *

– А где же наш дом? – спросил Мир.

– А его еще не построили! – весело ответила Маша. – Его построят только в 1898, через четыре года.

Поднявшись по Прорезной («прорезанной» в 1840 до Крещатика, сквозь окружившие Золотые ворота древние валы Ярослава), они дошли до Яр Вала, I, где не было еще ни кораллового дома-замка, ни даже намека на оное.

Причем где-то в середине «прорезанной» путь их внезапно совпал с движением усатого обладателя загадочной книжки – Маша и признала-то его только тогда, когда, поравнявшись с остатками Золотых ворот, тот остановился, вновь извлек свою книжицу и начал писать.

– Интересно, что он записывает? – сказала студентка, которой в XIX веке было интересно совершенно все, но в особенности то, что попадало под статью «совпадения». – Ты заметил, мы на него уже второй раз наткнемся? Он был на площади, когда человека задавил трамвай. Он стоял за твоей спиной. И тоже что-то писал. Кто он такой?

– Детектив, – допустил Мирослав.

– Или журналист.

– Ща узнаем! – разудало пообещал Красавицкий. – Подкинь-ка мне два-три слова и пару фраз посмешнее. Типа бельведера.

– Ну-у... – Маша скосила глаза. – Бонтонно – это классно. Реприманд – выговор. Прифрантилась. Неудобопереносимый. Может, я вздор вру. Вы весь – прелесть...

– А обращаться как?

– Любезнейший, милостивейший государь, батенька.

– Сойдет!

Не долго думая, Мир подскочил к господину с усами и, с энтузиазмом воздев к небу обе руки, зачистил непрерывной скороговоркой:

– О! Здравствуйте, любезнейший! Здравствуйте! Вы ж меня помните! Я – Красавицкий! Ну, вспомнили! – обрадовался он утвердительно, игнорируя недоуменное лицо усача. – Вижу, вспомнили! А вы, батенька, прифрантились. Бонтонно! И все пишете, пишете...

– Да, пишу, – согласился озадаченно вглядывающийся в Мира усач.

– Уж не бельведер ли этот прекрасный вас вдохновил? – очертил Мир полукружье рукой. – Красота изумительная. Киев – прекрасный! Или я вздор вру? – заигрывающе пере-спросил он.

«Вздор, – подтвердила Маша. – Я ж тебе говорила. Бельведер – это возвышенность, башня, гора с беседкой».

– Да нет, не бельведер... – Господин поискал глазами нечто пригодное для применения итальянского слова. Но не нашел.

Не было Башни Киевиц в ведьмацком остроконечном колпаке.

Не было на углу Владимирской и Прорезной пятиэтажного дома с башней в округлой царской шапке.

Не было, куда ни глянь, в Киеве-Златоглаве ни одной высоты, кроме сотен золотых куполов, сотен церквей!

– Анекдот один мучает, скорее жуткий, чем прекрасный. – Судя по медлительности слов усача, отвечая, он тщетно старался припомнить накинувшегося на него энтузиастического красавца в цилиндре. – Нынче, в час пополудни, на Царской у меня на глазах трамвай человека убил. Машина адская...

– Простите мой реприманд, – перебил Красавицкий, – но если трамвай – «машина адская», то сатана – слесарь-сантехник! – Судя по смешливости в словах Мирослава, он – сатанист XIX века, при всем желании не мог увязать понятие «ад» с маленьким допотопным трамвайчиком.

Но что трамвай, если в нынешнем (или грядущем) 1895 году крестьянин чуть не забил насмерть дубинкой велосипедиста, искренне посчитав того чертом, а велосипед – адской машиной! А ведь велосипед, в отличие от трамвая, никого не убивал...

– Позвольте вам возразить, – обиделся господин. – В кармане у жертвы была обнаружена записка прелюбопытнейшего содержания, имеющая прямое касательство к чертовщине. Мне позволили списать ее.

– Позвольте полюбопытствовать? – Мир уже тянул бесцеремонные руки к записке.

Маша б тоже желала полюбопытствовать.

Желала так сильно, что даже встала на цыпочки и хотя понятно – приблизить к желаемому это ее никак не могло.

– Суеверия. Невежество. Темнота, – охарактеризовал свое отношение к прочитанному Мир Красавицкий. – Да что я! – не дал он усачу вставить ни слова. – Скажите лучше, мне, неудобопереносимому, где творение ваше читать? Толстой вы наш! Будем-с ждать с нетерпением! Вы ж весь – прелесть! Так где? Где?

– В «Киевлянине», если угодно. Почту за честь. Не обессудьте, спешу. – Господин захлопнул книжку и, отвесив назойливому франту короткий кивок, спешно зашагал прочь.

– Выходит, все-таки журналист. – Мир вернулся к Маше. – Ну, как я его?

– Ты быстро учишься, – похвалила она.

– На, бери. Я знал, что ты захочешь прочесть. – Красавицкий протягивал ей записку.

– Ты украл у него?! – обомлела студентка.

– Ловко?!

– Но некрасиво, – пристыдила его Ковалева.

Тем не менее развернула и жадно прочла:

На острове Кияне, на море Окияне стоит дуб-стародуб.

На том дубе-стародубе лежит кровать тесовая.

На той кровати лежит перина пуховая.

На той перине лежит змея-Катерина и две сестры ее....

Змея-Катерина и две сестры ее, соберите всех своих змеев и змей. Их тринадцать сестер, их тринадцать братьев: залечные, подпечные, щелевые, дворовые, подгорожные, подорожные, лессовые, садовые, которую я не напому, напомниме себе сами, самая злая – игольница переярая. Соберите их и спросите, которая из них подишутила, свой яд упустила крещеному телу Отечества-Руси.

Я вас прошу, змея-Катерина и две сестры ее, выньте свой яд из крещеного тела Руси! Если же вы не поможете, свой яд не вынете, буду жаловаться ангелу-архангелу небесному, грозному, с точеным копьем, с

*каленным мечом. Он вас побьет, он вас пожжет, пепел ваш в океан-море
снесет, повыведет все племя и род.*

Вот вам один отговор. Сто их тринадцать отговоров вам.

Машу передернуло так, словно ее тело пронзил разряд электричества, засиявшего над Крещатиком в 1892.

«Змея-Катерина...»

«К+2!» «Змея-Катерина и две сестры ее!»

«AAA не прольет...»

– Что-то случилось? – немедленно забеспокоился Мир.

– Я не понимаю связи...

Маша не видела ни малейшей связи меж Катей, дивным заговором (никак не вписывавшимся в историю Анны и Лиры) и Анной Ахматовой (в трамвайной истории никак не участвовавшей).

– И все же она есть, – сказала студентка. – Знаешь, – прибавила она после паузы, – я тут подумала... Первый в России трамвай – погодок Булгакова. Булгаков родился в мае 1891, трамвай пошел в мае 1892. Но ведь трамвай, как и человек, родился не тогда, когда начал ходить. Первый опыт по эксплуатации вагона электрического трамвая на Александровском спуске был проведен в 1891! Они – ровесники. Они родились одновременно. И оба родились в Киеве. Может, не случайно роман «Мастер и Маргарита» начинается с трамвая? Там ведь трамвай тоже выполняет функцию «адской машины»... Это не имеет отношения к делу Ахматовой, это я так, – быстро оправдалась она.

Мир посмотрел на нее со странной внимательностью.

– Маш, я не хотел тебя расстраивать, – сказал он. – Но, возможно, это важно. Тогда я не должен тебе врать. Впрочем, я и не соврал. Женщина ж тоже человек.

– Женщина? – догадалась Маша.

– Да. Под тем трамваем погибла женщина. Она переводила через дорогу девочку лет шести... Но не переживай. Девочка отпрыгнула в последний момент. Она осталась жива. Но это не все, – с запинкой выговорил он. – Той женщине отрезало голову.

– Как Берлиозу!

Эти слова Маша и Мир произнесли одновременно.

Глава седьмая, в которой Даша собирается умирать

Рика умерла от туберкулеза, когда Ане было пять лет. Рика жила у тети, и ее смерть держали в тайне от остальных детей. Тем не менее, Аня почувствовала, что случилось – и как она потом говорила, эта смерть пролегла тенью через все ее детство.

Виталий Вулф. «Северная звезда».

Эхе-хех...

Киевица бросила прощальный взгляд на заснеженные остатки Золотых ворот – настоящих! – не превращенных еще в помпезную оперную декорацию.

С грустью посмотрела туда, где за двумя поворотами прятался Самый прекрасный в мире Владимирский собор, еще закрытый, не только для ведьм – для всех посетителей.

«Его откроют в 1896 году – к 900-летию крещения Руси».

Вздыхнула, прижала к груди бесценный трофей с золотой этикеткой, взяла Мира за руку, прочитала заклятье и, не сходя с места, перешагнула сто десять лет.

Над ними возвышался псевдосредневековый розовый замок с крылатыми химерами, поддерживающими Башню со сказочным тонкошпильным колпаком.

Их окружало лето.

В шубке тут же стало жарко и неудобно. Мир сдернул с головы тут же ставший дурацким цилиндр и принялся вытряхиваться из пальто.

Маша взглянула на часы.

Уходя в Прошлое, она засекала время: 13.01.

Нынче «Чайка» на ее руке показывала: 13.02.

Получалось, променад по 1894 или -5 году занял ровно минуту по настоящему времени...

Сбоку тут же послышалось:

– Слава Вам, Ясная Киевица!

Маша вздрогнула – перед ней стояла встреченная на аллее Гимназистов полуголая ведьма.

– Позвольте сказать, моя Ясная Пани, – попросила она.

Маша быстро кивнула и потащила просительницу через готическую арку, в каменный и безлюдный мешок двора.

– Говорите. Можно при нем, – аттестовала она Мирослава.

На лице ведьмы отразилось недоумение.

Но его сменил страх:

– Я всем сердцем на стороне Трех! – заволновалась девица. – Но вы должны знать, ночью те, кто против вас, собираются на четвертой Горе.

– Четвертая Лысая Гора – это на Выдубичах? – сказала студентка.

– Да. Там, где казнили убийц.

Маша слегка качнула головой.

Четвертая Лысая значилась и на картах современного Киева, и в романе Михаила Булгакова «Белая гвардия» – там, в романе, взрыв на выдубецкой Лысой Горе тоже был знаменем конца старой и начала новой и страшной – революционной власти.

– Значит, у нас революция, – задумчиво вывела Маша.

Но и о «белом» романе Булгакова, и о казненных на Лысой Горе Ковалева знала немного: только то, что убийца Столыпина, киевский юрист Дмитрий Богров был повешен именно там, на Четвертой.

– Все очень плохо! – стрекотала осведомительница. – Их много. Если большинство киевских ведьм придут в полночь на Гору, они проведут обряд против вас. Сложат свою силу и передадут Наследнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.